О ЛЕГЕНДѢ

„ВЕЛИКІЙ ИНКВИЗИТОРЪ“

И рече Богъ: ѣсе Адамъ бысть ко единъ отъ Насъ, еже разумѣти ѣ рое и лукавое. И нынѣ да не когда простретъ руку свою, и возметъ отъ древа жизни, и снѣстъ, и живъ будетъ во вѣкъ". И изгна его Господь Богъ изъ Рая сладости — дѣлати землю, отъ неяже взятъ бысть.

Бытіе, IV.

Въ одной фантастической повѣсти Гоголь разсказываетъ, какъ старый ростовщикъ, умирая, призвалъ къ себѣ художника и неотступно просилъ его срисовать съ себя портретъ; когда работа уже началась, художникъ вдругъ почувствовалъ непреодолимое отвращеніе къ тому, что дѣлалъ, и къ этому отвращенію примѣшался какой-то страхъ. Ростовщикъ, однако, все слѣдилъ за работой, какая-то тоска и безпокойство свѣтились въ его лицѣ,—но когда онъ увидѣлъ, что по крайней мѣрѣ глаза окончены, въ этомъ лицѣ сверкнула радость. Художникъ отошелъ на нѣсколько шаговъ, чтобы посмотрѣть на свою работу; но едва онъ взглянулъ на нее, какъ колѣна его задрожали: въ глазахъ начатаго портрета свѣтилась жизнь, настоящая жизнь, та самая, которая уже потухала въ его оригиналѣ и какимъ тайнымъ волшебствомъ перенеслась въ эту ко-

али изъ его рукъ, и онъ съ ужа-
наты. Черезъ нѣсколько часовъ
ожникъ окончилъ жизнь въ мо-

казъ, почему-то, невольно припомнился
Когда мы задумали говорить о знаменитой легендѣ Достоевскаго. Сквозь всю фантастичность, въ немъ какъ будто мелькаетъ и какая-то правда, и вѣрно она-то вывела его на свѣтъ сознанія изъ ряда другихъ полузабытыхъ разсказовъ и связала мысль о немъ съ занимающимъ насъ предметомъ. Не выразилъ ли въ немъ Гоголь нѣкоторой тайны художественной души, быть можетъ сознавъ ее въ себѣ самомъ? Эта жизнь, перешедшая въ созданіе, это тоскливое желаніе не умереть прежде, чѣмъ совершился такой переходъ,—все это какъ будто напоминаетъ намъ что-то главное въ жизни самихъ художниковъ, поэтовъ, композиторовъ. Только воплощаемое и воплощающій здѣсь раздѣлены, и этимъ замаскирована скрытая аллегорія. Соедините ихъ,—и вы получите изображеніе судьбы и личности всякаго великаго творческаго дарованія.

Тамъ, „откуда не возвращался никто“, есть конечно жизнь: но намъ ничего не разсказано о ней, и, по всему вѣроятію, это жизнь какая-то совсѣмъ особенная, слишкомъ абстрактная для нашихъ живыхъ желаній, нѣсколько холодная и призрачная. Вотъ почему человѣкъ такъ прилѣпляется къ землѣ, такъ боязливо не хочетъ отдѣлиться отъ нея; и, такъ какъ это ранѣе или позже все-таки неизбѣжно, онъ дѣлаетъ всѣ усилія, чтобы разставаніе съ нею было не полное. Жажда безсмертія, земного безсмертія, есть самое удивительное и совершенно несомнѣнное чувство въ человѣкѣ. Не оттого ли мы такъ любимъ дѣтей, трепещемъ за жизнь ихъ бо-

лѣе, нежели за свою, уже увядающую; и когда имѣемъ радость дожить и до ихъ дѣтей—привязываемся къ нимъ еще сильнѣе, чѣмъ къ собственнымъ. Даже въ минуту совершеннаго сомнѣнія относительно загробнаго существованія, мы находимъ здѣсь нѣкоторое утѣшеніе: „пусть мы умремъ, но останутся дѣти наши, а послѣ нихъ—ихъ дѣти“ [1]). говоримъ мы въ своемъ сердцѣ, прижимаясь къ дорогой намъ землѣ. Но *это* безсмертіе, эта жизнь нашей крови послѣ того, какъ мы станемъ горстью праха, слишкомъ не полна: это какое-то разорванное существованіе, распредѣленное въ безчисленныхъ поколѣніяхъ, и въ немъ не сохраняется главнаго, что мы въ себѣ любимъ—нашей индивидуальности, цѣльной личности. Несравненно полнѣе существованіе, которое достигается въ великихъ произведеніяхъ духа; въ нихъ создающій увѣковѣчиваетъ свою личность со всѣми своими особыми чертами, со всѣми изгибами своего ума и тайнами своей совѣсти. Порою онъ не хочетъ раскрыть какой-нибудь стороны своей души, и, однако, жажда въ немъ безсмертія, индивидуальной, особой отъ другихъ жизни, такъ велика, что онъ скрываетъ, запрятываетъ среди прочаго и все-таки оставляетъ въ своихъ произведеніяхъ отраженіе этой стороны: проходятъ вѣка —и нужная черта вскрывается и встаетъ полный образъ того, кто уже не страшится болѣе смутиться передъ людьми. „Строй выше себѣ пирамиду, бѣдный человѣкъ“, говоритъ какъ будто полный этихъ ощущеній Гоголь [2]).

Во всякомъ случаѣ, чувство радости, которое испытывается при этомъ созиданіи, служитъ хоть какимъ-

---

[1]) „Подростокъ“, Ѳ. М. Достоевскаго. Изд. 3-ое. Спб. 1882, стр. 454.

[2]) „Арабески“, ч. 2. Жизнь.

нибудь просвѣтомъ среди того сумрака, который обычно окружаетъ душу великихъ поэтовъ, художниковъ, композиторовъ. Такъ глубоко и такъ часто непреодолимо разъединенные съ живымъ, окружающимъ ихъ міромъ людей, ихъ радостей и печалей, они чувствуютъ себя соединенными черезъ вѣка съ иными поколѣніями людей, мысленно живутъ въ ихъ жизни, помогаютъ имъ въ трудѣ ихъ и радуются ихъ радостямъ. Странная, нѣсколько фантастическая жизнь, черты которой, однако, мы наблюдаемъ, вчитываясь во всѣ замѣчательныя біографіи. Не даромъ покойный проф. Усовъ, натуралистъ, но и вмѣстѣ знатокъ искусства, назвалъ міръ его—„міромъ иллюзіи“ [1]).

Замѣчательно, что у каждаго почти творца въ сферѣ искусства мы находимъ одинъ центръ, изрѣдка нѣсколько, но всегда немного, около которыхъ группируются всѣ его созданія: эти послѣднія представляютъ собою какъ бы попытки высказать какую-то мучительную мысль, и когда она наконецъ высказывается,— появляется созданіе, согрѣтое высшею любовью творца своего и облитое немеркнущимъ свѣтомъ для другихъ, сердце и мысль которыхъ влекутся къ нему съ неудержимою силой. Таковъ былъ у Гете „Фаустъ“, девятая симфонія у Бетховена, Сикстинская Мадонна у Рафаэля. Это высшіе продукты психической дѣятельности, ихъ любитъ человѣчество и знаетъ, какъ то, къ чему способно оно въ лучшія свои минуты, которыя, конечно, рѣдки во всемірной исторіи, какъ рѣдки и минуты особеннаго просвѣтлѣнія въ жизни каждаго человѣка.

На одномъ изъ подобныхъ созданій мы и хотимъ

---

[1]) См. „Воспоминанія о воззрѣніяхъ С. А. Усова на искусство“, *П. Иванцова*, въ кн. III „Вопросъ философіи и психологіи“. М. 1890.

остановиться. Оно, однако, проникнуто особою мучительностью, какъ и все творчество избраннаго нами писателя, какъ и самая его личность. Это—„Легенда о Великомъ Инквизиторѣ“ покойнаго Достоевскаго. Какъ извѣстно, она составляетъ только эпизодъ въ послѣднемъ произведеніи его, „Братья Карамазовы“, но связь ея съ фабулою этого романа такъ слаба, что ее можно разсматривать какъ отдѣльное произведеніе. Но зато, вмѣсто внѣшней связи, между романомъ и „Легендою“ есть связь внутренняя: именно „Легенда“ составляетъ какъ бы душу всего произведенія, которое только группируется около нея, какъ варіаціи около своей темы; въ ней схоронена завѣтная мысль писателя, безъ которой не былъ бы написанъ не только этотъ романъ, но и многія другія произведенія его: по крайней мѣрѣ не было бы въ нихъ всѣхъ самыхъ лучшихъ и высокихъ мѣстъ.

I

Еще въ 1870 г., въ письмѣ къ Ап. Н. Майкову отъ 25 марта, Достоевскій писалъ, между прочимъ, о замыслѣ большого романа, который онъ обдумывалъ въ теченіе послѣднихъ двухъ лѣтъ и теперь хотѣлъ бы написать, пользуясь свободнымъ временемъ. „Идея“ (этого романа), говорилъ въ письмѣ, „та самая, о которой я вамъ уже писалъ. Это будетъ мой *послѣдній романъ. Объемомъ въ Войну и Миръ*, и идею вы бы похвалили, —сколько я, по крайней мѣрѣ, соображаюсь съ нашими прежними разговорами съ вами. Этотъ романъ будетъ состоять изъ пяти большихъ повѣстей (листовъ 15 въ каждой; въ 2 года *планъ у меня весь созрѣлъ*). Повѣсти совершенно отдѣлены одна отъ другой, такъ что ихъ

можно даже пускать въ продажу отдѣльно. Первую повѣсть я и назначаю Кашпиреву [1]): тутъ дѣйствіе еще въ сороковыхъ годахъ. Общее названіе романа есть: „*Житіе великаго грѣшника*“, но каждая повѣсть будетъ носить названіе отдѣльно. *Главный вопросъ, который проведется во всѣхъ частяхъ—тотъ самый, которымъ я мучился сознательно и безсознательно всю мою жизнь—существованіе Божіе.* Герой въ продолженіе жизни—*то атеистъ, то вѣрующій, то фанатикъ и сектаторъ, то опять атеистъ.* *Вторая повѣсть будетъ происходить вся въ монастырѣ.* На эту вторую повѣсть я возложилъ всѣ мои надежды. Можетъ быть скажутъ, наконецъ, что не все писалъ пустяки. Вамъ одному исповѣдуюсь, Апполонъ Николаевичъ: *хочу выставить во 2-ой повѣсти главною фигурой Тихона Задонскаго, конечно подъ другимъ именемъ, но тоже архіерей будетъ проживать въ монастырѣ на покоѣ.* 13-лѣтній *мальчикъ*, участвовавшій въ совершеніи уголовнаго преступленія, *развитый и развращенный* (я этотъ типъ знаю), *будущій герой всего романа*, посаженъ въ монастырь родителями (кругъ нашъ, образованный), и для обученія. *Волченокъ и нигилистъ-ребенокъ сходится съ Тихономъ* (вы, вѣдь, знаете характеръ и все лицо Тихона). *Тутъ-же, въ монастырѣ, посажу Чаадаева* (конечно, подъ другимъ тоже именемъ). Почему Чаадаеву не посидѣть года въ монастырѣ? Предположите, что Чаадаевъ послѣ первой статьи, за которую его свидѣтельствовали доктора каждую недѣлю, не утерпѣлъ и напечаталъ, напр., заграницей, на французскомъ языкѣ, брошюру,— очень и могло бы быть, что за это его на годъ отправили бы

---

[1]) Редакторъ журнала „Заря“, приглашавшій Достоевскаго написать къ осеннимъ мѣсяцамъ этого года какую-нибудь повѣсть.

посидѣть въ монастырь. *Къ Чаадаеву могутъ пріѣхать гости и другіе.* Бѣлинскій напр., Грановскій, Пушкинъ даже. (Вѣдь у меня же не Чаадаевъ, *я только* въ романъ *беру этотъ типъ*). *Въ монастырѣ есть и Павелъ Прусскій, есть и Голубовъ, и инокъ Парфеній* (въ этомъ мірѣ я знатокъ и монастырь русскій знаю съ дѣтства). Но *главное—Тихонъ и мальчикъ.* Ради Бога, не передавайте никому содержанія этой второй части... Я вамъ исповѣдуюсь. Для другихъ пусть это гроша не стоитъ, но для меня—сокровище. Не говорите же про Тихона. Я написалъ о монастырѣ Страхову, но про Тихона не писалъ. Авось, выведу величавую, *положительную* (курсивъ Достоевскаго), святую фигуру. Это ужъ не Констанджогло-съ и не нѣмецъ въ Обломовѣ [1]; и не Лопуховы, не Рахметовы [2]. Правда, я ничего не создамъ, а только выставлю дѣйствительнаго Тихона, *котораго я принялъ въ свое сердце давно съ восторгомъ.* Но я сочту, если удастся, и это для себя важнымъ подвигомъ. Не сообщайте же никому. Но *для втораго романа, для монастыря—я долженъ быть въ Россіи*“ [3].

Кто не узнаетъ въ торопливыхъ и разбросанныхъ строкахъ этого письма первый очеркъ „Братьевъ Карамазовыхъ“, съ его старцемъ Зосимою и съ чистымъ образомъ Алеши (очевидно, раздѣленная фигура Тихона Задонскаго), съ развитымъ и развращеннымъ, правда уже не мальчикомъ, но молодымъ человѣкомъ Иваномъ Карамазовымъ, съ поѣздкою въ монастырь (помѣщикъ

„Почемъ мы знаемъ: можетъ быть именно Тихонъ-то и составляетъ нашъ русскій *положительный* типъ, который ищетъ наша литература, а не Лаврецкій, не Чичиковъ, не Рахметовъ и проч.“. Приписка Достоевскаго къ письму.

Два послѣдніе—герои романа „Что дѣлать?“

[3]) См. „Біографія и Письма“. Спб. 1883, отд. 2-й, стр. 233—234.

Міусовъ, очевидно—передѣланная фигура Чаадаева), со сценами монастырской жизни, и пр. Но всегдашняя нужда разстроила предположенія Достоевскаго. Связываемый срочными обязательствами, въ которыя онъ входилъ съ редакціями и книгопродавцами, онъ принужденъ былъ усиленно работать, и хотя изъ написаннаго имъ за это время было много прекраснаго, однако все это не было осуществленіемъ его задушевной мечты и уже созрѣвшаго плана. Очевидно, онъ все дожидался досуга, который далъ бы возможность обработывать неторопливо. Кромѣ денежной нужды, этому чрезвычайно препятствовала и его впечатлительность: онъ не могъ, хотя на время, закрыть глаза на текущія дѣла, тревоги и вопросы нашей жизни и литературы. Съ 1876 г. онъ началъ выпускать „Дневникъ Писателя“, создавъ имъ новую, своеобразную и прекрасную форму литературной дѣятельности, которой въ будущемъ, во всѣ тревожныя эпохи, вѣроятно еще суждено будетъ играть великую роль. Чрезвычайный успѣхъ этого изданія, можно было опасаться, совершенно не дастъ ему возможности сосредоточиться на какой-нибудь цѣльной работѣ, и, какъ многіе планы, замыселъ большого романа, уже обдуманнаго нѣсколько лѣтъ назадъ, мало-по-малу заглохнетъ, самый энтузіазмъ къ нему разсѣется.

Но судьба, такъ часто злая извнѣ къ великимъ людямъ, всегда бережно обходится съ тѣмъ, что есть въ нихъ внутренняго, глубокаго и задушевнаго. Мысль, которой предстоитъ жизнь, не умираетъ съ носителями своими, даже когда смерть застигаетъ ихъ неожиданно или случайно. Хотя бы передъ самымъ наступленіемъ ея, повинуясь какому-то безотчетному и неудержимому влеченію, они отрываются отъ всего побочнаго и дѣлаютъ то, что нужно—самое главное въ своей жизни.

Безпорядочный, страстный, передъ тысячами ожидающихъ глазъ [1]), Достоевскій вдругъ умолкаетъ и замыкается въ себя, „чтобы заняться одною художественною работой“ [2]); онъ успокаиваетъ читателей „Дневника“, что это не болѣе, какъ на одинъ годъ, ему необходимый для работы, послѣ чего онъ вновь возвратится къ ежемѣсячной бесѣдѣ съ ними. Но предчувствію, выраженному семь лѣтъ назадъ [3]), суждено было сбыться: предпринимаемая художническая работа стала дѣйствительно его „послѣднимъ романомъ“, и даже послѣднимъ неоконченнымъ литературнымъ трудомъ. Въ 1880 и 1881 годахъ было выпущено только по одному нумеру „Дневника“—въ минуту особеннаго оживленія [4]) и въ промежутокъ отдыха между первымъ большимъ отдѣломъ романа и его вторымъ отдѣломъ, который долженъ былъ „представлять собою почти самостоятельное цѣлое“. Въ этотъ краткій промежутокъ отдыха ему суждено было окончить свои дни. Послѣдніе томы романа, „обширнаго какъ *Война и Миръ*“, не были написаны. Четырнадцать книгъ, составляющія четыре части (съ эпилогомъ) „Братьевъ Карамазовыхъ“, представляютъ собою выполненіе, уже доведенное до конца, перваго отдѣла обширной художественной эпопеи. Вотъ что пишетъ онъ объ общемъ планѣ ея въ предисловіи къ „Братьямъ Карамазовымъ“: „Хотя жизнеописаніе (героя, которое служитъ содержаніемъ романа) у меня одно, но романовъ два. Главный романъ—второй: это дѣятельность

---

1) Объ успѣхѣ „Дневника Писателя“ см. цифровыя данныя въ его „Біографіи и Письмахъ“, отд. I, стр. 300.

2) См. „Дневникъ Писателя“ за 1877 г., декабрь: „Къ читателямъ“.

3) См. выше въ письмѣ къ Ап. Н. Майкову.

4) По поводу Пушкинскаго праздника единственный № за 1880 г., съ „Рѣчью о Пушкинѣ“ и объясненіями къ ней.

моего героя уже въ наше время, или въ нашъ тепе-
решній текущій моментъ. Первый же романъ произо-
шелъ еще тридцать лѣтъ назадъ—и это почти даже и
не романъ, а лишь *одинъ моментъ изъ первой юности
моего героя*. Обойтись мнѣ безъ этого перваго романа не-
возможно, потому что многое во второмъ романѣ стало
бы непонятнымъ".

Очевидно, даже внѣшній планъ долго вынашиваемаго произведенія былъ сохраненъ въ „Братьяхъ Карамазовыхъ"; и все нужное къ его выполненію было также сдѣлано теперь: въ 1879 г. Достоевскій ѣздилъ въ знаменитую Оптину Пустынь, чтобы обновить свои воспоминанія о монастырской жизни. Въ старцѣ монастыря этого, отцѣ Амвросіѣ, нравственно-религіозный авторитетъ котораго и до сихъ поръ руководитъ жизнью тысячъ людей, онъ, вѣроятно, нашелъ нѣсколько драгоцѣнныхъ и живыхъ чертъ для задуманнаго имъ *положительнаго* образа. Но первоначальный планъ подвергся нѣкоторымъ измѣненіямъ и принялъ въ себя много дополненій. Положительный образъ старца, который Достоевскій хотѣлъ вывести въ своемъ романѣ, не могъ стать центральнымъ лицомъ въ немъ, какъ онъ первоначально думалъ это сдѣлать: установившійся и неподвижный, этотъ образъ могъ быть очерченъ, но его нельзя было ввести въ движеніе передаваемыхъ событій. Вотъ почему старецъ Зосима только показывается въ „Братьяхъ Карамазовыхъ": онъ благословляетъ на жизненный подвигъ своего любимаго послушника, Алешу Карамазова, и умираетъ. Вмѣсто его, центральнымъ лицомъ всего сложнаго произведенія долженъ былъ стать этотъ послѣдній [1]). Нравственный образъ Алеши въ

[1]) Это высказано положительно и въ предисловіи къ „Братьямъ Карамазовымъ".

высшей степени замѣчателенъ по той обрисовкѣ, которая ему придана. Видѣть въ немъ только повтореніе типа кн. Л. Н. Мышкина (герой „Идіота“) было бы грубою ошибкой. Кн. Мышкинъ, такъ же какъ и Алеша, чистый и безупречный, чуждъ внутренняго движенія, онъ лишенъ страстей вслѣдствіе своей болѣзненной природы, ни къ чему не стремится, ничего не ищетъ осуществить; онъ только наблюдаетъ жизнь, но не участвуетъ въ ней. Такимъ образомъ, пассивность есть его отличительная черта; напротивъ, натура Алеши прежде всего дѣятельна и одновременно съ этимъ она также ясна и спокойна. Сомнѣнія [1]), даже чувственныя страсти [2]) и способность къ гнѣву [3])—все есть въ этомъ полномъ человѣческомъ образѣ, и съ тѣмъ вмѣстѣ есть въ немъ какое-то глубокое пониманіе разносторонняго въ человѣческой природѣ: онъ какъ-то близокъ, интименъ со всякимъ человѣкомъ, съ которымъ ему приходится вступать въ сношенія. Братъ Иванъ и Ракитинъ, развращенный старикъ, его отецъ, и мальчикъ Коля Красоткинъ—одинаково доступны ему. Но, вникая въ чужую внутреннюю жизнь, онъ внутри себя всегда остается твердъ и самостоятеленъ. Въ немъ есть неразрушимое ядро, отъ котораго идутъ всепроницающія нити, способныя завязаться, бороться и побѣждать внутреннее содержаніе другихъ людей. И между тѣмъ, этотъ человѣкъ, такъ уже сильный, является передъ нами еще только отрокомъ—образъ удивительный, впервые показавшійся въ нашей литературѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что оборванный конецъ (или, точнѣе, главная часть) „Братьевъ

---

[1]) См. его думы и слова послѣ кончины старца Зосимы.

[2]) Одинъ разговоръ съ Ракитинымъ, гдѣ онъ, „дѣвственникъ“, признается, что ему слишкомъ понятны „Карамазовскія бури“.

[3]) Разговоръ съ братомъ Иваномъ о страданіяхъ дѣтей.

Карамазовыхъ“ унесъ отъ насъ многія откровенія человѣческой души, что тамъ были бы слова, дѣйствительно проясняющія путь жизни. Но этому не суждено было сбыться; въ той части романа, которую мы имѣемъ передъ собой, Алеша только готовится къ подвигу: онъ болѣе выслушиваетъ, чѣмъ говоритъ, изрѣдка вставляетъ только замѣчанія въ рѣчи другихъ, иногда спрашиваетъ, но больше молча наблюдаетъ. Однако, всѣ эти черты, только обрисовывающія типъ, но еще не высказывающія его, положены такъ тонко и вѣрно, что и недоконченный образъ уже свѣтится передъ нами настоящею жизнью. Въ немъ мы уже предчувствуемъ нравственнаго реформатора, учителя и пророка, дыханіе котораго однако замерло въ тотъ мигъ, когда уста уже готовы были раскрыться—явленіе единственное въ литературѣ, и не только въ нашей. Если бы мы захотѣли искать къ нему аналогіи, мы нашли бы ее не въ литературѣ, но въ живописи нашей. Это—фигура Іисуса въ извѣстной картинѣ Иванова: также далекая, но уже идущая, пока незамѣтная среди другихъ, ближе стоящихъ лицъ, и, однако, уже центральная и господствующая надъ ними. Образъ Алеши запомнится въ нашей литературѣ, его имя уже произносится при встрѣчѣ съ тѣмъ или инымъ рѣдкимъ и отраднымъ явленіемъ въ жизни; и, если суждено будетъ намъ возродиться когда-нибудь къ новому и лучшему, очень возможно, что онъ будетъ путеводною звѣздой этого возрожденія.

Но если Алеша Карамазовъ только обрисованъ въ романѣ, но не высказался въ немъ, то его братъ, Иванъ, и обрисованъ и высказался („Легенда объ инквизиторѣ“). Такимъ образомъ, внѣ предположеній Достоевскаго, не успѣвшаго окончить своего романа, эта фигура и стала центральною во всемъ его произведеніи, т. е.

собственно она осталась таковою, потому что другой и его заслоняющей фигурѣ (Алеши) не пришлось выступить и, безъ сомнѣнія, вступить въ нравственную и идейную борьбу съ своимъ старшимъ братомъ. Такимъ, образомъ, „Братья Карамазовы“ есть дѣйствительно еще не романъ, въ немъ даже не началось дѣйствіе: это только прологъ къ нему, безъ котораго „послѣдующее было бы непонятно“. Но, судя по прологу, цѣлое должно было стать такимъ мощнымъ произведеніемъ, которому подобное трудно назвать во всемірной литературѣ: только Достоевскій, способный совмѣщать въ себѣ „обѣ бездны—бездну вверху и бездну внизу“, могъ написать не смѣшную пародію, но дѣйствительную и серьезную трагедію этой борьбы, которая уже тысячелѣтія раздираетъ человѣческую душу,—борьбы между отрицаніемъ жизни и ея утвержденіемъ, между растлѣніемъ человѣческой совѣсти и ея просвѣтлѣніемъ. Онъ только, пережившій эту борьбу и въ чистомъ энтузіазмѣ, съ которымъ создавалъ „Бѣдныхъ людей“ [1]), и въ шумномъ кружкѣ Петрашевскаго, и въ дебряхъ Сибири, среди каторжниковъ, и въ долгомъ уединеніи въ Европѣ, могъ сказать намъ одинаково сильно и „pro“ и „contra“ [2]); безъ лицемѣрія „pro“ и безъ суетнаго тщеславія „contra“.

По отношенію къ характерамъ, которые выведены въ „Братьяхъ Карамазовыхъ“, характеры его предыдущихъ романовъ можно разсматривать какъ предуготовительные: Иванъ Карамазовъ есть только послѣдній и самый полный выразитель того типа, который, колеблясь то въ одну, то въ другую сторону, уже и ранѣе рисо-

---

[1]) См. объ этомъ воспоминанія въ „Дневн. Писат.“, за январь 1877 г.

[2]) Это названіе носятъ двѣ центральныя книги въ „Братьяхъ Карамазовыхъ“.

вался передъ нами то какъ Раскольниковъ и Свидригайловъ („Преступл. и Наказ."), то какъ Николай Ставрогинъ („Бѣсы"), отчасти какъ Версиловъ („Подростокъ"); Алеша Карамазовъ имѣетъ свой прототипъ въ кн. Мышкинѣ („Идіотъ") и отчасти въ лицѣ, отъ имени котораго ведется разсказъ въ романѣ „Униженные и Оскорленные": отецъ ихъ, „съ профилемъ римскаго патриція временъ упадка", рождающій дѣтей и бросающій ихъ, любитель потолковать о бытіи Божіемъ „за коньячкомъ", но главное—любитель надругаться надъ всѣмъ, что интимно и дорого человѣку, есть завершеніе типа Свидригайлова и стараго князя Вальковскаго („Униженные и Оскорбленные"). Только Дмитрій Карамазовъ, нелѣпый и въ основѣ все-таки благородный, смѣсь добра и зла, но не глубокаго, является новымъ лицомъ; кажется, одинъ капитанъ Лебядкинъ („Бѣсы") вѣчно утопленный и возбужденный, можетъ еще хоть нѣсколько, конечно извнѣ только, напомнить его. Новымъ лицомъ является и четвертый братъ, Смердяковъ, это незаконное порожденіе Ѳедора Павловича и Лизаветы „смердящей", какой-то обрывокъ человѣческаго существа, духовное Квазимодо, синтезъ всего лакейскаго, что есть въ человѣческомъ умѣ и въ человѣческомъ сердцѣ. Но эта повторяемость главныхъ характеровъ не тольконе вредитъ достоинству „Братьевъ Карамазовыхъ", но и возвышаетъ ихъ интересъ: Достоевскій есть прежде всего психологъ, онъ не изображаетъ намъ бытъ, въ которомъ мы ищемъ все новаго и новаго, но только душу человѣческую съ ея неуловимыми изгибами и переходами, и въ нихъ мы прежде всего слѣдимъ за преемственностью, желаемъ знать, во что разрѣшается, чѣмъ заканчивается то или иное теченіе мыслей, тотъ или иной душевный строй. И съ этой точки зрѣнія,

какъ завершающее произведеніе, „Братья Карамазовы“ имѣютъ неисчерпаемый интересъ. Но чтобы понять его вполнѣ, нужно сказать нѣсколько словъ о томъ общемъ смыслѣ, который имѣетъ дѣятельность Достоевскаго.

II

Извѣстенъ взглядъ [1]), по которому вся наша новѣйшая литература исходитъ изъ Гоголя; было бы правильнѣе сказать, что она вся въ своемъ цѣломъ явилась отрицаніемъ Гоголя, борьбою противъ него. Она вытекаетъ изъ него, если смотрѣть на дѣло съ внѣшней стороны, сравнивать пріемы художественнаго творчества, его формы и предметы. Также какъ и Гоголь. весь рядъ послѣдующихъ писателей, Тургеневъ, Достоевскій, Островскій, Гончаровъ, Л. Толстой, имѣютъ дѣло только съ дѣйствительною жизнью, а не съ созданною въ воображеніи („Цыганы“, „Мцыри“), съ положеніями, въ которомъ мы всѣ бываемъ, съ отношеніями, въ которыя мы всѣ входимъ. Но если посмотрѣть на дѣло съ внутренней стороны, если сравнить по содержанію творчество Гоголя съ творчествомъ его мнимыхъ преемниковъ, то нельзя не увидѣть между ними діаметральной противоположности. Правда, взоръ его и ихъ былъ одинаково устремленъ на жизнь: но то, что они увидѣли въ ней и изобразили, не имѣетъ ничего общаго съ тѣмъ, что видѣлъ и изображалъ онъ. Не составляетъ ли тонкое пониманіе внутреннихъ движеній человѣка самой рѣзкой, постоянной и отличительной черты всѣхъ новыхъ нашихъ писателей? За дѣйствіями, за положеніями,

---

[1]) Онъ подробно развитъ, между прочимъ, у Ап. Григорьева въ статьѣ: „Взглядъ на современную изящную словесность, и ея исходная историческая точка“. См. Сочиненія, стр. 8—20.

за отношеніями мы повсюду у нихъ видимъ человѣческую душу, какъ скрытаго двигателя и творца всѣхъ видимыхъ фактовъ. Ея волненія, ея страсти, ея паденія и просвѣтлѣнія—вотъ что составляетъ предметъ ихъ постояннаго вниманія. Оттого столько задумчиваго въ ихъ созданіяхъ; за это мы такъ любимъ ихъ, и считаемъ постоянное чтеніе ихъ произведеній за средство лучшаго очеловѣчивающаго воспитанія. Теперь если, сосредоточивъ какъ на главномъ на этой особенности свое вниманіе, мы обратимся къ Гоголю, то почувствуемъ тотчасъ же страшный недостатокъ въ его творчествѣ этой самой черты—*только ея одной и только у него одного.* Свое главное произведеніе онъ назвалъ „Мертвыя души“ и, внѣ всякаго предвидѣнія, выразилъ въ этомъ названіи великую тайну своего творчества и, конечно, себя самого. Онъ былъ геніальный живописецъ внѣшнихъ формъ, и изображенію ихъ, къ чему одному былъ способенъ, придалъ какимъ-то волшебствомъ такую жизненность, почти скульптурность, что никто не замѣтилъ, какъ за этими формами ничего въ сущности не скрывается, нѣтъ никакой души, нѣтъ того, кто бы носилъ ихъ. Пусть изображаемое имъ общество было дурно и низко, пусть оно заслуживало осмѣянія: но развѣ уже не изъ людей оно состояло? Развѣ для него уже исчезли великіе моменты смерти и рожденія, общіе для всего живого чувства любви и ненависти? И если, конечно—нѣтъ, то *тѣмъ же* эти фигуры, которыя онъ вывелъ передъ нами, какъ своихъ героевъ, могли отозваться на эти великіе моменты, почувствовать эти общія страсти? Что было за одеждою, которую одну мы видимъ на нихъ, такого, что могло бы хоть когда-нибудь по-человѣчески порадоваться, пожалѣть, возненавидѣть? И спрашивается, если они не были способны ни

къ любви, ни къ глубокой ненависти, ни къ страху, ни къ достоинству, то для чего же въ концѣ-концовъ они трудились и пріобрѣтали, куда-то ѣздили и что-то переносили? Гоголь выводитъ однажды дѣтей,—и эти дѣти уже такія же безобразныя, какъ и ихъ отцы, также лишь смѣшныя и осмѣиваемыя, какъ и они, фигуры. Разъ или два онъ описываетъ, какъ пробуждается любовь въ человѣкѣ,—и мы съ изумленіемъ видимъ, что единственное, что̀ зажигаетъ ее, есть простая физическая красота, красота женскаго тѣла для мужчины (Андрей Бульба и полячка), которая дѣйствуетъ мгновенно и за первымъ мгновеніемъ о которой уже нечего разсказывать, нѣтъ всѣхъ тѣхъ чувствъ и словъ, которыя мы слышимъ въ заунывныхъ пѣсняхъ нашего народа, въ греческой антологіи, въ германскихъ сказаніяхъ. и повсюду на всей землѣ, гдѣ любятъ и страдаютъ, а не наслаждаются только тѣломъ. Неужели же это былъ сонъ для всего человѣчества, который разоблачилъ Гоголь, сорвавъ наконецъ грезы и показавъ дѣйствительность? И не правильнѣе ли думать, что не человѣчество грезило и онъ одинъ видѣлъ правду, но, напротивъ, оно чувствовало и знало правду, которую и отразило въ поэзіи всѣхъ народовъ на протяженіи тысячелѣтій, а онъ самъ грезилъ и свои больныя грезы разсказалъ намъ, какъ дѣйствительность:

„И почему я долженъ пропасть червемъ?“ говоритъ его герой въ трудную минуту, оборвавшись въ таможнѣ. „И что я теперь? куда я гожусь? Какими глазами я „стану смотрѣть теперь въ глаза всякому почтенному „отцу семейства? Какъ не чувствовать мнѣ угрызенія „совѣсти, зная, что даромъ бременю землю? И что ска- „жутъ потомъ мои дѣти? „*Вотъ*“, скажутъ, „*отецъ — скотина: не оставилъ намъ никакого состоянія*“.

„Уже извѣстно, что Чичиковъ сильно заботился о „своихъ потомкахъ. *Такой чувствительный предметъ!* „Иной, можетъ быть, и не такъ бы глубоко запустилъ „руку, если бы не вопросъ, который, неизвѣстно по- „чему, приходитъ самъ собою: а что̀ скажутъ дѣти? И „вотъ будущій родоначальникъ, какъ осторожный котъ, „покося только однимъ глазомъ въ бокъ, не глядитъ-ли „откуда хозяинъ, хватаетъ поспѣшно все, что къ нему „поближе: мыло-ли стоитъ, свѣчи-ли, сало“ [1]).

Какой ужасъ, какое отчаяніе, и неужели это правда? Развѣ мы не видѣли на деревенскихъ и городскихъ погостахъ старухъ, которыя сидятъ и плачутъ надъ могилами своихъ стариковъ, хотя они оставили ихъ въ рубищѣ, въ которомъ и сами жили? Развѣ, видя отходящимъ своего отца, *гдѣ-нибудь* дѣти подходятъ къ матери и спрашиваютъ: „остаемся-ли мы съ состояніемъ“? Развѣ ложь и выдумка вся несравненная поэзія нашихъ народныхъ причитаній [2]), нисколько неуступающая поэзіи „Слова о полку Игоря“? Какіе образы, какая задушевная грусть, какія надежды и воспоминанія! И какимъ тусклымъ, безжизненнымъ взглядомъ нужно было взглянуть на дѣйствительность, чтобы просмотрѣть все это, не услышать этихъ звуковъ, не задуматься надъ этими рыданіями. Мертвымъ взглядомъ посмотрѣлъ Гоголь на жизнь и мертвыя души только увидалъ онъ въ ней. Вовсе не отразилъ дѣйствительность онъ въ своихъ произведеніяхъ, но только съ изумительнымъ мастерствомъ нарисовалъ рядъ каррикатуръ на нее: отъ

---

[1]) „Мертвыя души“. Изд. 1873 г. стр. 258.

[2]) См. „Причитанія сѣвернаго края“, собранныя г. Барсовымъ. „Плачъ Ярославны“, самое поэтическое мѣсто въ „Словѣ“, есть, очевидно, перенесенное сюда народное причитаніе. Сравни языкъ, образы, обороты рѣчи.

этого-то и запоминаются онѣ такъ, какъ не могутъ запомниться никакіе живые образы. Разсмотрите рядъ лучшихъ портретовъ съ людей, дѣйствительныхъ въ жизни, одѣтыхъ плотью и кровью,—и вы рѣдкій изъ нихъ запомните; взгляните на очень хорошую каррикатуру,—и еще много времени спустя, даже проснувшись ночью, вы вспомните ее и разсмѣетесь. Въ первыхъ есть смѣшеніе чертъ различныхъ, и добрыхъ и злыхъ наклонностей, и, пересѣкаясь другъ съ другомъ, онѣ взаимно смягчаютъ одна другую,—ничего яркаго и рѣзкаго не поражаетъ васъ въ нихъ; въ каррикатурѣ взята одна черта характера, и вся фигура отражаетъ только ее—и гримасой лица, и неестественными конвульсіями тѣла. Она ложна и навѣки запоминается. Таковъ и Гоголь.

И здѣсь лежитъ объясненіе всей его личности и судьбы. Признавая его геній, мы съ изумленіемъ останавливаемся надъ нимъ, и когда спрашиваемъ себя: почему онъ такъ не похожъ на всѣхъ [1]), что́ дѣлаетъ его

---

[1]) Въ „Выбранныхъ мѣстахъ изъ переписки съ друзьями“ можно, въ сущности, найти всѣ данныя для опредѣленія внутренняго процесса его творчества. Вотъ одно изъ ясныхъ и точныхъ мѣстъ: „Я уже отъ многихъ *своихъ* недостатковъ избавился тѣмъ, что *передалъ* ихъ своимъ *героямъ*, ихъ осмѣялъ въ нихъ и заставилъ другихъ также надъ ними посмѣяться... Тебѣ объяснится также и то, почему я не выставлялъ до сихъ поръ читателю явленій утѣшительныхъ и не избиралъ въ мои герои *добродѣтельныхъ людей*. Ихъ *въ головѣ не выдумаешь. Пока не станешь самъ сколько-нибудь на нихъ походить*, пока не добудешь постоянствомъ *и не завоюешь* силою *въ душу нѣсколько добрыхъ качествъ*,—мертвечина будетъ все, что ни напишетъ перо твое“. („Четыре письма къ разнымъ лицамъ по поводу *Мертвыхъ душъ*“, письмо третье. Здѣсь довольно ясно выраженъ субъективный способъ созданія всѣхъ образовъ его произведеній: они суть *выдавленныя* наружу качества *своей* души, о срисовкѣ ихъ съ чего-либо *внѣшняго*

особеннымъ, то невольно начинаемъ думать, что это особенное—не избытокъ въ немъ человѣческаго существа, не полнота силъ сверхъ нормальныхъ границъ нашей природы, но, напротивъ, глубокій и страшный изъянъ въ этой природѣ, недостатокъ того, что у всѣхъ есть, чего никто не лишенъ. Онъ былъ до такой степени уединенъ въ своей душѣ, что не могъ коснуться ею никакой иной души: и вотъ отчего такъ почувствовалъ всю скульптурность наружныхъ формъ, движеній, обликовъ, положеній. О немъ, другѣ Пушкина, современникѣ Грановскаго и Бѣлинскаго, о членѣ славянофильскаго кружка въ лучшую, самую чистую пору его существованія, разсказываютъ, что „онъ не могъ найти положительнаго образа для своихъ созданій“; и мы сами слышимъ у него жгучія, слишкомъ „зримыя“ слезы по чемъ-то неосуществимомъ, по какомъ-то будто-бы „*идеалѣ*“. Не ошибка-ли тутъ въ словѣ, и, подставивъ нужное, не разгадаемъ-ли мы всей его тайны? Не идеала не могъ онъ найти и выразить; онъ, великій художникъ формъ, сгорѣлъ отъ безсильнаго желанія вложить хоть въ одну изъ нихъ какую-нибудь живую душу. И когда не могъ все-таки преодолѣть неудержимой потребности,—чудовищныя фантасмагоріи показались въ его произведеніяхъ, противоестественная Улинька и какой то грекъ Костанжогло, не похожіе ни на сонъ, ни на дѣйствительность. И онъ сгорѣлъ въ безсильной жаждѣ при-

---

даже и не упоминается. Также опредѣляется и самый процессъ созданія: берется *единичный* недостатокъ, сущность котораго хорошо извѣстна изъ субъективной жизни, и на него пишется иллюстрація, или иллюстрація „съ моралью“. Ясно, что уже каждая черта этого образа отражаетъ въ себѣ по своему этотъ только недостатокъ, ибо иной цѣли рисуемый образъ и не имѣетъ. Это и есть сущность каррикатуры.

коснуться къ человѣческой душѣ; что то неясное говорятъ о его послѣднихъ дняхъ, о какомъ то безуміи, о страшныхъ мукахъ раскаянія, о постѣ и голодной смерти [1]). Какой урокъ, прошедшій въ нашей исторіи, котораго мы не поняли! Геніальный художникъ всю свою жизнь изображалъ человѣка и не могъ изобразить его души. И онъ сказалъ намъ, что этой души нѣтъ, и, рисуя мертвыя фигуры, дѣлалъ это съ такимъ искусствомъ, что мы въ самомъ дѣлѣ на нѣсколько десятилѣтій повѣрили, что было цѣлое поколѣніе ходячихъ мертвецовъ,—и мы возненавидѣли это поколѣніе, мы не пожалѣли о нихъ всякихъ словъ, которыя въ силахъ сказать человѣкъ только о бездушныхъ существахъ. Но онъ, виновникъ этого обмана, понесъ кару, которая для насъ еще въ будущемъ. Онъ умеръ жертвою недостатка своей природы,—и образъ аскета, жгущаго свои сочиненія, есть послѣдній, который оставилъ онъ отъ всей странной, столь необыкновенной своей жизни. „Мнѣ отмщеніе и Азъ воздамъ“—какъ будто слышатся эти слова изъ-за треска камина, въ который геніальный безумецъ бросаетъ свою геніальную и преступную клевету на человѣческую природу.

Что не сознается людьми, то иногда чувствуется ими съ тѣмъ большею силою. Вся литература наша послѣ Гоголя обратилась къ проникновенію въ человѣческое существо;—и не отсюда-ли, изъ этой силы противодѣйствія, вытекло то, что ни въ какое время и ни у какого народа всѣ тайники человѣческой души не были такъ

---

[1]) См. о немъ въ „Литературныхъ воспоминаніяхъ“ И. С. Тургенева („какое умное и какое *больное* существо“) и также Ѳ. И. Буслаева: „Мои досуги“. М. 1886 г., т. 2, стр. 235—239, съ историческими словами Гоголя, обращенными (за нѣсколько дней до смерти) къ *кольку*-Щепкину: „*оставайтесь всегда такимъ*“.

глубоко вскрыты, какъ это совершилось въ послѣднія десятилѣтія у всѣхъ насъ на глазахъ? Нѣтъ ничего поразительнѣе той перемѣны, которую испытываешь, переходя отъ Гоголя къ какому-нибудь изъ новыхъ писателей: какъ будто отъ кладбища мертвецовъ переходишь въ цвѣтущій садъ, гдѣ все полно звуковъ и красокъ, сіянія солнца и жизни природы. Мы впервые слышимъ человѣческіе голоса, видимъ гнѣвъ и радость на человѣческихъ лицахъ, знаемъ, какъ смѣшны иногда они бываютъ: и всетаки любимъ ихъ, потому что чувствуемъ, что они люди и, слѣдовательно, братья намъ. Вотъ въ рядѣ маленькихъ разсказовъ Тургенева тѣ же деревни, поля и дороги, по которымъ можетъ быть проѣзжалъ и герой „Мертвыхъ душъ“, и тѣ же мелкіе уѣздные города, гдѣ онъ заключалъ свои купчія крѣпости. Но какъ живетъ все это у него, дышетъ и шевелится, наслаждается и любитъ. Тѣ же мужики передъ нами, но это уже не нѣсколько идіотовъ, которые, чтобы разнять запутавшихся лошадей, неизвѣстно для чего взлѣзаютъ на нихъ и колотятъ ихъ дубинами по спинамъ; мы видимъ дворовыхъ и крѣпостныхъ, но это не вѣчно пахнущій Петрушка и не Селифанъ, о которомъ мы знаемъ только, что онъ всегда бывалъ пьянъ. Какое разнообразіе характеровъ, угрюмыхъ и свѣтлыхъ, исполненныхъ практической заботы или тонкой поэзіи. Всматриваясь въ черты ихъ, живыя и индивидуальныя, мы начинаемъ понимать свою исторію, самихъ себя, всю окружающую жизнь,—что такъ широко разрослась изъ нѣдръ этого народа. Какой чудный дѣтскій міръ развертывается передъ нами въ грезахъ Обломова, въ воспоминаніяхъ Неточки Незвановой, въ „Дѣтствѣ и Отрочествѣ“, въ сценахъ „Войны и Мира“, у заботливой Долли въ „Аннѣ Карениной“: и неужели все это менѣе дѣйствительность,

чѣмъ Алкидъ и Ѳемистоклюсъ, эти жалкія куклы, злая издѣвка надъ тѣми, надъ кѣмъ никто не издѣвался? А мысли Болконскаго на Аустерлицкомъ полѣ, молитвы сестры его, тревоги Раскольникова, и весь этотъ сложный, разнообразный, уходящій въ безграничную даль міръ идей, характеровъ, положеній, который раскрылся передъ нами въ послѣднія десятилѣтія,—что̀ скажемъ мы объ немъ въ отношеніи къ Гоголю? какимъ словомъ опредѣлимъ его историческое значеніе? Не скажемъ-ли, что это есть раскрытіе жизни, которая умерла въ немъ, возстановленіе достоинства въ человѣкѣ, которое онъ у него отнялъ?

III

Достоевскій прежде всѣхъ другихъ заговорилъ о жизни, которая можетъ биться подъ самыми душными формами, о человѣческомъ достоинствѣ, которое сохраняется при самыхъ невозможныхъ условіяхъ. Въ крошечномъ и прелестномъ разсказѣ „Честный воръ“ [1]) мы видимъ двѣ фигуры, изъ тѣхъ, мимо которыхъ ежедневно проходимъ, не замѣчая ихъ. Бѣдный уголъ, простыя рѣчи, случай, какіе слишкомъ часты—все это какъ лучъ изъ какого-то далекаго міра падаетъ на нашу душу: мы забываемъ на минуту свои мысли и желанія и внимательно присматриваемся къ этому лучу. Образы, которые мы знали раньше только снаружи, просвѣчиваютъ передъ нами, и мы видимъ сердце, которое въ нихъ бьется. Нѣсколько минутъ прошло, лучъ снова исчезъ, мы опять возвращаемся къ обычному теченію своихъ

---

[1]) „Полное собраніе сочиненій“ Ѳ. М. Достоевскаго. Изд. 1882 г., т. 2, стр. 463 и слѣд. Ниже указывая томы, мы всегда будемъ разумѣть изданіе этого года, первое посмертное и до сихъ поръ лучшее.

идей, но что-то уже перемѣнилось въ нихъ, что-то стало въ нихъ невозможно болѣе и что-то стало навсегда неизбѣжно: неизбѣжна—тревога за человѣческое существо, какъ бы далеко оно ни отстояло отъ насъ, невозможно—презрѣніе къ человѣку, гдѣ бы мы его ни встрѣтили, Среди всей мудрости, которую мы впитываемъ въ себя, на всей высотѣ своихъ понятій, мы вдругъ иногда оставливаемся и спрашиваемъ: такъ же ли чистъ нашъ внутренній міръ, такъ же ли тепло въ насъ сердце, какъ въ тѣхъ убогихъ и бѣдныхъ людяхъ, которыхъ мы на минуту видѣли и навсегда запомнили? И слова апостола: „пусть языкомъ твоимъ говорятъ ангелы, но если въ словахъ твоихъ не будетъ любви, то они будутъ мѣдью звенящей и кимваломъ бряцающимъ“—становятся ясны для насъ, какъ никогда; мы понимаемъ, что въ нихъ дано мѣрило добра и зла, съ которымъ мы никогда не погибнемъ и которое приложимо къ всякой мудрости.

Кто пробуждаетъ въ насъ пониманіе, тотъ возбуждаетъ въ насъ и любовь. Вслѣдъ за авторомъ мы идемъ и спускаемся въ тусклый міръ человѣческаго существованія, которое было до сихъ поръ скрыто отъ насъ, и вмѣстѣ съ нимъ разсматриваемъ живыя существа, которыя тамъ копошатся. „Вы думали, что они перестали страдать, что они ничего болѣе не чувствуютъ“, говоритъ онъ намъ: „прислушайтесь къ языку ихъ, всмотритесь въ ихъ лица: развѣ вы сами умѣете такъ чувствовать, развѣ въ трудную минуту вы встрѣчали въ окружающихъ такое участіе, какимъ они согрѣваютъ другъ друга въ этомъ мракѣ и въ этомъ холодѣ? И посмотрите, какая вѣра въ нихъ живетъ, какъ далеки они отъ слабыхъ жалобъ, какъ мало обвиняютъ и терпѣливо несутъ свой крестъ. Вы думали, что

они только трудятся и питаются, предоставивъ мысли и желанія вамъ? Нѣтъ, въ нихъ живутъ всѣ ваши страсти, и они понимаютъ многое, что непонятно вамъ. Это—люди, совершенно такіе же люди, какъ вы, многое сохранившіе, что̀ вы потеряли, и немногое не успѣвшіе пріобрѣсти, что̀ вы пріобрѣли. Вы видѣли ихъ: теперь ступайте и, если можете, забудьте этотъ міръ“.

И когда вы въ нерѣшительности останавливаетесь, онъ смотритъ на васъ проницающимъ взглядомъ и продолжаетъ: „отчего вы не идете, что удерживаетъ васъ? Помните же то, что въ васъ пробудилось, и не забывайте никогда въ вашихъ соображеніяхъ: *совѣсть*—она живетъ и во всѣхъ людяхъ, и также въ этихъ. Вы видите не руки, которыя устали, не ноги, которымъ холодно, не желудки, которые пусты. Вы видите передъ собой милліоны человѣческихъ душъ, и когда вздумаете, что ихъ нужно только согрѣть, накормить и успокоить,—вспомните, какъ забыли вы теперь о снѣ и пищѣ, которые васъ ожидаютъ. Я сказалъ все. Теперь идиге и занимайтесь вашей философіей или древностями. Я же останусь съ ними, и если не съумѣю раздѣлить ихъ трудъ—раздѣлю ихъ горести и когда-нибудь, быть можетъ, порадуюсь ихъ радости“.

Сквозь философскіе и историческіе интересы, которые вновь васъ окружаютъ, сквозь блескъ всего міра красоты, который приковываетъ васъ въ искусствахъ и литературѣ, вы съ тѣхъ поръ чувствуете иногда что-то тревожное, и вамъ припоминается странный человѣкъ, который однажды завелъ васъ въ міръ, такъ не похожій на все, что̀ вы знали, и остался тамъ, сказавъ свои угрюмыя слова. Силенъ-ли онъ, и что онъ *тамъ* сдѣлаетъ, надъ чѣмъ пронеслись тысячелѣтія и улеглась наша цивилизація? Въ свободныя минуты вы берете

томы его разсказовъ, чтобы внимательнѣе всмотрѣться въ его лицо, попробовать силу его мышцъ и крѣпость его мысли.

Передъ вами проходитъ рядъ его повѣстей и разсказовъ. Сколько смѣшного и серьезнаго, подчасъ невозможно нелѣпаго [1]): точно человѣкъ, который, готовясь что-то сказать, предварительно брызгаетъ слюною и издаетъ невнятные звуки. Но вотъ рѣчь устанавливается, вы забываете ненужное и вникаете въ ея смыслъ. Какое богатство чувства, какое пониманіе всего, самаго важнаго, что нужно понять человѣку. Вотъ проходитъ передъ нами грустная и смѣшная идиллія („Слабое сердце"), вотъ благоуханная поэзія „Бѣлыхъ ночей" и жгучая страстность неоконченной повѣсти, съ ея безумнымъ музыкантомъ, бѣгущимъ по темнымъ улицамъ города со своею малолѣтнею дочерью („Неточка Незванова"). А вотъ исполненный неподдѣльной веселости разсказъ „Маленькій герой" (т. 2); мы справляемся и узнаемъ, что онъ былъ написанъ въ крѣпости, за нѣсколько недѣль до суда, приговора и, быть можетъ, казни. „Да, этотъ человѣкъ серьезенъ", думаемъ мы невольно; „что бы ни было въ его внутреннемъ мірѣ, этотъ міръ крѣпокъ, если творческая работа продолжается въ немъ и передъ зіяющею могилой". Но самое любопытное—это то, что онъ вращается не исключительно въ томъ мірѣ, гдѣ мы оставили его, онъ легко поднимается вверхъ, и только занимается здѣсь почти исключительно дѣтскимъ міромъ (княжна Катя въ „Неточкѣ Незвановой", дочь откупщика въ „Елкѣ и свадьбѣ"). Глядя на міръ этотъ, свѣтлый и невинный, онъ также ясенъ и оживленъ, какъ

---

[1]) Напр. „Романъ въ девяти письмахъ" и „Хозяйка" въ „Сочиненіяхъ", т. 2.

и тамъ, среди убогихъ бѣдняковъ; и та же тревога за этотъ міръ видна въ немъ, какъ за тѣхъ, забытыхъ людьми, людей: какъ недовѣрчивъ и сумраченъ дѣлается его взглядъ, когда подходятъ къ этому играющему міру взрослые. Вотъ Юліанъ Мастаковичъ, разсчитывающій по пальцамъ лѣта дѣвочки и проценты къ капиталу, на нее положенному, цифру котораго онъ случайно узналъ на дѣтскомъ вечерѣ:

„Триста, триста“, шепчетъ важный сановникъ „..11, 12... 16—пять лѣтъ; положимъ по 4% на 100—двѣнадцать, пять разъ 12=60, да на эти 60... Да не по четыре же держитъ, мошенникъ, можетъ восемь, аль десять беретъ“ [1])...

Счетъ прерывается; онъ на цыпочкахъ подкрадывается къ занятому куклой ребенку и цѣлуетъ его въ голову:

— „А что вы тутъ дѣлаете, милое дитя“,—говоритъ онъ взволнованнымъ шепотомъ.

Дѣтскій вечеръ кончается при оживленномъ удивленіи гостей, съ умиленіемъ смотрящихъ на привѣтливый разговоръ важнаго сановника съ ребенкомъ богатаго откупщика. Глаза читателя закрываются и снова открываются черезъ пять лѣтъ: пасмурный день (какъ всегда у Достоевскаго), приходская церковь, прекрасная, едва расцвѣтшая дѣвушка и встрѣчающій ее женихъ. Шопотъ въ народѣ о богатствѣ невѣсты и хоть нѣсколько постарѣвшія, но узнанныя черты жениха объяснили разсказчику все,—и онъ вспомнилъ о дѣтской елкѣ пять лѣтъ назадъ, въ морозную ночь, наканунѣ новаго года.

На этомъ же вечерѣ, среди веселыхъ дѣтскихъ фигурокъ, онъ отмѣчаетъ загнаннаго мальчугана, сына гу-

---

[1]) Сочиненія, т. 2, стр. 485—486.

вернантки въ хозяйскомъ домѣ, съ его мучительнымъ желаніемъ подойти и поиграть съ другими дѣтьми, которыя отъ него сторонятся. Дѣтскій умъ уже понимаетъ различія положеній, а дѣтская натура влечетъ переступить черезъ нихъ. Онъ робокъ и заискивающъ,—такой веселый вечеръ повторится не скоро,—и вотъ онъ жмется къ дѣтямъ, затаиваетъ обиды отъ нихъ и угодливо льститъ, лишь бы они его не отгоняли отъ себя. Вы чувствуете, что мишура и богатство—все это, какъ дымка, стоитъ въ сторонѣ; и взоръ автора неподвижно устремленъ на то, что живетъ и движется подъ всѣмъ этимъ—на человѣческую душу, ея первыя страданія, начальныя искаженія.

„Но силенъ-ли онъ?...“ Въ нѣсколько фантастическомъ очеркѣ, сюжетъ и тонъ котораго повторится потомъ въ „Униженныхъ и Оскорбленныхъ“, разсказанъ случай встрѣчи одного уединеннаго мечтателя съ оставленною дѣвушкой. Какія странныя встрѣчи, какія задумчивыя и горячія признанія, и какъ крѣпко держатъ другъ другу руку эти два одинокія и чистыя существа. Во всей нашей литературѣ нельзя найти повѣсти, столь же ушедшей куда-то глубоко-глубоко во внутренній міръ человѣческой души, откуда не слышно болѣе людской жизни, не видно ихъ шумной суеты. Только безлунныя свѣтлыя ночи сѣвера смотрятъ на нихъ, да они сами смотрятся чистою совѣстью въ чистую совѣсть другъ друга. Но вотъ, какая-то тѣнь мелькаетъ мимо ихъ, когда онъ говоритъ ей какія-то безсвязныя рѣчи, указывая на небо. Это была четвертая ночь, четвертая ихъ встрѣча. Она жмется къ нему, рука ея дрожитъ. Знакомый голосъ, который она такъ любила, которому привыкла робко повиноваться, зоветъ ее: съ крикомъ бросается она къ тому, о комъ думала, что потеряла

его навѣки—къ своему надтреснувшему счастью, съ вѣрой въ пробужденіе и возвратъ горячей любви. Мечтатель остается одинъ; онъ возвращается домой. Какъ постарѣлымъ показалось ему все въ его одинокомъ углу,—и онъ самъ, и стѣны его комнаты, и сосѣдній домъ. Въ страстномъ и молящемъ письмѣ она объясняетъ ему все, и проситъ не упрекать ее, и не забывать,—какъ и она сама сохранитъ о немъ постоянную память. Письмо выпало у него изъ рукъ, и онъ закрылъ лицо:

„...Или лучъ солнца, внезапно выглянувъ изъ-за тучи, опять спрятался подъ дождевое облако, и все опять потускнѣло въ глазахъ моихъ; или, можетъ быть, передо мною мелькнула такъ непривѣтливо и грустно вся перспектива моего будущаго, и я увидѣлъ себя такимъ, какъ я теперь, ровно черезъ пятнадцать лѣтъ, постарѣвшимъ, въ той же комнатѣ, также одинокимъ и съ тою же Матреной, которая нисколько не поумнѣла за всѣ эти годы.

„Но чтобы я помнилъ обиду мою, Настенька! Чтобы я нагналъ темное облако на твое ясное, безмятежное счастье; чтобъ я, горько упрекнувъ, нагналъ тоску на твое сердце, уязвилъ его тайнымъ угрызеніемъ и заставилъ его тоскливо биться въ минуту блаженства; чтобъ я измялъ хоть одинъ изъ этихъ нѣжныхъ цвѣтовъ, которые ты вплела въ свои черные кудри, когда пошла вмѣстѣ съ нимъ къ алтарю... О, никогда, никогда! Да будетъ ясно твое небо, да будетъ свѣтла и безмятежна милая улыбка твоя, да будешь ты благословенна хоть за минуту блаженства и счастья, которое дала другому, одинокому, благодарному сердцу“ [1]).

Не правда-ли, слова эти сотканы какъ будто изъ лун-

---

[1]) „Бѣлыя ночи“. Сочиненія, т. 2, стр. 539.

наго свѣта? Въ нихъ то же спокойствіе, то же самоограниченіе, та же готовность свѣтиться только чужимъ счастьемъ.

И вдругъ этотъ тонъ: „Я человѣкъ больной... Я злой человѣкъ. Непривлекательный я человѣкъ. Я думаю, что у меня болитъ печень“ [1]), слышится мутный рокотъ изъ подполья. Перевертываемъ нѣсколько страницъ: „...Я убѣжденъ, что не только очень много сознанія, но даже всякое сознаніе—болѣзнь. Я стою на томъ. Оставимъ и это на минуту. Скажите мнѣ вотъ что: отчего такъ бывало, что какъ нарочно въ тѣ самыя,—да, въ тѣ самыя минуты, въ которыя я наиболѣе способенъ былъ сознать всѣ тонкости „всего прекраснаго и высокаго“, мнѣ случалось уже не сознавать, а дѣлать такія неприглядныя дѣянія, которыя хоть и всѣ дѣлаютъ, но которыя какъ нарочно приходились у меня именно тогда, когда я наиболѣе сознавалъ, что ихъ совсѣмъ бы не надо дѣлать? Чѣмъ болѣе я сознавалъ о добрѣ и о всемъ этомъ „прекрасномъ и высокомъ“, тѣмъ глубже я и опускался въ мою тину и тѣмъ способнѣе былъ совершенно завязнуть въ ней“ [2]). Перелистываемъ дальше: „...Законный, непосредственный плодъ сознанія—это инерція. Усиленно повторяю: всѣ непосредственные люди и дѣятели потому и дѣятельны, что они тупы и ограниченны. Какъ это объяснить? А вотъ какъ: они, вслѣдствіе своей ограниченности, ближайшія и второстепенныя причины за первоначальныя принимаютъ; такимъ образомъ, скорѣе и легче другихъ убѣждаются, что непреложное основаніе своему дѣлу нашли,—ну, и успокоиваются, а, вѣдь, это главное. Вѣдь, чтобъ начать дѣйствовать, нужно быть совер-

---

1) „Записки изъ подполья“. Сочиненія, т. 3, стр. 443.
2) Тамъ же стр. 446.

шенно успокоеннымъ предварительно и чтобъ сомнѣній ужъ никакихъ не оставалось. Ну, а какъ я, напримѣръ, себя успокою? Гдѣ у меня первоначальныя причины, на которыя я упрусь, гдѣ основанія? Откуда я ихъ возьму? Я упражняюсь въ мышленіи, а слѣдственно у меня всякая первоначальная причина тотчасъ же тащитъ за собой другую, еще первоначальнѣе, и т. д. въ безконечность. Такова именно сущность всякаго сознанія и мышленія. Это уже опять, стало быть, законы природы“.

Мелькаютъ постыдныя признанія и геніальная діалектика, показываются золотыя булавки, которыя скучающая Клеопатра втыкаетъ въ груди своихъ невольницъ, топчется „поэзія“ извѣстныхъ стиховъ:

Когда изъ мрака заблужденья
Горячимъ словомъ убѣжденья
Я душу падшую извлекъ..

и на безсильно опустившемся тѣлѣ дѣвушки, возрожденной и потомъ истерзанной, выскакиваетъ какая-то гнусная фигура, безъ имени и безъ образа, и кричитъ: „я—человѣкъ“ [1]).

Да, думаете вы, этотъ человѣкъ силенъ. Душа, въ которой зародились столь различные звуки и образы, и всѣ эти мысли,—способна побороться со всѣмъ, съ чѣмъ человѣкъ въ силахъ бороться. Онъ можетъ быть не выслушанъ, можетъ быть непонятъ: никакой пророкъ не обратитъ песокъ пустыни въ чуткихъ слушателей. Но

---

[1]) См. „По поводу мокраго снѣга“ въ „Запискахъ изъ подполья“. Сочиненія, т. 3, стр. 472—538. Единственную аналогію съ этимъ произведеніемъ, однимъ изъ глубочайшихъ у Достоевскаго, представляетъ „Племянникъ Рамо“ у Дидро. Первоначальный очеркъ характера „героя подполья“ представляетъ, но исключительно съ комической стороны, Ѳома Ѳомичъ въ повѣсти *Село Степанчиково и его обитатели.* (Сочиненія, т. 3)

на безбрежныхъ равнинахъ исторіи не вѣчно же будетъ лежать песокъ,—и тогда жатва его придетъ.

Одновременно съ этимъ писателемъ, который такъ привлекаетъ насъ, выступаетъ группа другихъ. Вотъ задумчивый сквозь сонъ Гончаровъ, съ его артистическою любовью къ человѣку, при яркомъ освѣщеніи солнца, среди безграничнаго міра Божія слѣдитъ, не замѣчая ни этого солнца, ни этого міра, одинъ уголокъ его и медленно рисуетъ свой узоръ. Вотъ суетный и слабый Тургеневъ, столь даровитый, такъ много думавшій, вводитъ насъ въ чарующій міръ своего слова, роняетъ мысли, такъ запоминающіяся, и выводитъ рядъ образовъ, нѣсколько блѣдныхъ и, однако, всегда привлекательныхъ. Наконецъ, вотъ и Толстой, для мощи котораго, кажется, нѣтъ предѣловъ, открываетъ необъятную панораму человѣческой жизни всюду, гдѣ завершилась она въ твердыя формы. Мы колеблемся; погруженные въ выполненіе своей миссіи, ни однимъ взглядомъ не отрываясь отъ нея, эти великіе художники неотразимо влекутъ къ себѣ всѣхъ. Сравнительно съ созданіями ихъ, какъ неправильно все то, что создаетъ писатель, за которымъ мы хотѣли бы послѣдовать: его образы нерѣдко искажены, его рѣчи недостаетъ гармоніи; это какъ будто хаосъ, къ которому еще не приложены мѣра и число, или какъ будто уже смѣшались въ немъ всѣ числа и мѣры. Особенно сильно наше колебаніе при взглядѣ на міръ Толстого: здѣсь не одна невыразимая прелесть созданій влечетъ насъ, тутъ есть нѣчто другое, болѣе глубокое и удерживающее. Для насъ очевидно, что онъ прикоснулся къ Элевзинскимъ таинствамъ природы, и слушаетъ глухіе звуки, и всматривается въ неясныя тѣни, припавъ къ Матери-землѣ, изъ которой растетъ все живое. Онъ старается уловить смыслъ вся-

каго рожденія и каждой смерти, въ узкомъ предѣлѣ которыхъ заключено бѣдное существованіе человѣка. Но древнія преданія говорятъ намъ, что и тамъ, въ настоящихъ Элевзиніяхъ, для посвященныхъ открывался смыслъ жизни и умиранія только издали и въ аллегорическихъ образахъ. Повидимому, этимъ однимъ навсегда суждено ограничиться человѣку.

Какъ ни привлекателенъ міръ красоты, есть нѣчто еще болѣе привлекательное, нежели онъ: это — паденія человѣческой души, странная дисгармонія жизни, далеко заглушающая ея немногіе стройные звуки. Въ формахъ этой дисгармоніи проходятъ тысячелѣтнія судьбы человѣчества. И, если мы посмотримъ на всемірную литературу, мы увидимъ, что ни чей взоръ въ ней не былъ устремленъ съ такимъ проникновеніемъ на причины этой дисгармоніи, какъ взоръ писателя, котораго мы избираемъ. Оттого, среди всего хаоса его произведеній, мы ни у кого не найдемъ такой цѣльности и полноты, есть что-то кощунственное въ немъ и вмѣстѣ религіозное. Онъ не избираетъ ни одной картины въ природѣ, чтобы любить ее и возсоздавать; его интересуютъ только швы, которыми стянуты всѣ эти картины, онъ, какъ холодный аналитикъ, всматривается въ нихъ и хочетъ узнать, почему весь образъ Божьяго міра такъ искаженъ и неправиленъ. И съ этимъ анализомъ онъ непостижимымъ образомъ соединилъ въ себѣ чувство самой горячей любви ко всему страдающему. Какъ будто то искаженіе, которое проходитъ по лицу Божія міра, особенно глубоко прошло по немъ самомъ, тронуло его внутренній міръ, и, какъ никто другой, онъ ярко почувствовалъ и все страданіе, которое „сущая тварь“ несетъ въ себѣ, и приблизился къ пониманію его скрытой сущности. Отсюда вытекаетъ глубокая субъективность его произ-

веденій и ихъ страстность: онъ не извнѣ зоветъ насъ пойти и раздѣлить съ нимъ его интересы, которыми мы можемъ заняться наравнѣ со всякими другими, его голосъ доходитъ до насъ какъ будто издали, и когда мы приближаемся, мы видимъ одинокое и странное существо тамъ, гдѣ никого другого нѣтъ, и оно говоритъ намъ о нестерпимыхъ мученіяхъ человѣческой природы, о совершенной невозможности выносить ихъ и о необходимости найти какіе-нибудь пути, чтобы изъ нихъ выйти. Отсюда—болѣзненный тонъ всѣхъ его произведеній, отсутствіе въ нихъ внѣшней гармоніи частей, и міръ неутолимаго страданія, который онъ открываетъ, переплетенный съ мыслью о его непонятныхъ причинахъ, о его непостижимыхъ цѣляхъ.

Это-то и сообщаетъ его произведеніямъ вѣковѣчный смыслъ, не умирающее значеніе. Было бы анахронизмомъ въ настоящее время разбирать характеры, выведенные, напр., Тургеневымъ, хотя со времени ихъ созданія прошло немного лѣтъ: они отвѣтили на интересы своей минуты, были поняты въ свое время и теперь за ними осталась привлекательность исключительно художественная. Мы ихъ любимъ, какъ живые образы, но намъ уже нечего въ нихъ разгадывать. Совершенно обратное мы находимъ у Достоевскаго: тревога и сомнѣнія, разлитыя въ его произведеніяхъ, есть наша тревога и сомнѣнія, и таковыми останутся они для всякаго времени. Въ эпохи, когда жизнь катится особенно легко или когда ея трудность не сознается, этотъ писатель можетъ быть даже совсѣмъ забытъ и не читаемъ. Но всякій разъ, когда въ путяхъ исторической жизни почувствуется что-либо неловкое, когда идущіе по нимъ народы будутъ чѣмъ-либо потрясены или смущены. имя и образъ писателя, такъ много думавшаго объ

этихъ путяхъ, пробудится съ нисколько не утраченною силой.

Туда, куда зоветъ онъ—въ ірмъ искаженія и страданія, къ разсмотрѣнію самыхъ швовъ, которыми скрѣплена природа, можно пойти дѣйствительно, забывъ и міръ красоты, открываемый въ искусствахъ и поэзіи, и холодныя сферы науки, слишкомъ далекія отъ нашей бѣдной земли, которой забыть мы никакъ не можемъ. Вѣдь идти туда—значитъ удовлетворить глубочайшимъ потребностямъ своего сердца, которому какъ-то сродно страданіе, оно имѣетъ необъяснимый уклонъ къ нему; и пойти съ такою цѣлью, — это значитъ отвѣтить на главный запросъ ума, который онъ снова и снова высказываетъ сквозь все, чѣмъ пытается развлечь его наука и философія.

IV

Въ 1863 г. Достоевскій оставилъ на нѣсколько дней Парижъ, въ которомъ онъ проводилъ тогда свое время [1]), чтобы посѣтить Лондонъ и его всемірную выставку. Въ нѣсколько безпорядочной по виду, но, въ сущности, глубоко связной и сосредоточенной статьѣ, онъ передаетъ о впечатлѣніи, которое оставилъ въ немъ этотъ „день и ночь суетящійся и необъятный какъ море городъ“, съ визгомъ и завываніемъ его машинъ, съ бѣгущими по крышамъ кварталовъ рельсами, съ хаосомъ движеній

---

[1]) Это была первая его заграничная поѣздка. Свое первое впечатлѣніе отъ Европы онъ описываетъ прямо въ „Зимнихъ замѣткахъ о лѣтнихъ впечатлѣніяхъ“ (Сочиненія, изд. 1882 г., т. 3) и *косвенно* во многихъ своихъ романахъ, гдѣ общее чувство его къ Европѣ выразилось даже цѣльнѣе и ярче; сюда относится, напр., въ *Подросткѣ* стр. 453 и слѣд., имѣющія большое автобіографическое значеніе.

своихъ и мощью замысловъ. „Отравленная Темза, воздухъ, пропитанный каменнымъ углемъ, великолѣпные скверы и парки, и *страшные углы города, какъ Вайтчапель, съ его полуголымъ, дикимъ и голоднымъ населеніемъ*“—все сложилось у него въ цѣльную картину, части которой не разъединимы. Какъ и повсюду, мимо частныхъ и бѣгущихъ интересовъ, онъ задумывается надъ общимъ смысломъ этой картины, ея вѣковѣчнымъ значеніемъ: „Вы чувствуете страшную силу, которая соединила тутъ всѣхъ этихъ безчисленныхъ людей, пришедшихъ со всего міра, въ едино стадо; вы сознаете исполинскую мысль; вы чувствуете, что *тутъ что-то уже достигнуто, что тутъ побѣда, торжество...* Вамъ отчего-то становится страшно. *Ужъ не это-ли, въ самомъ дѣлѣ, достигнутый идеалъ?* думаете вы; не конецъ-ли тутъ? Не это-ли ужъ въ самомъ дѣлѣ „*едино стадо*“... Духъ вашъ тѣснитъ: все это такъ торжественно, побѣдно и гордо. Вы смотрите на эти сотни тысячъ, на эти милліоны людей, *покорно текущихъ сюда со всего земного шара* — людей, пришедшихъ *съ одною мыслью*, тихо, упорно и молча толпящихся въ этомъ колоссальномъ дворцѣ (говорится о Хрустальномъ дворцѣ выставки), и чувствуете, что тутъ *что-то окончательное совершилось*, совершилось и закончилось. *Это какая-то библейская картина, что-то о Вавилонѣ, какое-то пророчество изъ Апокалипсиса, воочію совершающееся.* Вы чувствуете, что много надо вѣковѣчнаго духовнаго отпора и отрицанія, чтобъ не поддаться; не подчиниться впечатлѣнію, не поклониться факту и не обоготворить Ваала, т. е. *не принять существующаго за свой идеалъ* [1])“.

---

[1]) „Зимнія замѣтки о лѣтнихъ впечатлѣніяхъ“, гл. V: „Ваалъ“. Сочиненія, т. 3, стр. 406.

Во всемъ, что открывается его наблюденію, онъ высматриваетъ самостоятельно возникшее и слѣдовательно мощное, все же заимствованное, и слѣдовательно слабое, онъ упускаетъ. Въ Римѣ онъ хотѣлъ видѣть папу. но въ Лондонѣ онъ даже не взглянулъ на Соборъ св. Павла. Зато онъ посѣтилъ „шабашъ бѣлыхъ негровъ“, какъ называетъ онъ ночь съ субботы на воскресенье въ рабочихъ кварталахъ города: „Полмилліона работниковъ и работницъ, съ ихъ дѣтьми, разливаются какъ море, и празднуютъ всю ночь, до пяти часовъ, *напьдаясь и напиваясь за всю недѣлю*. Все это несетъ сюда свои еженедѣльныя экономіи, *все наработанное тяжкимъ трудомъ и проклятіемъ*... Толстѣйшими пучками горитъ газъ, ярко освѣщая улицы. *Точно балъ устраивается для этихъ бѣлыхъ негровъ*. Народъ толпится въ отворенныхъ тавернахъ и въ улицахъ. Тутъ же ѣдятъ и пьютъ. Пивныя лавки разубраны какъ дворцы. Все пьяно, но *безъ веселья, а мрачно, тяжело,—и все какъ-то странно молчаливо*. Только иногда ругательства и кровавыя потасовки нарушаютъ эту подозрительную и грустно дѣйствующую на васъ молчаливость. Все это поскорѣе торопится напиться до потери сознанія... Жены не отстаютъ отъ мужей и напиваются вмѣстѣ съ мужьями; дѣти бѣгаютъ и ползаютъ между ними“ [1]). Онъ замѣчаетъ, что въ этой потерѣ сознанія есть что-то „систематическое, покорное, *поощряемое*.“ Своимъ обобщающимъ умомъ онъ стремится уловить скрытый смыслъ и этого факта, связать его съ тѣмъ, что̀ онъ видѣлъ днемъ и что́ такъ гордо своею законченностью, своимъ совершенствомъ: этотъ потъ, этотъ угрюмый развратъ, эта жажда забыться хоть на нѣсколько часовъ въ недѣлю, все это

---

[1]) Тамъ же, стр. 407.

мерещится ему, какъ милліоны человѣческихъ душъ, *положенныхъ въ уголъ возводимой башни*, которая, правда, чуть не досягаетъ до неба, но зато какъ страшно давитъ на землю! Для этихъ паріевъ „долго еще не сбудется пророчество, долго не дадутъ имъ пальмовыхъ вѣтвей и бѣлыхъ одеждъ, и долго еще будутъ они взывать къ престолу Всевышняго:—*Доколѣ, Господи!*“ [1]).

Библейскіе образы—это вѣдь только величайшее обобщеніе фактовъ, до какого могли додуматься исторія и философія; „пальмовыя вѣтви и бѣлыя одежды“—это только жажда радости и свѣта для милліоновъ задавленныхъ существъ, теперь—необходимыхъ придатковъ къ чудовищнымъ машинамъ съ совершенно ненужными остатками какого-то въ себѣ сознанія. Достоевскій понимаетъ фактъ во всей его цѣлости и полнотѣ: онъ видитъ не ноги, которымъ холодно, не руки, которыя устали; онъ видитъ человѣка, который раздавленъ, и спрашиваетъ: развѣ онъ не также алчетъ и достоинъ духовной радости, какъ и всѣ мы, которые не можемъ безъ нея жить?

Но это только задавленныя существа, но еще не извращенныя: образъ Божій въ нихъ померкъ, но по крайней мѣрѣ не искаженъ. Онъ посѣтилъ Гай-Маркетъ, кварталъ, гдѣ ночью толпятся тысячами публичныя женщины. Ярко освѣщенныя улицы, кофейни, разубранныя зеркалами и золотомъ, гдѣ въ одно и то же время „и сборища, и пріюты; жутко входить въ эту толпу. И такъ странно она составлена. Тутъ и старухи, тутъ и красавицы, передъ которыми останавливаешься въ изумленіи. Во всемъ мірѣ нѣтъ такого красиваго типа женщинъ, какъ англичанки. Все это, не умѣщаясь на тро-

---

[1]) Тамъ же, стр. 408.

туарахъ, толпится на улицахъ, тѣсно, густо. Все это ждетъ добычи и бросается съ безстыднымъ цинизмомъ на перваго встрѣчнаго. Тутъ и блестящія дорогія одежды, и почти лохмотья, и рѣзкое различіе лѣтъ,—все вмѣстѣ. Въ этой ужасной толпѣ толкается и пьяный бродяга, сюда же заходитъ и титулованный богачъ. Слышны ругательства, ссоры, зазыванье и тихій, призывный шепотъ еще робкой красавицы. И какая иногда красота!“ Онъ описываетъ поразительной наружности молодую женщину, съ задумчивымъ развитымъ лицомъ, которая пила джинъ; около нея сидѣлъ молодой человѣкъ, очевидно непривычный посѣтитель этого квартала. „Что-то затаенное было въ ея прекрасномъ и немного гордомъ взглядѣ, что-то мыслящее и тоскующее. Она была, она не могла не быть выше всей этой толпы несчастныхъ женщинъ своимъ развитіемъ; иначе что же значитъ лицо человѣческое“ [1]). Видно было, что молодой человѣкъ отыскалъ ее здѣсь, или что это было условленное свиданіе. Оба были задумчивы и грустны, и говорили отрывками, часто умолкая; очевидно, что-то важное оставалось между ними недосказаннымъ. Наконецъ онъ всталъ, заплатилъ за водку, пожалъ ей руку и пошелъ; она, съ красными пятнами на блѣдномъ лицѣ, затерялась въ толпѣ промышляющихъ женщинъ. „*Въ Гай-Маркетъ я замѣтилъ матерей, которыя приводятъ на промыслъ своихъ малолѣтнихъ дочерей. Маленькія дѣвочки, лѣтъ по двѣнадцати, хватаютъ васъ за руку и просятъ, чтобы вы шли за ними.* Помню, разъ я увидалъ одну дѣвочку, *лѣтъ шести не болѣе*, всю въ лохмотьяхъ, грязную, босую, испитую и избитую: просвѣчивавшее сквозь лохмотья тѣло ея было въ синякахъ.

---

[1]) Тамъ же, стр. 409.

Она шла какъ бы не помня себя, не торопясь никуда, Богъ знаетъ зачѣмъ, шатаясь въ толпѣ; можетъ быть она была голодна. На нее никто не обращалъ вниманія. Но что больше всего меня поразило,—она *шла съ видомъ такого горя, такого безвыходнаго отчаянія въ лицѣ, что видѣть это маленькое созданье, тоже несущее на себѣ столько проклятія и отчаянія, было даже какъ-то неестественно и ужасно больно.* Она все качала своею всклоченною головой изъ стороны въ сторону, точно разсуждая о чемъ-то, раздвигала врозь свои маленькія руки, жестикулируя ими, и потомъ вдругъ всплескивала ихъ вмѣстѣ и прижимала къ своей голенькой груди. Я воротился и далъ ей полшилинга. Она взяла серебряную монету, потомъ дико, съ боязливымъ изумленіемъ посмотрѣла мнѣ въ глаза и вдругъ бросилась бѣжать, точно боясь, что я отниму у нея деньги“ [1]).

И мы можемъ повторить: „доколѣ, Господи!“ Всемірная выставка, Хрустальный дворецъ, и тамъ гдѣ-нибудь лекція знаменитаго физика съ блестящими опытами—стоитъ-ли все это горя крошечнаго созданья, бьющаго себя худыми ручонками въ грудь, и этихъ женщинъ, которыя ведутъ малолѣтнихъ дочерей отдать всякому, кто броситъ за это монету. Скажутъ: „такъ всегда было, и даже хуже“; это уже говорятъ въ оправданіе и ссылаются на каннибальство дикихъ народовъ, не желая вернуться къ которому мы должны, будто бы, терпѣть свое зло, специфическій ядъ цивилизаціи. Но это неправда, и не всегда такъ было. У народа, жившаго подъ заповѣдями Божіими, не было ни каннибальства, ни матерей, торгующихъ дѣтьми; тамъ были матери, собирающія колосья, нарочно оставленные на по-

---

[1]) Тамъ же, стр. 410.

ляхъ богатыми людьми [1]). И этого не было бы у насъ, *не смѣло бы быть*, если бы оставленныя намъ слова: „ищите *прежде* царствія Божія и все остальное приложится вамъ“, мы не читали съ конца, не примѣняли бы наоборотъ.

„Но когда проходитъ ночь и начинается день, тотъ же гордый и мрачный духъ снова царственно проносится надъ исполинскимъ городомъ. Онъ не тревожится тѣмъ, что было ночью, не тревожится и тѣмъ, что видитъ кругомъ себя днемъ. Ваалъ царитъ и даже не требуетъ покорности, потому что въ ней убѣжденъ. Вѣра его въ себя безгранична: онъ *презрительно и спокойно, чтобъ только отвязаться, подаетъ организованную милостыню*. Онъ не прячетъ отъ себя дикихъ, подозрительныхъ и тревожныхъ явленій жизни. Бѣдность, страданіе, ропотъ и отупѣніе массы его не тревожатъ нисколько“ (тамъ же, стр. 411).

Всѣмъ этимъ фактамъ, равно и тревогѣ по поводу ихъ, можно дать слѣдующую формулу: въ нормальномъ процессѣ всякаго развитія *благоденствіе самаго развивающагося существа есть цѣль*; такъ, дерево растетъ, чтобы осуществлять полноту своихъ формъ,—и то же можно сказать о всемъ другомъ. Изъ всѣхъ процессовъ, которые мы наблюдаемъ въ природѣ, есть только одинъ, въ которомъ этотъ законъ нарушенъ—это процессъ исторіи. *Человѣкъ* есть развивающееся въ немъ и, слѣдовательно, онъ *есть цѣль*; но это лишь въ идеѣ, въ иллюзіи: *въ дѣйствительности онъ есть средство, а цѣль—это учрежденія, сложность общественныхъ отношеній, цвѣтъ наукъ и искусствъ, мощь промышлен-*

---

[1]) См. кн. Руфь.

ности и торговли [1]). Все это неудержимо растетъ, и никогда не придетъ на мысль бѣдному человѣку хоть когда-нибудь не дать переступить черезъ себя всему этому, не лечь передъ торжествующею колесницею Ваала и не обрызгать колесъ ея кровью [2]). И народы

---

[1]) Въ исторіи есть одинъ фактъ, особенно удобный для поясненія этой мысли: въ Германіи, ко времени крестьянскаго и рыцарскаго возстаній, уже значительно распространилось римское право, вытѣснивъ мѣстные феодальные юридическіе обычаи. Тягость отъ него для всего народонаселенія была такъ велика, что возставшіе, плохіе юристы и только простые люди, требовали, между прочимъ, отмѣны римскаго права въ судебной практикѣ. Но кто же усомнится, что, будучи правомъ, какъ и средневѣковые судебные обычаи, оно неизмѣримо превосходитъ не только эти послѣднія, но и вообще все, когда-либо появлявшееся во всемірной исторіи въ сферѣ права. Дальнѣйшее распространеніе его поэтому и не прекратилось, оно было естественно и, такъ сказать, внутренно необходимо. Этотъ примѣръ показываетъ, что *усовершенствованіе* отдѣльныхъ отраслей жизни вообще не необходимо связано съ умеиьшеніемъ человѣческаго страданія, что оно имѣетъ внутреннюю закономѣрность и извнѣ *автономно*; а потому и совершается въ исторіи независимо отъ всего прочаго

[2]) Частный примѣръ и здѣсь можетъ съ удобствомъ пояснить общій историческій процессъ: 1) необходимо, чтобы въ странѣ, для поддержанія ея международнаго положенія, существовало нѣсколько сотъ тысячъ мужчинъ, спеціально занятыхъ военнымъ искусствомъ и, для большаго усовершенствованія въ немъ, —освобожденныхъ отъ заботъ семьи; 2) нужно, чтобы люди, поддерживающіе страну на высотѣ ея духовнаго и матеріальнаго процвѣтанія, какъ можно лучше подготовились для выполненія своей миссіи и глубже вошли въ сложный и трудный міръ чистыхъ и прикладныхъ наукъ. Образуется громадный контингентъ людей, семья для которыхъ возможна и удобна только въ позднемъ возрастѣ. По причинамъ, объяснять которыя было бы излишне, возникаетъ соотвѣтствующій имъ контингентъ безсемейныхъ женщинъ; съ тою разницею, однако, что для первыхъ семья есть нѣчто позднее и ея временное отсутствіе есть удобство, а для вторыхъ

стелются передъ нею; задавивъ милліоны у себя, колесница уже переходитъ въ другія страны, къ тѣмъ каннибаламъ, которые до сихъ поръ наивно въ одиночку пожирали другъ друга и которыхъ теперь, повидимому, готовится заразъ пожрать Европа.

Съ величайшей способностью къ обобщенію въ Достоевскомъ удивительнымъ образомъ была соединена чуткая воспріимчивость ко всему частному, индивидуальному. Поэтому онъ не только понялъ общій, главный смыслъ того, что совершается въ исторіи, но и почувствовалъ нестерпимый его ужасъ, какъ будто самъ переживая все то личное страданіе, которое порождается нарушеніемъ главнаго закона развитія. Тотчасъ за „Зимними замѣтками о лѣтнихъ впечатлѣніяхъ“ [1]) появились сумрачныя „Записки изъ подполья“ [2]), о которыхъ уже упоминали мы выше.

Чтеніе ихъ невольно вызываетъ мысль о необходимости у насъ комментированныхъ изданій, комментированныхъ не со стороны формы и генезиса литературныхъ произведеній, какъ это уже есть, но со стороны ихъ содержанія и смысла,—для того, чтобы рѣшить, наконецъ, вопросъ: вѣрна-ли данная мысль, или она ложна, и почему? и рѣшить это совокупными усиліями, рѣшить

семья становится навсегда закрытою, и онѣ являются безличнымъ средствомъ для удобнаго существованія другихъ. Какъ большая рѣка привлекаетъ къ себѣ маленькіе рѣчки и ручьи, и испареніями съ бассейна своего родитъ влагу и дождь, въ концѣ-концовъ опять въ нее же собирающіеся, такъ къ этому крупному потоку безсемейнаго существованія примыкаютъ многія другія мелкія теченія его, въ значительной степени порождаемыя просто его массивностью, легкостью, удобствомъ для каждаго и привычностью.

[1]) Появились въ 1863 г. въ журналѣ „Время“.

[2]) Появились въ 1, 2 и 4 №№ журнала „Эпохи“, который смѣнилъ пріостановленное „Время“ въ 1864 году.

обстоятельно и строго, какъ это доступно только для науки. Напримѣръ „Записки изъ подполья“ важны каждою своею строкою, ихъ невозможно почти свести къ общимъ формуламъ; и вмѣстѣ утвержденія, которыя въ нихъ высказаны, нельзя оставить безъ обсужденія никакому мыслящему человѣку.

Въ литературѣ нашей никогда не появлялось писателя, идеалы котораго были бы такъ совершенно отдѣлены отъ текущей дѣйствительности. Удержать ее и лишь кое въ чемъ исправить—эта мысль никогда не останавливала Достоевскаго даже на минуту. Въ силу обобщающаго склада своего ума, онъ со всѣмъ интересомъ приникъ ко злу, которое скрывается въ общемъ строѣ исторически возникшей жизни; отсюда его непріязнь и пренебреженіе ко всякой надеждѣ что-либо улучшить посредствомъ частныхъ измѣненій, отсюда вражда его къ нашимъ партіямъ прогрессистовъ и западниковъ. Созерцая лишь общее, онъ отъ дѣйствительности непосредственно переходилъ къ предѣльному въ идеѣ, и первое, что находилъ здѣсь, это—надежду съ помощью разума возвести зданіе человѣческой жизни настолько совершенное, чтобы оно дало успокоеніе человѣку, завершило исторію и уничтожило страданіе. Критика этой идеи проходитъ черезъ всѣ его сочиненія, впервые же и притомъ съ наибольшими подробностями она высказана была въ „Запискахъ изъ подполья“.

Подпольный человѣкъ—это человѣкъ, ушедшій въ глубину себя, возненавидѣвшій жизнь и злобно критикующій идеалъ раціональныхъ утопистовъ на основаніи точнаго знанія человѣческой природы, которое онъ вынесъ изъ уединеннаго и продолжительнаго наблюденія надъ собой и надъ исторіей.

Общій смыслъ этой критики есть слѣдующій: человѣкъ несетъ въ себѣ, въ скрытомъ состояніи, сложный міръ задатковъ, ростковъ, еще не обнаруженныхъ,—и обнаруженіе ихъ составитъ его будущую исторію столь же непреодолимо, какъ уже теперь дѣйствительно присутствіе этихъ задатковъ въ немъ. Поэтому предопредѣленіе нашимъ разумомъ исторіи и вѣнца ея всегда останется только наборомъ словъ, не имѣющимъ никакого реальнаго значенія.

Между этими задатками, насколько они обнаружились уже въ совершившейся исторіи, есть столько непостижимо страннаго, ирраціональнаго, что нельзя найти никакой разумной формулы для удовлетворенія человѣческой природы. *Счастье* не составитъ ли принципа для построенія этой формулы: а развѣ человѣкъ не стремится иногда *къ страданію*, развѣ есть наслажденія, за которыя Гамлетъ отдалъ бы муки своего сознанія? *Порядокъ* и планомѣрность не составятъ ли общихъ чертъ всякаго окончательнаго устроенія человѣческихъ отношеній: а, между тѣмъ, развѣ мы не любимъ иногда *хаосъ*, разрушеніе, безпорядокъ еще жаднѣе, чѣмъ правильность и созиданіе? Развѣ можно найти человѣка, который дѣлалъ бы въ теченіе всей своей жизни только *хорошее* и *должное*, и развѣ не испытываетъ онъ, долго ограничивая себя этимъ, страннаго *утомленія*, и не переходитъ, хоть на короткое время, къ поэзіи безотчетныхъ поступковъ? Наконецъ, не исчезнетъ ли для человѣка всякое счастье, когда для него исчезнетъ ощущеніе *новизны*, все неожиданное, все прихотливо измѣнчивое, согласуя съ чѣмъ теперь свой жизненный путь, онъ испытываетъ много огорченій, но и столько радостей? Однообразіе *для всѣхъ* не противорѣчитъ ли коренному началу человѣческой природы—*индивидуаль-*

ности, а *недвижность* будущаго и „идеала“ — его свободной волѣ, жаждѣ *выбрать* то или иное по-своему, иногда вопреки внѣшнему, хотя бы и разумному, опредѣленію? А безъ свободы и безъ личности будетъ ли счастливъ человѣкъ? Безъ всего этого, при вѣковомъ отсутствіи новизны, не проснутся ли съ неудержимой силой въ человѣкѣ такіе инстинкты, которые разобьютъ алмазность всякой формулы: и человѣкъ захочетъ страданія, разрушенія, крови, всего, но не того же, къ чему на вѣчность обрекла его формула; подобно тому, какъ слишкомъ долго заключенный въ свѣтлой и теплой комнатѣ изрѣжетъ руки о стекла и выйдетъ неодѣтый на холодъ, лишь бы только не оставаться еще среди прежняго? Развѣ не это ощущеніе душевнаго утомленія кидало Сенеку въ интриги и преступленія? и развѣ не заставляло оно Клеопатру втыкать золотыя булавки въ груди чёрныхъ невольницъ, жадно смотря имъ въ лицо, на эти дрожащія и улыбающіяся губы, въ эти испуганные глаза? Наконецъ, *неподвижное* обладаніе достигнутымъ идеаломъ удовлетворитъ ли человѣка, для котораго *желать, стремиться, достигать*—составляетъ непреодолимую потребность? И развѣ разсудочность исчерпываетъ, вообще, человѣческую природу: а, очевидно, она одна можетъ быть придана окончательной формулѣ самымъ ея творцомъ, разумомъ?

Человѣкъ въ цѣльности своей природы есть существо ирраціональное; поэтому какъ полное его объясненіе недоступно для разума, такъ недостижимо для него —его удовлетвореніе. Какъ бы ни была упорна работа мысли, она никогда не покроетъ всей дѣйствительности, будетъ отвѣчать мнимому человѣку, а не дѣйствительному. Въ человѣкѣ скрытъ *актъ творчества*, и онъ-то именно привнесъ въ него жизнь, наградилъ его стра-

даніями и радостями, ни понять, ни передѣлать которыхъ не дано разуму.

Иное, чѣмъ раціональное—есть мистическое. И недоступное для прикосновенія и мощи науки—можетъ быть еще достигнуто религіею. Отсюда развитіе въ Достоевскомъ мистическаго и сосредоточеніе интереса его на религіозномъ, что̀ все мы наблюдаемъ во второмъ и главномъ періодѣ его дѣятельности, который открылся „Преступленіемъ и наказаніемъ“.

V

Признаютъ Достоевскаго глубочайшимъ аналитикомъ человѣческой души. Такимъ онъ сдѣлался вслѣдствіе того, что въ ней увидѣлъ сосредоточеніе всѣхъ загадокъ, надъ которыми думаетъ человѣкъ, и разрѣшеніе всѣхъ трудностей, преодолѣть которыя въ исторіи до сихъ поръ не дано было ему.

Мы назвали выше гр. Л. Толстого художникомъ жизни въ ея завершившихся формахъ, которыя пріобрѣли твердость; духовный міръ человѣка въ предѣлахъ этихъ формъ исчерпанъ имъ съ недосягаемымъ совершенствомъ: всѣ малѣйшія движенія сердца, всѣ незамѣтные ростки мысли въ формахъ установившейся жизни, установившагося духовнаго строя изображены въ его произведеніяхъ съ отчетливостью, которая не составляетъ ничего желать. Но два великіе момента въ исторически развивающейся жизни, зарожденія и разложенія, не тронуты имъ; моменты эти несомнѣнно носятъ въ себѣ нѣчто болѣзненное, часто заключаютъ въ себѣ неправильное и иногда преступное. Отъ всего этого онъ какъ-то непреодолимо отвращается. Напротивъ, Достоевскій къ этому непреодолимо влечется: онъ восполняетъ гр.

Толстого; въ противуположность ему, онъ аналитикъ *неустановившагося* въ человѣческой жизни и въ человѣческомъ духѣ.

Его совершенная отдѣльность отъ текущей дѣйствительности, отсутствіе какихъ-либо органическихъ связей съ нею, симпатій къ ней, есть, конечно, главная причина того, что онъ исключительно останавливается на моментахъ зарожденія и разложенія. Полный ожиданій или сожалѣній, онъ вѣчно обращенъ былъ къ будущему или давно прошедшему, но никогда къ настоящему. Поэтому слѣдить, какъ, разлагаясь—умираетъ настоящее, или какъ, среди этого умиранія—брезжетъ новая жизнь, всегда было для него высшимъ удовлетвореніемъ. Въ длинномъ рядѣ его романовъ, отъ „Преступленія и Наказанія“ и до „Братьевъ Карамазовыхъ“, мы видимъ установившіеся типы только мелькающими, почти издали; на первомъ планѣ движутся люди, не принадлежащіе ни къ какой опредѣленной категоріи, встревоженные и ищущіе, разрушающіе или создающіе.

Отъ этого психическій анализъ его носитъ нѣкоторыя особенности: это есть анализъ человѣческой души *вообще*, въ ея различныхъ *состояніяхъ*, *стадіяхъ*, *переходахъ*, но не анализъ индивидуальной, обособленной и завершившейся внутренней жизни (какъ у графа Л. Н. Толстого). Не образы законченные, каждый со своимъ внутреннимъ средоточеніемъ, движутся передъ нами въ его произведеніяхъ, но рядъ тѣней чего-то одного: какъ будто различныя трансформаціи, изгибы одного рождающагося или умирающаго духовнаго существа. Поэтому размышленіе, а не созерцаніе есть главное, что возбуждаютъ въ насъ выводимыя имъ лица. Онъ вскрываетъ передъ нами тайники человѣческой совѣсти, пожалуй, развязываетъ и вскрываетъ въ предѣлахъ своихъ силъ тотъ

мистическій узелъ, который есть средоточіе ирраціональной природы человѣка.

Но, во всякомъ случаѣ, въ порядкѣ возникновенія его интересовъ психическій анализъ былъ только вторичное и обусловленное; онъ и развивается, начиная лишь съ „Преступленія и Наказанія“. Главнымъ и все обусловливающимъ для него было: человѣческое страданіе и его связь съ общимъ смысломъ жизни. Именно оно является уже, но какъ образъ только, въ первомъ его произведеніи—„Бѣдные люди“, и оно же обсуждается діалектически въ послѣднемъ („Братья Карамазовы“).

Какъ выше уже замѣчено было, коренное зло исторіи заключается въ неправильномъ соотношеніи въ ней между цѣлью и средствами: человѣческая личность, признанная только средствомъ, бросается къ подножію возводимаго зданія цивилизаціи, и, конечно, никто не можетъ опредѣлить, въ какихъ размѣрахъ и до какихъ поръ это можетъ быть продолжаемо. Ею раздавлены уже всюду низшіе классы, она готовится раздавить первобытные народности, и въ воздухѣ носится иногда идея, что данное живущее поколѣніе людей можетъ быть пожертвовано для блага будущаго, для неопредѣленнаго числа поколѣній грядущихъ. Что-то чудовищное совершается въ исторіи, какой-то призракъ охватилъ и извратилъ ее: для того, чего никто не видѣлъ, чего всѣ ждутъ только, совершается нѣчто нестерпимое: человѣческое существо, до сихъ поръ вѣчное средство, бросается уже не единицами, но массами, цѣлыми народами во имя какой-то общей далекой цѣли, которая еще не показалась ничему живому, о которой мы можемъ только гадать. И гдѣ конецъ этому, когда же появится человѣкъ *какъ цѣль*, которому принесено столько—жертвъ это остается никому неизвѣстнымъ.

Съ мощною идеею этой, которая не высказывается, но совершается, управляя фактами, Достоевскій и вступилъ въ борьбу, также не столько сознавая ее отчетливо, сколько чувствуя, ощущая.

Критика возможности окончательнаго идеала была только первою половиною задачи, выполненіе которой предстояло ему. Показавъ ирраціональность человѣческой природы и, слѣдовательно, *мнимость конечной цѣли* [1]), онъ выступилъ на защиту не относительнаго, но абсолютнаго достоинства человѣческой личности,—каждаго даннаго индивидуума, который никогда и ни для чего не можетъ быть только средствомъ.

Сюда примкнулъ рядъ его религіозныхъ идей. Замѣчательнымъ и счастливымъ было то совпаденіе, которое оказалось между результатомъ его безпристрастнаго анализа человѣческой природы и между тѣмъ,что требовалось задачами его борьбы. Первое, показавъ ирраціональность человѣческаго существа, обнаружило въ немъ присутствіе чего-то мистическаго, безъ сомнѣнія переданнаго ему въ самомъ актѣ творчества. И это въ высшей степени согласовалось съ необходимостью взгляда на человѣка, какъ на нѣчто неизмѣримо высшее, чѣмъ мы думали о немъ, религіозное, священное, неприкосновенное. Какъ аггрегатъ физіологическихъ функцій, между которыми одна есть сознаніе, человѣкъ есть, конечно, только средство,—по крайней мѣрѣ всякій разъ, когда такового требуетъ иное и большее число подобныхъ же физіологическихъ аггрегатовъ. Совершенно иное увидимъ мы въ немъ, признавъ его мистическое про-

---

[1]) Такимъ образомъ, „Записки изъ подполья“ составляютъ первый, какъ бы краеугольный камень въ литературной дѣятельности Достоевскаго, и мысли, здѣсь изложенныя, образуютъ первую основную линію въ его міросозерцаніи.

исхожденіе и мистическую природу: онъ носитъ отблескъ Творца своего, въ немъ есть Ликъ Божій, не померкающій, не преклоняющійся, но драгоцѣнный и оберегаемый.

Нужно замѣтить, что только въ религіи открывается значеніе человѣческой *личности*. Въ правѣ *личность* есть только фикція, необходимый центръ, къ которому относятся договорныя обязательства, имущественная принадлежность и пр.; значеніе ея не выяснено и не обосновано здѣсь, и если она опредѣляется такъ или иначе, то подобное опредѣленіе является первичнымъ, произвольнымъ: оно есть условіе, на которое можно и не согласиться. Сама *личность*, въ правѣ,—можетъ служить предметомъ договора; и рабство вообще есть естественное послѣдствіе чистаго, безпримѣснаго юридическаго строя. Въ политической экономіи *личность* совершенно исчезаетъ: тамъ есть только рабочая сила, къ которой лицо есть совершенно ненужный придатокъ. Такимъ образомъ, путемъ знанія, путемъ науки недостижимо возстановленіе *личности* въ исторіи: мы можемъ ее уважать, но это не есть необходимость, мы можемъ ею и пренебрегать, —и это въ особенности, когда она дурна, порочна. Но уже самое введеніе этихъ условій подкашиваетъ абсолютность *личности*: для грековъ дурны были всѣ *варвары*, для римлянъ всѣ *не граждане*, для католиковъ—*еретики*, для гуманистовъ—всѣ *обскуранты*, для людей 93-го года—всѣ *консерваторы*. Этой обусловленности и съ ней колебаніямъ, сомнѣніямъ кладетъ грань религія: личность *всякая*, которая жива, абсолютна какъ образъ Божій и неприкосновенна.

Вотъ почему, что касается въ частности до рабства, то при религіи оно тѣмъ болѣе усиливалось, чѣмъ слабѣе она или искаженнѣе становилась; напротивъ, при правѣ оно усиливалось съ его послѣдовательностью, чи-

стотою, безприм'ѣсностью. Въ исторіи наиболѣе страшно оно было у римскаго народа, самаго совершеннаго въ пониманіи права: здѣсь рабовъ крошили на говядину, которою откармливали рыбу въ прудахъ; наиболѣе же гуманно оно было у древнихъ евреевъ, жившихъ подъ строгою религіею: въ юбилейные годы тамъ всѣ рабы должны были возвращаться на свободу, т. е. они были предметомъ временнаго пользованія, но не владѣнія въ строгомъ смыслѣ, не собственности.

Въ „Преступленіи и Наказаніи“ впервые и наиболѣе обстоятельно [1]) раскрыта Достоевскимъ идея абсолютнаго значенія личности. Среди безысходнаго страданія, при видѣ гибнущихъ и готовящихся погибнуть, возмущается цѣломудренная душа главнаго героя этого романа, и онъ рѣшается переступить законъ неприкосновенности человѣка. Геніальная діалектика подставлена подъ фактъ; онъ совершенъ. И тотчасъ же, какъ произошло это, началось мистическое взаимодѣйствіе между убившимъ, убитою и всѣми окружающими людьми. Все, что совершается въ душѣ Раскольникова, ирраціонально; онъ до конца не знаетъ, почему ему нельзя было убить процентщицу. И съ нимъ вмѣстѣ и мы не понимаемъ умомъ, діалектически, состояній его совѣсти, качествъ его поступка. Но цѣльнымъ существомъ своимъ мы совершенно ясно ощущаемъ необходимость всѣхъ послѣдствій совершеннаго имъ факта. Едва разбилъ

---

[1]) Такимъ образомъ, романъ этотъ, въ литературномъ отношеніи наиболѣе строгое и, слѣдовательно, лучшее произведеніе Достоевскаго, составляетъ второй краеугольный камень въ развитіи его міровоззрѣнія. Идея, выраженная въ этомъ романѣ, положительно, защищается, но въ отрицательныхъ формахъ, еще въ „Бѣсахъ“.

онъ отраженный Ликъ Божій, правда обезображенный его носителемъ,—и онъ почувствовалъ, какъ для него самого померкъ эготъ Ликъ и съ нимъ вся природа. „Не старушонку я убилъ, себя я убилъ“, говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ. Точно что-то перемѣстилось въ его душѣ, и съ этимъ перемѣщеніемъ открылось все въ новомъ видѣ и закрылось на вѣки то, что онъ зналъ прежде. Онъ почувствовалъ, что со всѣми живыми, оставшимися по сю сторону преступленія, у него уже нѣтъ ничего общаго, соединяющаго; и никогда этого не будетъ. Онъ переступилъ по другую сторону чего-то, ушелъ отъ всѣхъ людей, кажется—туда, гдѣ съ нимъ одна убитая старушонка. Мистическій узелъ его существа, который мы именуемъ условно „душою“, точно соединенъ неощутимою связью съ мистическимъ узломъ другого существа, внѣшнюю форму котораго онъ разбилъ. Кажется, всѣ отношенія между убившимъ и убитою кончены,—между тѣмъ они продолжаются; кажется, всѣ отношенія между нимъ и окружающими людьми сохранены и лишь измѣнены нѣсколько,—между тѣмъ они перерваны совершенно. Здѣсь, въ этомъ анализѣ преступности, въ обнаруженіи какъ бы покрововъ, скорлупъ душевности, окружающихъ каждое „*я*“, и тѣ взаимодѣйствующихъ, тѣ перестающихъ взаимодѣйствовать, и разгадана глубочайшая тайна человѣческой природы, раскрытъ великій и священный законъ о непереступаемости человѣческаго существа, его абсолютности. Насколько доступно это мистическое явленіе не столько объясненію, сколько простому обозначенію словами, мы можемъ его выразить такимъ образомъ: то, что мы наблюдаемъ въ человѣкѣ, его поступки, слова, желанія, все, что о немъ знаютъ другіе и онъ знаетъ о себѣ, не исчерпываетъ полноты его существа; въ немъ есть еще иное сверхъ этого, и

притомъ главное, чего никто не знаетъ [1]). Привязываться, любить въ человѣкѣ мы должны это главное: поэтому-то и любимъ мы его иногда вопреки всему, что видимъ въ немъ; напротивъ, ненавидѣть въ человѣкѣ мы можемъ только внѣшнее и не главное, какое-то обезображеніе, которому онъ подвергъ себя. Но когда, смѣшивая то и другое, или точнѣе, ничего не зная о существованіи въ человѣкѣ за его наружными проявленіями еще чего-то, мы разбиваемъ его образъ—мы разбиваемъ цѣлое, котораго не подозрѣвали. Мы вдругъ касаемся главнаго, о чемъ не думали, и испытываемъ неожиданное, что не входило въ наши соображенія. Такимъ образомъ, только переступивъ личность человѣка, мы постигаемъ все ея значеніе: для насъ открывается мистическій и ирраціональный смыслъ ея, но уже поздно. Сдѣлавъ ненужнымъ подобный опытъ, обнаруживъ со всею убѣдительностью въ геніальномъ изображеніи состояніе преступной совѣсти, Достоевскій оказалъ великую историческую услугу.

Собственно, разрѣшеніемъ этихъ двухъ вопросовъ онъ заканчивалъ выполненіе своей задачи, насколько она относилась къ человѣку, какъ существу страдающему и попранному. Но за ними поднимался теоретическій интересъ, и, слѣдуя ему-то, онъ вступилъ въ безбрежную область разсматриванія того, что мы назвали швами мірозданія. Первый проблескъ этого стремленія мысли мы находимъ уже въ „Преступленіи и Наказаніи“.

Въ невыразимо тяжелой сценѣ между Раскольнико-

---

[1]) Факты атавизма или также фактъ рожденія отъ обыкновенныхъ родителей генія обнаруживаютъ и фактически присутствіе въ человѣкѣ такого, чего не знаетъ ни онъ въ себѣ, ни въ немъ другіе.

вымъ и Соней, въ душной комнатѣ у этой послѣдней, онъ ей сказалъ о возможности для нея зараженія и болѣзни, и о необходимости тогда гибели родной семьи, для прокормленія которой она отдала себя:

„— А копить нельзя? на черный день откладывать? —спросилъ онъ вдругъ, останавливаясь передъ ней.

„— Нѣтъ,—прошептала Соня.

„— Разумѣется, нѣтъ. А *пробовали*?—прибавилъ онъ чуть не съ насмѣшкой.

„ — Пробовала.

„— И сорвалось! Ну, да, разумѣется! Что и спрашивать!

„— И опять пошелъ по комнатѣ. Еще прошло съ минуту.

„— Не каждый день получаете-то?

„— Соня больше прежняго смутилась, и краска ударила ей въ лицо.

„— Нѣтъ,—прошептала она съ мучительнымъ усиліемъ.

„— Съ Полечкой (маленькая сестра ея) навѣрно тоже самое будетъ,—сказалъ онъ вдругъ.

„— Нѣтъ! нѣтъ! Не можетъ быть, нѣтъ!—какъ отчаянная, громко вскрикнула Соня, какъ будто ее вдругъ ножомъ ранили,—Богъ, Богъ такого ужаса не допуститъ!..

„— Другихъ *допускаетъ же!*

„— Нѣтъ, нѣтъ! Ее Богъ защититъ, Богъ!..—повторила она, не помня себя.

„— Да, можетъ, *и Бога то совсѣмъ нѣтъ*,—съ какимъ-то злорадствомъ отвѣтилъ Раскольниковъ, засмѣялся и посмотрѣлъ на нее. Лицо Сони вдругъ страшно измѣнилось“ [1]).

---

[1]) „Преступленіе и Наказаніе“, изд. седьмое, стр. 293—294. Страшный смыслъ словъ о „попыткѣ копить“ заключается въ *то-*

Въ томъ же романѣ между Раскольниковымъ и его alter ego, его второю и дурною половиной, Свидригайловымъ, происходитъ разговоръ на тему о привидѣніяхъ и загробной жизни.

„— Я согласенъ,—говоритъ Свидригайловъ,—что привидѣнія являются только больнымъ; но, вѣдь, это только доказываетъ, что привидѣнія могутъ являться не иначе, какъ только больнымъ, а не то, что ихъ—*нѣтъ*, самихъ по себѣ. Привидѣнія—это, такъ сказать, клочки и отрывки другихъ міровъ, ихъ начало. Здоровому человѣку, разумѣется, ихъ незачѣмъ видѣть, потому что здоровый человѣкъ есть наиболѣе земной человѣкъ, а стало быть долженъ жить одною здѣшнею жизнью, для полноты и для порядка. Ну, а чуть заболѣлъ, чуть нарушился нормальный земной порядокъ въ организмѣ, тотчасъ и начинаетъ сказываться возможность другого міра, и чѣмъ больше боленъ, тѣмъ и соприкосновеній съ другимъ міромъ больше, такъ что, когда умретъ совсѣмъ человѣкъ, то прямо и перейдетъ въ другой міръ. Я объ этомъ давно разсуждалъ. Если въ будущую жизнь вѣрите, то и этому разсужденію можно повѣрить.

„— Я *не вѣрю въ будущую жизнь*,—сказалъ Раскольниковъ. Свидригайловъ сидѣлъ въ задумчивости.

„— А что, если *тамъ* одни *пауки или что-нибудь въ этомъ родѣ*,—сказалъ онъ вдругъ.

„— Это помѣшанный,—подумалъ Раскольниковъ.

„Намъ вотъ все представляется вѣчность, какъ идея, которую понять нельзя, что-то огромное, огромное! Да

роплівости, въ жадности къ разврату, которое дѣлаетъ и вынуждена дѣлать эта дѣвушка, лишь извнѣ растлѣнная. Здѣсь Достоевскій съ какою-то адскою мукою слѣдитъ, какъ физическая нужда, ударяя въ душу, какъ бы продырявливаетъ ее и раскрываетъ для вступленія уже внутренняго порока.

почему же непремѣнно огромное? И вдругъ, вмѣсто всего этого, представьте себѣ, будетъ тамъ одна комнатка, этакъ вродѣ деревенской бани; закоптѣлая, а по всѣмъ угламъ пауки—и вотъ и вся вѣчность. Мнѣ, знаете, въ этомъ родѣ иногда мерещится.

„— И неужели, неужели вамъ ничего не представляется утѣшительнѣе и справедливѣе этого!—съ болѣзненнымъ чувствомъ вскрикнулъ Раскольниковъ (раньше онъ ничего не хотѣлъ говорить съ Свидригайловымъ).

— „Справедливѣе? А почемъ знать, *можетъ быть это и есть справедливое*, и, знаете, я бы такъ непремѣнно нарочно сдѣлалъ, отвѣчалъ Свидригайловъ, неопредѣленно улыбаясь.

Какимъ-то холодомъ охватило Раскольникова при этомъ безобразномъ отвѣтѣ“ [1]).

Мы чувствуемъ душную атмосферу какихъ-то странныхъ идей и чувствъ. Если въ томъ же романѣ есть діалектика, оправдывающая преступленіе, и все-таки въ цѣломъ своемъ душа несетъ кару за него, то здѣсь мы видимъ діалектику, которая восходитъ до признанія „новыхъ міровъ“, а чувство въ вопросахъ вѣчнаго воздаянія спускается до какихъ-то пауковъ. „Дрожащая тварь“, какъ называется здѣсь раза два человѣкъ, ни мелочностью преступленій своихъ, ни своими безполезными добродѣтелями, не заслуживаетъ ни больше этого, ни меньше.

Религіозный вопросъ затѣмъ уже не исчезаетъ въ произведеніяхъ Достоевскаго: въ каждомъ романѣ онъ касается его, но такъ, что мы живо чувствуемъ, какъ онъ только откладываетъ его до минуты, когда въ силахъ будетъ сдѣлать это безъ внѣшнихъ помѣхъ, не-

---

[1]) Тамъ же, стр. 264—265.

торопливо и свободно. Наконецъ, минута эта настала, и появились „Братья Карамазовы“.

VI

Самый періодъ времени, когда появился этотъ романъ, былъ въ высшей степени замѣчателенъ: шли послѣдніе годы прошлаго царствованія. Заговоры анархистовъ, колебанія правительства, шумная и вліятельная пресса—все распространяло въ обществѣ тревогу и ожиданія. Борьба партій достигла высшаго напряженія, но изъ нихъ та, которая совпадала съ двухъ-вѣковымъ направленіемъ нашей исторіи—мы разумѣемъ партію западниковъ и приверженцевъ реформъ—пользовалась неизмѣримымъ преобладаніемъ въ литературѣ и въ обществѣ. Собственно, что всѣмъ надеждамъ и уже почти требованіямъ этой партіи суждено сбыться—въ этомъ слабо сомнѣвались даже противники ея; и все, къ чему еще усиливались эти послѣдніе, состояло въ томъ, чтобы хоть на нѣкоторое время задержать ея окончательное торжество.

Въ это-то время, почти одинъ вслѣдъ за другимъ, выступили со своимъ окончательнымъ словомъ три наиболѣе вліятельные писателя: Тургеневъ, гр. Л. Толстой и, послѣднимъ, Достоевскій. Каждый, кто только раскрылъ бы эти произведенія и даже не анализировалъ ихъ, тотчасъ почувствовалъ бы, до чего сомнительна минута, въ которую они появляются, какъ все невѣрно въ обществѣ, настроеніемъ котораго они вызваны.

Какъ и всегда, Тургеневъ въ „Нови“ отвѣтилъ текущимъ стремленіемъ времени и только смягчилъ ихъ нѣсколько и ограничилъ. Разносторонность и широта его образованія, отсутствіе первородной крѣпости и хоть

невысказанное, но ясное безразличіе ко всему, крсмѣ искусства—все это заставило его и теперь, какъ прежде, попытаться войти въ кругъ идей и стремленій, съ которыми, очевидно, у него не было ничего родственнаго. Онъ, однажды высказавшій, что въ Венерѣ Милосской есть нѣчто болѣе несомнѣнное и вѣчное, чѣмъ въ принципахъ первой французской революціи, на склонѣ лѣтъ своихъ, и вопреки всему, чему отдавалъ жизнь, захотѣлъ войти во вкусы людей, для которыхъ весь міръ красоты и искусства не заключалъ въ себѣ никакой значительности и смысла. Но эта противоестественная попытка, какъ и можно было ожидать, вышла до того вымученною и жалкою, что всѣ, для кого онъ былъ дорогъ своими прежними произведеніями, не могли смотрѣть на нее иначе, какъ съ чувствомъ глубочайшей печали. Эту печаль, это сожалѣніе о себѣ не могъ не ощутить и самъ творецъ, и она именно придала оживленіе и особый колоритъ его самымъ послѣднимъ произведеніямъ. Каждый, какъ человѣкъ, такъ и писатель, въ дарахъ природы своей несетъ и горечь и сладость своей жизни. Тургеневу первому изъ нашихъ писателей привелось снискать европейскую извѣстность; и когда онъ достигъ ея и уже не было времени стремиться еще къ чему-нибудь, онъ вдругъ увидѣлъ, что достигъ чего-то самаго малаго: все же значительное и цѣнное отъ него ускользнуло.

Напротивъ, оба другіе писатели, которые до тѣхъ поръ нѣсколько заслонялись Тургеневымъ, заговорили съ силою, какъ никогда прежде, и голосъ ихъ зазвучалъ противорѣчиво всему, чего хотѣло общество и что оно думало. И если нужно въ исторіи искать примѣра, гдѣ значеніе и вліяніе личности было бы несомнѣнно и отчетливо видно, ясно, — то нельзя найти лучшаго, какъ въ

послѣднемъ фазисѣ дѣятельности этихъ двухъ писателей. Въ самый разгаръ увлеченія внѣшними реформами, въ минуту безусловнаго отрицанія всего внутренняго, религіознаго, мистическаго въ жизни и въ человѣкѣ, они отвергли, какъ совершенно незначущее, все внѣшнее,—и обратились къ внутреннему и религіозному. И общество, сперва удивленное и негодующее, но и очарованное ихъ словомъ, въ началѣ по-одиночкѣ и потомъ массами, точно поволоклось ими въ противоположную сторону, чѣмъ куда шло; въ жизни его совершился переломъ, и мы стоимъ теперь на совершенно иныхъ путяхъ, нежели тѣ, на какихъ стояли еще такъ недавно.

Въ „Аннѣ Карениной“ съ недосягаемымъ совершенствомъ формы соединилось глубокое и строгое содержаніе. Болѣе, нежели въ „Войнѣ и Мирѣ“, надъ всѣми группами выведенныхъ лицъ здѣсь господствуетъ мысль художника, это тѣснѣе сжимаетъ ихъ и придаетъ всему произведенію больше единства и цѣльности. Группы и сцены менѣе широко разбрасываются, не такъ свободно живутъ, все устремляется какъ будто къ одному невидимому центру, который впереди. Взамѣнъ эпическаго спокойствія, которое царитъ въ „Войнѣ и Мирѣ“, придавая всѣмъ событіямъ и лицамъ этого романа размѣренную неторопливость, въ „Аннѣ Карениной“ мы ощущаемъ присутствіе чего-то встревоженнаго и ищущаго. Это сообщаетъ всему произведенію лиризмъ. Оставляя „Войну и Миръ“, читатель испытываетъ ясное удовлетвореніе; напротивъ, окончивъ „Анну Каренину“, онъ чувствуетъ себя встревоженнымъ и смущеннымъ. Ощущеніе горести, душевнаго ужаса, ненависти къ жизни и жалости къ судьбѣ человѣка—все это смѣшивается въ немъ, становится невыносимо; и, не имѣя силы бороться съ собою, онъ ищетъ помощи у великаго художника,

котóрый такъ возмутилъ его покой. И этотъ послѣдній не заставилъ долго ожидать своего слова: „Анна Каренина“ оказалась только великимъ прологомъ къ ученію, которое то прямо, то въ аллегоріяхъ вотъ уже десять лѣтъ развиваетъ ея авторъ. Переходя отъ сомнѣнія къ вѣрѣ и изъ вѣры падая опять въ сомнѣніе, твердый только въ отрицаніяхъ и колеблющійся въ утвержденіяхъ, онъ всѣмъ рядомъ своихъ послѣднихъ трудовъ какъ бы олицетворяетъ ищущій разрѣшенія скептицизмъ: „что я вѣрю въ какого-то Бога, это я чувствую; но въ *какого* Бога я вѣрю—вотъ что темно для меня“, какъ будто говоритъ онъ всѣмъ смысломъ своихъ послѣднихъ трудовъ.

Рѣзко отличаясь по формѣ, растянутый, эпизодическій, романъ Достоевскаго глубоко однороденъ съ „Анной Карениной“ по духу, по заключенному въ немъ смыслу. Онъ также есть синтезъ душевнаго анализа, философскихъ идей и борьбы религіозныхъ стремленій съ сомнѣніемъ. Но задача взята въ немъ шире: въ то время какъ тамъ показано, какъ непреодолимо и страшно гибнетъ человѣкъ, разъ сошедшій съ путей, не имъ предустановленныхъ, здѣсь раскрыто таинственное зарожденіе новой жизни среди умирающей. Старикъ Карамазовъ—это какъ бы символъ смерти и разложенія, всѣ стихіи его духовной природы точно потеряли скрѣпляющій центръ, и мы чувствуемъ трупный запахъ, который онъ распространяетъ собою. Нѣтъ болѣе регулирующей нормы въ немъ, и все смрадное, что есть въ человѣческой душѣ, неудержимо полѣзло изъ него, грязня и пачкая все, къ чему онъ ни прикасается. Никогда не появлялось въ нашей литературѣ лица, для котораго менѣе бы существовалъ какой-нибудь внѣшній или внутренній законъ, нежели для этого человѣка: беззаконникъ, ругатель вся-

каго закона, пачкающій всякую святыню—вотъ его имя, его опредѣленіе. Наше общество, идущее впередъ безъ преданій, недоразвившееся ни до какой религіи, ни до какого долга и, однако, думающее, что оно переросло уже всякую религію и всякій долгъ, широкое лишь вслѣдствіе внутренней разслабленности — въ основныхъ чертахъ вѣрно, хотя и слишкомъ жестоко, символизировано въ этомъ лицѣ. Вскрыта главная его черта, отсутствіе внутренней сдерживающей нормы, и, какъ слѣдствіе этого—обнаженная похоть на все, съ наглой усмѣшкой въ отвѣтъ каждому, кто всталъ бы передъ нимъ съ укоромъ. Среди зловонія этого разлагающагося трупа возрастаетъ его порожденіе. Между всѣми четырьмя сыновьями его можно найти внутреннее соотношеніе, которое подчинено закону противоположности. Смердяковъ, этотъ міазмъ, эта гніющая шелуха „павшаго въ землю и умершаго зерна“, есть какъ бы противоположный полюсъ чистаго Алеши, который несетъ въ себѣ новую жизнь, подобно тому, какъ свѣжій ростокъ выноситъ изъ своей темной могилки на свѣтъ солнца жизнь и законъ умершаго материнскаго организма. Тайна возрожденія всего умирающаго прекрасно выражена въ этомъ противоположеніи. Третій сынъ, Иванъ Ѳедоровичъ, сдержанный и замкнутый, представляетъ собою противоположность Димитрію, раскидывающемуся, болтливому, несущему въ себѣ добрыя стремленія, но безъ какой-либо нормы,—тогда какъ эта норма въ высочайшей степени сосредоточена въ Иванѣ. Какъ Димитрій тяготѣетъ къ Алешѣ, такъ у Ивана есть нѣчто связующее и общее со Смердяковымъ. Онъ „высоко цѣнитъ“ Алешу, но, конечно—какъ свою противоположность, и притомъ равносильную. Но съ Димитріемъ у него нѣтъ ничего общаго; всѣ отношенія этихъ двухъ братьевъ чисто-внѣш-

нія, и это важнѣе, чѣмъ то, что они въ концѣ становятся даже враждебными. Напротивъ, со Смердяковымъ у Ивана есть что-то родственное: они съ полу-слова, съ намека понимаютъ одинъ другого, заговариваютъ такъ, какъ будто и въ молчаніи между ними не прерывалось общеніе. Ихъ связь, такимъ образомъ, несомнѣнна, какъ и связь Алеши съ Димитріемъ. И какъ въ Алешѣ выдѣлилась въ очищенномъ видѣ мощь утвержденія и жизни, такъ и въ Иванѣ въ очищенномъ же видѣ сосредоточилась мощь отрицанія и смерти, мощь зла. Смердяковъ есть только шелуха его, гніющій отбросокъ, и, конечно, зло, лежащее въ человѣческой природѣ, не настолько мало, чтобы выразиться только въ уродствѣ. Въ немъ есть сила, есть обаяніе, и они сосредоточены въ Иванѣ. Димитрію суждено возродиться къ жизни; черезъ страданіе онъ очистится; онъ, уже только готовясь принять его, ощутилъ въ себѣ „новаго человѣка“ и готовится тамъ, въ холодной Сибири, изъ рудниковъ, изъподъ земли, запѣть „гимнъ Богу“. Вмѣстѣ съ очищеніемъ, въ немъ пробуждается сила жизни: „въ тысячѣ мукъ—я *есмь*, въ корчѣ мучусь—но *есмь* [1])“, говоритъ онъ наканунѣ суда, который, онъ чувствовалъ, окончится для него обвиненіемъ. Въ этой жаждѣ бытія и въ неутолимой-же жаждѣ стать достойнымъ его хотя бы черезъ страданіе, опять угадана Достоевскимъ глубочайшая черта исторіи, самая существенная, быть можетъ центральная. Едва-ли не въ ней одной еще сохранился въ человѣкѣ перевѣсъ добра надъ зломъ, въ которое онъ такъ страшно погруженъ, которымъ является каждый единичный его поступокъ, всякая его мысль. Но подъ ними, подъ всею грязью, въ тинѣ которой ползетъ че-

---

[1]) Сочиненія, т. XIV, стр. 294.

ловѣкъ цѣлыя тысячелѣтія, неутолимая жажда все-таки ползти и когда-нибудь увидѣть же свѣтъ—высоко поднимаетъ человѣка надъ всею природою, есть залогъ неокончательной его гибели среди всякаго страданія, какихъ бы то ни было бѣдствій. Здѣсь и лежитъ объясненіе того, почему съ такимъ содроганіемъ мы отвращаемъ лицо свое при видѣ самоубійства, отчего оно кажется намъ сумрачнѣе даже убійства, нарушаетъ какой-то еще высшій законъ,—и религія осуждаетъ его какъ преступленіе, котораго нельзя искупить. Съ раціональной точки зрѣнія мы должны бы относиться къ нему индифферентно, предоставляя каждому рѣшать, лучше ли ему жить или не жить. Но общій и высшій законъ, конечно мистическаго происхожденія, принудительно заставляетъ насъ всѣхъ—*жить*, требуетъ этого какъ *долга*, бремени котораго мы не можемъ сложить съ себя. Если Димитрій Карамазовъ, порочный и несчастный, возрождается къ жизни вслѣдствіе того, что въ основѣ его все-таки лежитъ доброе, — то Иванъ, которому извиѣ открывается широкій путь жизни, не смотря на высокое развитіе, не смотря на сильный характеръ, все-таки стоитъ при началѣ того уклона, по которому скользнулъ и умеръ Смердяковъ. Мощный носитель отрицанія и зла, онъ долго и сильно будетъ бороться со смертью, этимъ естественнымъ выводомъ изъ отрицанія; и все-таки вѣчные законы природы преодолѣютъ его мощь, силы его утомятся, и онъ умретъ также, какъ умеръ Смердяковъ.

Поразительны послѣдніе дни этого четвертаго брата, переданные въ первомъ, второмъ и третьемъ свиданіяхъ съ нимъ Ивана. Мы и здѣсь, какъ въ „Преступленіи и Наказаніи", какимъ-то особымъ пріемомъ, тайна котораго была извѣстна только Достоевскому, опять погружаемся въ особую психическую атмосферу, удушающую,

темную,—и, еще ничего не видя, еще не дойдя до самаго факта, испытываемъ мистическій ужасъ отъ приближенія къ какому-то нарушенію законовъ природы, къ чему-то преступному; и уже содрогаемся отъ ожиданія. Эта ненависть, съ которою онъ смотритъ теперь на Ивана, внушившаго ему, что „все позволено“; эта книга „Иже во святыхъ отца нашего Исаака Сирина“, смѣнившая подъ его подушкою французскіе вокабулы, и какіе-то припадки изступленія, о которыхъ передаетъ встревоженная хозяйка, хотя мы сами не замѣчаемъ въ немъ ничего особеннаго: наконецъ, эта пачка бумажекъ, которую онъ тащитъ у себя изъ-подъ чулка, а Иванъ дрожитъ, еще не зная—отчего, и пятится къ стѣнѣ; и самый разсказъ о томъ, какъ совершилось убійство, съ этою безпричинною боязнью жертвы къ своему убійцѣ, къ своему незаконному сыну и довѣренному лакею, къ малосильному трусу и идіоту—все это поразительно, тягостно до послѣдней степени и еще разъ вводитъ насъ въ міръ преступности. Замѣчательно, что какъ законъ природы, нарушенный здѣсь, выше чѣмъ тотъ, который нарушенъ въ „Преступленіи и Наказаніи“, такъ и атмосфера, окружающая преступника, какъ-то еще удушливѣе и тѣснѣе, нежели та, которую мы ощущаемъ около Раскольникова. Вотъ почему послѣдній не наложилъ на себя рукъ; ему еще было чѣмъ жить, и, черезъ нѣсколько лѣтъ искупленія, онъ вышелъ же изъ своей атмосферы къ свѣту и солнцу. Смердякову нечѣмъ было жить; и, хотя и для него можетъ быть было гдѣ-нибудь солнце и свѣтъ, но совершенно ясно, что онъ не могъ дойти до нихъ и упалъ при первыхъ же шагахъ задушенный. Послѣднее его прощаніе съ Иваномъ, отдача ему денегъ, изъ-за которыхъ совершилось убійство, слова о Провидѣніи—все это вводитъ насъ въ душу человѣка въ послѣдніе

часы передъ самоубійствомъ: тайна, еще никѣмъ не изображенная, никому изъ живыхъ не переданная.

Здѣсь намъ хотѣлось бы сказать нѣсколько словъ о характерѣ припадковъ двухъ братьевъ, одного отцеубійцы и другого, замѣшаннаго въ отцеубійствѣ. Послѣдній, какъ извѣстно, жалуется на посѣщеніе его бѣсомъ, „дряннымъ, мелкимъ бѣсомъ“; первый говоритъ о Провидѣніи, о посѣщающемъ его Богѣ. Ранѣе оба были атеистами, и притомъ довольно убѣжденными. Вчитываясь въ разсказъ Достоевскаго, не трудно замѣтить, что именно галлюцинаціи составляютъ *главную* муку Ивана Ѳеодоровича. Вспомнимъ, какъ онъ говоритъ Алешѣ: „это *онъ* тебѣ сказалъ“; какъ оживляется всякій разъ, когда неясныя слова собесѣдника даютъ поводъ думать, что говорящій также знаетъ о возможности появленія бѣса („кто онъ, кто находится, кто третій“, испуганно спрашиваетъ онъ Смердякова); наконецъ, вспомнимъ ледяной холодъ, который вдругъ прилипъ къ его сердцу, когда онъ подошелъ къ своему дому послѣ третьяго свиданія со Смердяковымъ, съ мыслью, что вотъ уже тамъ его дожидается „посѣтитель“, и—почти плачущій тонъ его жалобъ послѣ галлюцинаціи: „нѣтъ, онъ знаетъ, чѣмъ меня мучить... онъ звѣрски хитеръ“... „Алеша, кто смѣетъ предлагать мнѣ такіе вопросы... Это онъ тебя испугался, чистаго херувима“, и пр. Если мы вспомнимъ холодный и суровый тонъ этого атеиста, его дѣйствительно мощную натуру, то это превращеніе сильнаго человѣка въ жалующагося ребенка, въ плачущую женщину всего яснѣе можетъ дать намъ понять о степени мучительности его галлюцинацій. „Завтра крестъ, но не висѣлица“ (стр. 360, т. XIV), рѣшаетъ онъ, готовясь разсказать все на судѣ послѣ той же галлюцинаціи. По аналогіи, мы должны допустить,

что предметъ главнаго мученія и для Смердякова составляло нѣчто подобное. Собственно раскаяніе и воспоминаніе объ убійствѣ должно бы быть сильнѣе въ первые дни послѣ него, и, между тѣмъ, Смердяковъ въ это время еще совершенно спокоенъ; болѣзнь и изступленіе начались нѣсколько недѣль спустя; и они также, какъ у Ивана Ѳедоровича, не непрерывны, но происходятъ время отъ времени. Разница только въ томъ, что „третій этотъ“, въ присутствіи котораго онъ увѣренъ даже при посѣтителѣ—есть Богъ, „самое это Провидѣніе-съ“, хотя и говоритъ онъ тутъ же, какъ о чемъ-то не относящемся къ предмету, на вопросъ Ивана о Богѣ: „нѣтъ, не увѣровалъ-съ“. Очевидно то, о чемъ они бесѣдовали въ свое время и что порѣшили, было нѣчто совершенно другое, нежели оказавшееся, когда законъ природы былъ ими нарушенъ. Поэтому, ощутивъ одинъ то, что онъ называетъ „бѣсомъ“, а другой то, что онъ называетъ „Провидѣніемъ“, они ощутили нѣчто совершенно неожиданное; всѣ же прежнія слова ихъ о загробномъ существованіи и о Богѣ оказались ни къ чему не относящимися. Продолжая аналогію съ Иваномъ, мы должны думать, что именно ужасъ ожиданія „посѣщенія“ и приводилъ Смердякова въ изступленное смятеніе, онъ и привелъ его къ самоубійству. Какъ и всегда человѣкъ, онъ скользнулъ по уклону меньшаго страданія. Перенести физическую боль удушенія, очевидно, было для него легче, нежели еще разъ почувствовать ледяное прикосновеніе мучащаго его призрака.

Припадки Смердякова, очевидно болѣе тяжелые, намъ не описаны, и сдѣлано только подробное описаніе припадка Ивана Ѳедоровича. Есть извѣстіе, что, когда печатались „Братья Карамазовы“, одинъ докторъ-психіатръ

написалъ Достоевскому письмо [1]), въ которомъ удивляется глубокому соотвѣтствію его художественнаго описанія съ тѣмъ, что̀ открывается въ припадкахъ для объективнаго наблюденія; послѣднее, конечно, не знаетъ внутренняго содержанія галлюцинацій, которое именно дается у Достоевскаго. Этотъ послѣдній обставляетъ свое описаніе нѣсколько насмѣшливымъ тономъ, но, вчитываясь въ весь рядъ его сочиненій, мы видимъ, какъ постоянно онъ обставляетъ въ началѣ и концѣ легкою иронією и свои любимыя идеи [2]),—по крайней мѣрѣ дѣлалъ это всякій разъ, когда ожидалъ, что они могутъ подвергнуться насмѣшкѣ. Онъ не хотѣлъ, очевидно, слишкомъ возстановлять противъ себя читающую массу,—но и оставить невысказаннымъ то или другое ему тоже было трудно. Иванъ Ѳедоровичъ во все время галлюцинаціи не вѣритъ ея объективности, т.-е. не вѣритъ, пока боленъ; и, напротивъ, ея реальности онъ вѣритъ все время, какъ здоровъ, когда уже болѣе ея не испытываетъ; и даже ея только боится, объ ней одной думаетъ. Слишкомъ уже серьезны слова больного именно въ здоровомъ-то его состояніи, и слишкомъ упорно сосредоточенъ дѣлается авторъ, какъ только подходитъ къ нимъ. Все это заставляетъ насъ видѣть двойственное и скрытное въ Достоевскомъ, когда онъ передаетъ „кошмаръ Ивана Ѳедоровича“: едва ли онъ хотѣлъ намъ дать только описаніе галлюцинаціи, чуть-ли подъ на-

---

[1]) Если письмо это сохранилось, было бы любопытно видѣть его напечатаннымъ.

[2]) Такова, напр., въ „Братьяхъ Карамазовыхъ“ рѣчь прокурора на судѣ, которая вся ведется въ тонѣ, иронизирующемъ надъ прокуроромъ; и, однако, многія изъ мыслей этой рѣчи содержатъ повтореніе мыслей, высказанныхъ Достоевскимъ отъ своего имени въ „Дневникѣ Писателя“.

смѣшливымъ тономъ у него не скрыто дѣйствительное убѣжденіе;—и весьма тонкое соображеніе Свидригайлова (см. выше) о возможности „иныхъ міровъ, клочки которыхъ открываются человѣку въ болѣзненномъ состояніи“, едва-ли не есть мысль самого Достоевскаго. По крайней мѣрѣ вотъ слова, которыя онъ влагаетъ старцу Зосимѣ, уже безъ всякой ироніи:

„Многое на землѣ отъ насъ скрыто, но взамѣнъ того даровано намъ тайное сокровенное ощущеніе живой связи нашей съ міромъ инымъ, съ міромъ горнимъ и высокимъ, *да и корни нашихъ мыслей и чувствъ не здѣсь, а въ мірахъ иныхъ.* Вотъ почему и сущности вещей нельзя постичь на землѣ. *Богъ взялъ сѣмена изъ міровъ иныхъ и посѣялъ на сей земли и взростилъ садъ Свой,* и взошло все, что могло взойти, *но взращенное живетъ и живо лишь чувствомъ соприкосновенія своего съ таинственнымъ міромъ инымъ;* если ослабѣваетъ или уничтожается въ тебѣ сіе чувство, то умираетъ и взращенное въ тебѣ. Тогда станешь къ жизни равнодушенъ и даже возненавидишь ее“ [1]).

Удивительны слова эти и по глубинѣ заключенной въ нихъ мысли, и по красотѣ образовъ, кажется очень близко соотвѣтствующихъ скрытой дѣйствительности вещей, и по силѣ убѣжденности. Это уже во второй разъ [2]) наша художественная литература, такъ неизмѣримо опередившая вялое движеніе нашихъ наукъ, поднимается на высоту созерцаній, на которой удерживался только Платонъ и немногіе другіе. Въ томъ, что ощущаетъ преступникъ, Достоевскій несомнѣнно видѣлъ

---

[1]) „Братья Карамазовы“, глава „Изъ бесѣдъ и поученій старца Зосимы“. Сочиненія, т. XIII, стр. 357.

[2]) Разумѣемъ извѣстное стихотвореніе Лермонтова: „По небу полуночи ангелъ лѣтѣлъ“, и пр.

прикосновеніе къ „мірамъ инымъ“, вдругъ становящееся отчетливымъ, ощутимымъ, тогда какъ для всѣхъ другихъ людей, не переступившихъ законовъ природы, оно есть, но не сознается, оно вполнѣ неощутимо и безотчетно.

Что Достоевскій былъ далекъ отъ какой-нибудь грубой ошибки, и что мы также не впадаемъ въ нее, вскрывая его невысказанную мысль, въ этомъ насъ убѣждаетъ рѣшеніе, которое мы должны дать на два вопроса, невольно возникающіе при чтеніи какъ „Преступленія и Наказанія“, такъ и при описаніи свиданій отцеубійцъ въ „Братьяхъ Карамазовыхъ“: отчего мы такъ понимаемъ вѣрность изображеннаго душевнаго состоянія преступниковъ, хотя сами не испытали его? и отчего, совершивъ преступленіе и, слѣдовательно, вдругъ упавъ среди окружающихъ людей на всю его высоту, преступникъ *въ какомъ-то одномъ отношеніи*, напротивъ, поднимается надъ ними всѣми? Смердяковъ, дрожащее насѣкомое передъ Иваномъ до преступленія—совершивъ его, говоритъ съ нимъ, какъ власть имѣющій, какъ господствующій. Самъ Иванъ изумляется этому и произноситъ: „ты серьезенъ, ты умнѣе, чѣмъ я думалъ“. Раскольниковъ, только primus inter pares между другими людьми передъ преступленіемъ, положительно выходитъ изъ ихъ уровня послѣ него; одинъ Свидригайловъ, тоже убійца, говоритъ съ нимъ, какъ равносильный, насмѣшливо указывая, что у нихъ есть „какая-то общая точка соприкосновенія“. Все это требуетъ объясненія, и мы выскажемъ то, которое намъ кажется вѣроятнымъ. Если для насъ, никогда не совершавшихъ убійства, душевное состояніе преступника понятно и, читая Достоевскаго, мы удивляемся не прихотливости его фантазіи, но искусству и глубинѣ его анализа, то не совершенно ли ясно,

что *у насъ есть какое-то средство оцѣнки*, имѣя которое мы произносимъ свой судъ надъ правдоподобіемъ въ изображеніи того, что̀ должно бы быть для насъ совершенно неизвѣстнымъ. Не очевидно ли, что такимъ средствомъ можетъ быть только уже *предварительное* знаніе этого самого состоянія, хотя въ немъ мы и не даемъ себѣ отчета; но вотъ другой изображаетъ намъ еще неиспытанныя нами ощущенія,—и въ отвѣтъ тому, что говоритъ онъ, въ насъ пробуждается знаніе, дотолѣ скрытое. И только потому, что это пробуждающееся знаніе сливается, совпадая, съ тѣмъ, которое дается намъ извнѣ, мы заключаемъ о правдоподобіи, объ истинности этого послѣдняго. Въ случаѣ несовпаденія мы сказали бы, что оно ложно,—сказали бы о томъ, о чемъ, повидимому, у насъ не можетъ быть никакой мысли, никакого представленія. Этотъ странный фактъ вскрываетъ передъ нами глубочайшую тайну нашей души—ея сложность: она состоитъ не изъ одного того, что въ ней отчетливо наблюдается (напр., нашъ умъ состоитъ не изъ однихъ свѣдѣній, мыслей, представленій, которыя онъ сознаетъ): въ ней есть многое, чего мы и не подозрѣваемъ въ себѣ, но оно ощутимо начинаетъ дѣйствовать только въ нѣкоторые моменты, очень исключительные. И, большею частью, мы до самой смерти не знаемъ истиннаго содержанія своей души; не знаемъ и истиннаго образа того міра, среди котораго живемъ, такъ какъ онъ измѣняется соотвѣтственно той мысли или тому чувству, какія къ нему мы прилагаемъ. Съ преступленіемъ вскрывается одинъ изъ этихъ темныхъ родниковъ нашихъ идей и ощущеній, и тотчасъ вскрываются передъ нами духовныя нити, связывающія мірозданіе и все живое въ немъ. Знаніе этого-то именно, что̀ еще закрыто для всѣхъ другихъ людей, и возвы-

шаетъ въ нѣкоторомъ смыслѣ преступника надъ этими послѣдними. Законы жизни и смерти становятся ощутимыми для него, какъ только, переступивъ черезъ нихъ, онъ неожиданно чувствуетъ, что въ одномъ мѣстѣ перервалъ одну изъ такихъ нитей, и, перервавъ—какъ-то странно самъ погибъ. То, что̀ губитъ его, что̀ *можно ощущать только нарушая*—и есть въ своемъ родѣ „иной міръ, съ которымъ онъ соприкасается“; мы же только предчувствуемъ его, угадываемъ какимъ-то темнымъ знаніемъ.

Мы сказали, что въ „Братьяхъ Карамазовыхъ“ великій аналитикъ человѣческой души представилъ намъ возрожденіе новой жизни изъ умирающей старой. По необъяснимымъ, таинственнымъ законамъ, природа вся подлежитъ такимъ возрожденіямъ; и главное, что̀ мы находимъ въ нихъ—это неотдѣлимость жизни отъ смерти, невозможность осуществиться для первой вполнѣ, если не осуществилась вторая. Здѣсь и находитъ свое объясненіе эпиграфъ, взятый Достоевскимъ для своего послѣдняго произведенія: „Истинно, истинно говорю вамъ: если пшеничное зерно, падши на землю, не умретъ, то останется одно; а если умретъ, то принесетъ много плода“ (Ев. отъ Іоанна, XII, 24). Паденіе, смерть, разложеніе—это только залогъ новой и лучшей жизни. Такъ должны мы смотрѣть на исторію; къ этому взгляду должны пріучаться, смотря и на элементы разложенія въ окружающей насъ жизни: онъ одинъ можетъ спасти насъ отъ отчаянія и исполнить самой крѣпкой вѣры въ минуты, когда уже настаетъ, кажется, конецъ для всякой вѣры. Онъ одинъ соотвѣтствуетъ дѣйствительнымъ и мощнымъ силамъ, направляющимъ потокъ временъ, а не слабо мерцающій свѣтъ нашего ума, не наши страхи и заботы, которыми мы наполняемъ исторію, но нисколько не руководимъ ею.

Но широко задуманная Достоевскимъ картина осталась недорисованною. Съ пониманіемъ мрака, хаоса, разрушенія безъ сомнѣнія связано было въ душѣ самого художника нѣкоторое отсутствіе гармоніи, стройности, послѣдовательности. Собственно, въ „Братьяхъ Карамазовыхъ“ изображено только, какъ умираетъ старое; а то что̀ возрождается, хотя и очерчено, но сжато и *извнѣ*; и *какъ* именно происходитъ самое возрожденіе—эта тайна унесена Достоевскимъ въ могилу. Судя по заключительной страницѣ „Преступленія и Наказанія“, онъ всю жизнь готовился къ этому изображенію, и оно должно было, наконецъ, появиться въ послѣдующихъ томахъ „Братьевъ Карамазовыхъ“; но, за смертью автора, этому не суждено было сбыться. Важнѣйшую задачу своей жизни онъ только намѣтилъ, но не выполнилъ.

Но то, что стояло въ преддверіи къ ней, выполнено имъ съ широтою замысла и съ глубиною пониманія, которыя не имѣютъ себѣ ничего подобнаго какъ въ нашей литературѣ, такъ и въ другихъ. Мы разумѣемъ „Легенду о Великомъ Инквизиторѣ“. Уже выше замѣчено было, что, умирая, всякая жизнь, представляющая собою соединеніе добра и зла, выдѣляетъ въ себѣ, въ чистомъ видѣ, какъ добро, такъ и зло. Именно послѣднее, которому, конечно, предстоитъ погибнуть, но не ранѣе какъ послѣ упорной борьбы съ добромъ,—выражено съ безпримѣрной силою въ „Легендѣ“.

VII

Въ маленькомъ трактирѣ, за перегородкою, впервые сходятся два брата: Алеша, мечтательный и религіозный юноша, любимый послушникъ старца Зосимы, такъ спокойно свернувшій съ обычной жизненной колеи на путь

монастырскаго уединенія, и старшій его годами и опытностью Иванъ. Изъ всѣхъ четырехъ братьевъ только они были единоутробные, Димитрій же и Смердяковъ были имъ братьями лишь по отцу. Уже четыре мѣсяца прошло, какъ они встрѣтились, впервые послѣ долгой разлуки,—и вотъ только теперь, наканунѣ новой разлуки, быть можетъ навсегда, они сходятся и говорятъ съ глазу на глазъ. Въ теченіе этихъ мѣсяцевъ Алеша съ любопытствомъ разсматривалъ своего брата, объ убѣжденіяхъ и высокомъ образованіи котораго онъ зналъ; и, въ свою очередь, подмѣчалъ на себѣ иногда его долгіе взгляды. Они молчали другъ съ другомъ, и, однако, только другъ съ другомъ имъ было о чемъ высказаться, тогда какъ съ прочими они говорили или безучастно, или подчиняясь (Алеша съ Зосимою), или господствуя (Иванъ съ Міусовымъ). Ихъ соединяла нѣкоторая исходная точка; и хотя именно начиная отъ нея они разошлись въ противоположныя стороны и потомъ уже не соприкасались ни въ чемъ, однако сближеніе въ ней одной было значительнѣе, жизненнѣе, чѣмъ сближеніе боковыми вѣтвями или вершинами своего духовнаго развитія, которое одно было у нихъ со всѣми окружающими. Это хорошо выражено въ слѣдующемъ вводномъ эпизодѣ ихъ бесѣды:

„—Ты что безпокоишься, что я уѣзжаю,—говоритъ Иванъ Алешѣ.—У насъ съ тобой еще Богъ знаетъ сколько времени до отъѣзда. Цѣлая вѣчность времени, безсмертіе!

„— Если ты завтра уѣзжаешь, то какая же вѣчность?

„— Да насъ съ тобой чѣмъ это касается?—засмѣялся Иванъ.—Вѣдь, *свое-то мы успѣемъ все-таки переговорить*, свое-то, для чего мы пришли сюда? Чего ты глядишь

съ удивленіемъ? Отвѣчай: мы для чего здѣсь сошлись? Чтобы говорить о старикѣ и о Димитріѣ? о заграницѣ? о роковомъ положеніи Россіи? объ императорѣ Наполеонѣ? Такъ-ли, для этого-ли?

„— Нѣтъ, не для этого.

„— Самъ понимаешь, значитъ, для чего. Другимъ одно, а намъ, желторотымъ—другое; *намъ прежде всего надо предвѣчные вопросы рѣшить*. Вся молодая Россія только лишь о вѣковѣчныхъ вопросахъ теперь и толкуетъ. Именно теперь, какъ старики всѣ полѣзли вдругъ практическими вопросами заниматься. Ты изъ-за чего всѣ три мѣсяца глядѣлъ на меня въ ожиданіи? Чтобы допросить меня: „како вѣруеши или вовсе не вѣруеши“?..

„— Пожалуй что и такъ, улыбнулся Алеша.—Ты, вѣдь, не смѣешься теперь надо мною, братъ?

„— Я-то смѣюсь? Не захочу я огорчить моего братишку, который три мѣсяца глядѣлъ на меня въ ожиданіи. Алеша, взгляни прямо: я, вѣдь, и самъ точь-въ-точь такой же маленькій мальчикъ, какъ и ты, развѣ только вотъ не пòслушникъ. Вѣдь русскіе мальчики какъ до сихъ поръ орудуютъ,—иные то есть? *Вотъ, напримѣръ, здѣшній вонючій трактиръ, вотъ они и сходятся, засѣли въ уголъ. Всю жизнь прежде не знали другъ друга, а выйдутъ изъ трактира—сорокъ лѣтъ опять не будутъ знать другъ друга: ну и что-жъ, о чёмъ они будутъ разсуждать, пока пойдали минутку въ трактирѣ-то? О міровыхъ вопросахъ, не иначе: есть-ли Богъ, есть-ли безсмертіе? А которые въ Бога не вѣруютъ, ну, тѣ о соціализмѣ и объ анархизмѣ заговорятъ, о передѣлкѣ всего человѣчества по новому штату*,—такъ, вѣдь, это одинъ же чортъ выйдетъ, *все тѣ же вопросы, только съ другого конца*. И множество, множество самыхъ оригинальныхъ мальчиковъ

только и дѣлаютъ, что о вѣковѣчныхъ вопросахъ говорятъ у насъ въ наше время. Развѣ не такъ?

„— Да, настоящимъ русскимъ вопросы о томъ: есть-ли Богъ и есть-ли безсмертіе, или, какъ вотъ ты говоришь, вопросы съ другого конца—конечно, первые вопросы и прежде всего, да *такъ и надо*,—проговорилъ Алеша, все съ тою же тихою и испытующею улыбкой вглядываясь въ брата“.

На этомъ-то „такъ и надо“ и сошлись братья.—Приведенное мѣсто навсегда останется историческимъ, и, кажется, дѣйствительно было время, когда люди сходились и расходились на „вѣковѣчныхъ вопросахъ“, роднясь на *интересъ* къ нимъ ближе, нежели даже на узахъ родства, не говоря уже объ общности положенія или состоянія. Счастливое время и счастливые люди: отъ нихъ далеко было нравственное растлѣніе. Но, кажется, все это минуло и, быть можетъ, довольно прочно. Какъ это сдѣлалось, что самое интересное очень скоро стало у насъ самымъ неинтереснымъ—объ этомъ произнесетъ свой судъ будущая исторія. Несомнѣнно только, что умственный индифферентизмъ, равнодушіе ко всякимъ вопросамъ никогда еще не было такъ беззастѣнчиво, какъ въ подростающихъ на смѣну намъ поколѣніяхъ.

Чувствуя общность въ главномъ, братья уже не стѣсняются другъ друга въ остальномъ, и Иванъ высказываетъ передъ послушникомъ Алешей свою натуру: жажда жизни есть главное, что онъ находитъ въ себѣ. „Не вѣруй я въ жизнь,—говоритъ онъ,—разувѣрься въ дорогой женщинѣ, разувѣрься въ порядкѣ вещей, убѣдись даже, что все, напротивъ, безпорядочный, проклятый и, быть можетъ, бѣсовскій хаосъ [1]), порази меня

---

[1]) Въ „Бѣсахъ“ Кириловъ передъ самоубійствомъ говоритъ:

хоть всѣ ужасы человѣческаго разочарованія,—а я все-таки захочу жить [1]), и ужъ какъ припалъ къ этому кубку—то не оторвусь отъ него, пока весь не осилю. Впрочемъ, къ тридцати годамъ навѣрно брошу кубокъ, хоть и не допью всего, *и отойду... не знаю куда*“. Эта жажда жизни непосредственна и безотчетна: „центростремительной еще силы много въ нашей землѣ“, замѣчаетъ онъ, затрудняясь въ ея объясненіи. „Я живу, потому что хочется жить, хотя бы и вопреки логикѣ“. Есть что-то родственное въ человѣкѣ съ жизнью природы и съ тою другою жизнью, которая развертывается на ея лонѣ и которую мы зовемъ исторіею; и человѣкъ липнетъ ко всему этому: нити, гораздо болѣе прочныя и жизненныя, нежели холодныя связи умозаключенія, привязываютъ его къ землѣ, и онъ любитъ ее необъяснимою, высокою любовью: „дороги мнѣ клейкіе, распускающіеся весной листочки, дорого голубое небо, дорогъ иной человѣкъ, котораго иногда не знаешь, за что̀ и любишь, дорогъ иной подвигъ человѣческій, въ который давно уже, можетъ быть, пересталъ и вѣрить, а все-таки, по старой памяти, чтишь его сердцемъ...“

„вся планета наша есть ложь и стоитъ на лжи и глупой насмѣшкѣ; самые законы планеты—ложь и діаволовъ водевиль. Для чего же жить, отвѣчай, если ты человѣкъ!“ (Изд. 1882 г., стр. 553). Очевидно изъ повтореній и страстности тона, что Достоевскій вложилъ здѣсь свое собственное сомнѣніе, съ которымъ онъ долго и трудно боролся.

[1]) Въ „Біографіи и письмахъ“ можно найти очень много указаній на необыкновенную *живучесть* самого Достоевскаго, которая одна дала ему силу вынести все, что̀ ему выпало на долю въ жизни. „*Кошачья* живучесть (во мнѣ), не правда-ли“, заключаетъ онъ одно изъ своихъ писемъ.

„— Я думаю, что *всѣ должны прежде всего на свѣтѣ жизнь полюбить*“, говоритъ задумчиво Алеша.

„— Жизнь полюбить больше, чѣмъ *смыслъ* ея?

Алеша, говоритъ, что „да“, и что за непосредственною любовью къ жизни всегда послѣдуетъ и пониманіе ея смысла,—ранѣе или позже.

Съ любовью къ жизни дремлющей природы, къ „клейкимъ весеннимъ листочкамъ“, у Ивана нераздѣльна любовь и къ той другой природѣ, которая живетъ полнымъ сознаніемъ: мы говоримъ о человѣкѣ и чудномъ мірѣ, имъ созданномъ. „Я хочу въ Европу съѣздить“, говоритъ онъ. У него были двѣ тысячи руб., оставленныя по завѣщанію воспитательницею его и Алеши, которая ихъ подобрала изъ жалости, ради памяти къ ихъ матери, когда ихъ бросилъ отецъ. Теперь, окончивъ университетъ, онъ собирался съѣздить за границу, думая употребить на поѣздку эти деньги.

„— Отсюда и поѣду, Алеша“, продолжаетъ онъ. „И вѣдь я знаю, что поѣду лишь на кладбище, но *на самое, на самое дорогое кладбище*, вотъ что! Дорогіе тамъ лежатъ покойники; *каждый камень надъ ними гласитъ о такой горячей минувшей жизни, о такой страстной вѣрѣ въ свой подвигъ, въ свою истину, въ свою борьбу и въ свою науку, что я, знаю заранѣе, паду на землю и буду цѣловать эти камни и плакать надъ ними* [1]), — въ то же время убѣжденный всѣмъ сердцемъ моимъ, что все это давно уже кладбище и никакъ не болѣе. И не отъ отчаянія буду плакать, а лишь просто по-

---

[1]) Здѣсь также вложено чувство самого Достоевскаго къ Европѣ; сравни въ „Подросткѣ“ слова Версилова, стр. 453—454, и замѣтку въ „Біографіи и письмахъ“, стр. 295.

тому, что буду счастливъ пролитыми слезами моими“ [1]).

Эти проникновенныя слова вскрываютъ передъ нами великое сердце и великій умъ, и всю ту грусть, которую не можетъ не носить въ себѣ такая душа. Грусть вытекаетъ здѣсь изъ силы любви и вмѣстѣ изъ высокаго сознанія, которое отъ нея неотдѣлимо и ей противорѣчитъ. Отрицать діалектически, не испытывая привязанности, или быть привязаннымъ безотчетно, не понимая,—это два отношенія къ Европѣ, одинаково легкія и потому исключительно почти господствующія у насъ. Рѣдкіе поднимаются до соединенія того и другого, и конечно, подобное соединеніе не можетъ не вызывать самаго глубокаго страданія. Но въ немъ одномъ — истина, и, какъ это ни трудно, каждый, кто хочетъ быть правымъ, долженъ усиливаться развить въ себѣ способность и къ этому чувству любви, и къ этому сознанію, что любимое—уже умираетъ.

Всякій, кто носитъ въ себѣ великій интересъ къ чему-нибудь постороннему, что̀ съ нимъ лично не связано, не можетъ не быть искренен̀ъ и правдивъ. Его мысль слишкомъ сосредоточена на этомъ интересѣ, чтобы заниматься всѣмъ тѣмъ мелочнымъ, чѣмъ обычно старается обставить себя человѣкъ, чтобы скрыть свою незначительность. Отъ этого истинное величіе всегда бываетъ такъ просто; и отъ этого же, конечно, оно никогда не получаетъ при жизни признанія, которое всегда достается ложному и потому драпирующемуся величію. Душевное одиночество, нераздѣленность своихъ мыслей — есть только необходимое послѣдствіе этого положенія вещей, и оно, въ концѣ концовъ, обращается

---

[1]) „Братья Карамазовы“, т. I, стр. 259.

и въ замкнутость, въ нежеланіе дѣлиться. И, между тѣмъ, потребность высказаться все-таки существуетъ,— и здѣсь-то и лежитъ объясненіе тѣхъ моментовъ встрѣчъ и глубокихъ признаній, которыхъ еще за минуту нельзя было предвидѣть и которыя оставляютъ въ собесѣдникахъ впечатлѣніе на всю жизнь.

„— У меня нѣтъ друзей, Алеша“, говоритъ Иванъ, „и я бы хотѣлъ съ тобой сойтись“. Все то, что проводило такую непереступаемую грань между имъ и другими, вдругъ падаетъ теперь; Алеша шутитъ съ нимъ, съ которымъ никто не шутилъ, и онъ самъ говоритъ ему, смѣясь „какъ маленькій кроткій мальчикъ“: „Братишко, не тебя я хочу развратить и сдвинуть съ твоего устоя; *я, можетъ быть, себя хотѣлъ бы исцѣлить тобою*“. Алеша смотритъ на него съ удивленіемъ; никогда онъ не видалъ его такимъ.

VIII

„— Съ чего же начинать, съ Бога? спрашиваетъ Иванъ, — и развиваетъ идею о несовмѣстимости Бога сострадающаго съ человѣчествомъ страдающимъ и Бога справедливаго съ преступленіемъ неотомщеннымъ.

„Одинъ старый грѣшникъ“ [1]), такъ начинаетъ Иванъ, „сказалъ въ прошломъ вѣкѣ, что еслибы не было Бога, то слѣдовало бы его выдумать. И не то странно, не то было бы дивно, что Богъ въ самомъ дѣлѣ существуетъ; но то дивно, что такая мысль—мысль о необходимости Бога—могла залѣзть въ голову такому дикому и злому животному, какъ человѣкъ: *до того она*

---

[1]) Первому эта мысль приписана Вольтеру.

свята, до того она трогательна, до того премудра и до того она дѣлаетъ честь человѣку“.

Испорченность человѣка и святость религіи есть, такимъ образомъ, то̀, что прежде всего стремится онъ утвердить. Религія есть нѣчто высокое: и сдѣлать ее возможною для человѣка, стать способнымъ войти въ ея міросозерцаніе—это есть высшая цѣль, высшее удо-влетвореніе, котораго можетъ достигнуть онъ. Но до-стигнуть этого *правдиво*, *искренно* онъ можетъ не во-преки своимъ способностямъ усвоенія, но только слѣ-дуя имъ, какъ онѣ устроены ему Творцомъ, о которомъ учитъ сама же религія.

Такимъ образомъ, здѣсь нѣтъ и тѣни враждебности, высокомѣрія или презрительности къ тому, что̀ сейчасъ будетъ оспариваться съ такою силой; и въ этомъ ле-житъ глубочайшая оригинальность самаго пріема. Во всемірной литературѣ, гдѣ подобныя оспариванія были такъ часты, мы чувствуемъ, что подходимъ къ чему-то особенному, что̀ еще никогда не появлялось въ ней, къ точкѣ зрѣнія, на которую никто не становился. И мы чувствуемъ также, что эта точка зрѣнія есть единственно серьезная со стороны нападающей и, пожалуй, един-ственно угрожающая для стороны нападаемой.

И эта оригинальность въ движеніи мысли сохра-няется и далѣе: бытіе Божіе, недоказуемость котораго для *ума* человѣка (какъ въ философіи, такъ и въ на-укѣ) обыкновенно ставится первымъ преткновеніемъ для религіознаго міросозерцанія, здѣсь переступается какъ возраженіе, нисколько не останавливающее. То, что̀ всего болѣе силится защитить религія, что̀ она за-трудняется защитить,—вовсе не подвергается нападенію, уступается безъ оспариванія. И строгую научность этого пріема нельзя не признать: *относительность* и *услов-*

ность человѣческаго мышленія есть самая тонкая и глубокая истина, которая тысячелѣтія оставалась скрытою отъ человѣка, но, наконецъ—обнаружена. Поразительнымъ, яркимъ свидѣтельствомъ этой относительности въ самое недавнее время явилось сомнѣніе, исчерпывается ли *дѣйствительнов* пространство тѣмъ, которое одно *знаетъ* человѣкъ, одно для него *мыслимо* и *представимо*. Возникновеніе такъ называемой Не-Евклидовой геометріи [1]), которая разрабатывается теперь лучшими математиками Европы и въ которой параллельныя линіи сходятся, а сумма угловъ трсугольника нѣсколько меньше двухъ прямыхъ — есть фактъ безспорный, для всѣхъ ясный, и онъ не оставлястъ никакого сомнѣнія въ томъ, что *дѣйствительность* бытія не покрывается *мыслимымъ* въ разумѣ. Къ тому, что немыслимо и однако же существуетъ, можетъ относиться и бытіе Божіе, недоказуемость котораго не есть какое-либо возраженіе противъ его реальности. Исходя изъ этой относительности человѣческаго мышленія, Иванъ отказывается судить, правы или нѣтъ утвержденія религіи о Томъ, Кто есть источникъ всякаго бытія и опредѣлитель и законодатель всякаго мышленія.—„Я смиренно сознаюсь“, говоритъ онъ, „что у меня нѣтъ никакихъ способностей разрѣшать такіе вопросы, у меня

---

[1]) Она была открыта впервые Лобачевскимъ, и Казанскій университетъ, въ которомъ онъ былъ профессоромъ, почтилъ его память изданіемъ полнаго собранія его сочиненій отъ своего имени и на свои издержки (одинъ томъ, Казань, 1883). Здѣсь содержатся его труды: „Воображаемая геометрія“, „Новыя начала геометріи съ полною теоріею параллельныхъ“ и „Пангеометрія“. Подробности о Не-Евклидовой геометріи и указанія на литературу ея—см. проф. Вященко-Захарченко: „Начала Евклида, съ поясннтельнымъ введеніемъ и толкованіями“. Кіевъ, 1880.

умъ эвклидовскій, земной, а потому гдѣ намъ рѣшать о томъ, что *не отъ міра сего*. Да и тебѣ совѣтую никогда объ этомъ не думать: *есть*-ли Онъ или *нѣтъ*. Все это вопросы совершенно несвойственные уму, созданному съ понятіемъ лишь о трехъ измѣреніяхъ. Итакъ, принимаю Бога, и не только съ охотой, но, мало того, принимаю и премудрость Его, и цѣль Его,—намъ совершенно уже неизвѣстныя; вѣрую въ порядокъ, въ смыслъ жизни, вѣрую въ вѣчную гармонію, въ которой мы, будто бы, всѣ сольемся; вѣрую въ Слово, къ которому стремится вселенная и которое Само „бѣ къ Богу“ и которое есть Само—Богъ“[1]).

IX

„—Но я міра Божьяго не принимаю“, такъ оканчиваетъ онъ свое признаніе.

Мы опять встрѣчаемся съ оборотомъ мышленія, совершенно неизвѣстнымъ: тварь не отрицаетъ Творца своего, она Его признаетъ и знаетъ; она *возстаетъ* противъ Него, отрицаетъ твореніе Его и съ нимъ—себя, ощутивъ *въ порядкѣ этого творенія* несовмѣстимое съ тѣмъ, какъ *именно сама она сотворена*. Воля высшая и мудрая, изъ непостижимаго Источника излитая въ міросозданіе, въ одной частицѣ его, которая именуется человѣкомъ, возстаетъ противъ себя самой и ропщетъ на законы, по которымъ она дѣйствуетъ.

„Я тебѣ долженъ сдѣлать одно признаніе“, говоритъ

---

[1]) Разумѣются начальныя слова Ев. отъ Іоанна: „Въ началѣ бѣ Слово (Λογος—разумъ, смыслъ, слово, какъ *мысль выговоренная*) и Слово бѣ къ Богу и Богъ бѣ Слово. Сей бѣ искони къ Богу. Вся тѣмъ быша и безъ Него ничто же бысть, еже бысть“. Гл. I, ст. 1.

Иванъ: „я никогда не могъ понять, какъ можно любить своихъ ближнихъ. Именно ближнихъ-то, по-моему, и невозможно любить, а развѣ лишь дальнихъ. Я вотъ читалъ когда-то и гдѣ-то про *Іоанна Милостиваго* (одного святого), что онъ, когда къ нему пришелъ голодный и обмерзшій прохожій и попросилъ согрѣть его,—легъ съ нимъ вмѣстѣ въ постель, обнялъ его и началъ ему дышать въ гноящійся и зловонный отъ какой-то ужасной болѣзни ротъ его. Я убѣжденъ, что онъ это дѣлалъ съ надрывомъ лжи, изъ-за заказанной долгомъ любви, изъ-за натащенной на себя эпитиміи. Чтобы полюбить человѣка, надо, чтобы тотъ спрятался... Отвлеченно еще можно любить ближняго, и даже иногда издали, но вблизи—почти никогда".

Въ словахъ этихъ слышится страшная ненависть, въ основѣ которой лежитъ какая-то великая горечь. „Никто же плоть свою возненавидитъ, но всякій питаетъ и грѣетъ ее", сказано о человѣкѣ, сказано какъ общій законъ его природы. Здѣсь мы именно видимъ ненависть противъ своей плоти, желаніе не „согрѣть и напитать ее", но, напротивъ, растерзать и истребить. Примѣръ взятъ неудачно, отъ какой-то смятенной торопливости: конечно, со счастьемъ, съ радостью дѣлалъ свое дѣло Іоаннъ Милостивый, и почти не нужно объяснять этого. Но эта ошибка въ мелькнувшемъ образѣ ничего не поправляетъ; мы пропускаемъ ее и слушаемъ далѣе.

„Мнѣ надо было поставить тебя", продолжаетъ Иванъ, „на мою точку. Я хотѣлъ заговорить о страданіи человѣчества вообще, но лучше ужъ остановимся на страданіяхъ однихъ дѣтей... Во-первыхъ, дѣтокъ можно любить даже и вблизи, даже и грязныхъ, даже дурныхъ лицомъ (мнѣ, однако же, кажется, что дѣтки никогда не бываютъ дурны лицомъ). Во-вторыхъ, о большихъ

я и потому еще говорить не буду, что кромѣ того, что они отвратительны и любви не заслуживаютъ, у нихъ есть и возмездіе: они съѣли яблоко, и познали добро и зло, и стали „яко бози“. Продолжаютъ и теперь ѣсть его. *Но дѣточки ничего не съѣли и пока еще ни въ чемъ невиновны.* Любишь ты дѣтокъ, Алеша? Знаю, что любишь, и тебѣ будетъ понятно, для чего я про нихъ однихъ хочу говорить. *Если они на землѣ тоже ужасно страдаютъ, то ужъ, конечно, за отцовъ своихъ, наказаны за отцовъ своихъ, съѣвшихъ яблоко, — но, вѣдь, это разсужденіе изъ другого міра, сердцу же человѣческому здѣсь, на землѣ, непонятное? Нельзя страдать неповинному за другого, да еще такому неповинному!* Подивись на меня, Алеша, я тоже ужасно люблю дѣточекъ. И замѣть себѣ, *жестокіе люди, страстные плотоядные, карамазовцы—иногда очень любятъ дѣтей.* Дѣти, пока дѣти, до семи, напр., лѣтъ, страшно отстоятъ отъ людей: совсѣмъ будто другое существо и съ другою природой. Я зналъ одного разбойника въ острогѣ: ему случалось, въ прежнее время, рѣзать и дѣтей. Но, сидя въ острогѣ, онъ ихъ до странности любилъ. Изъ окна острога онъ только и дѣлалъ, что смотрѣлъ на играющихъ на дворѣ дѣтей. Одного маленькаго мальчика онъ пріучилъ приходить подъ окно, и тотъ даже сдружился съ нимъ... *Ты не знаешь, для чего я это все говорю, Алеша? У меня какъ-то голова болитъ и мнѣ грустно*“.

„—Ты говоришь съ страннымъ видомъ“, съ безпокойствомъ замѣтилъ Алеша, — „точно ты въ какомъ *безуміи*“.

Причиненіе страданія изъ жажды сострадать есть черта полярности души человѣческой, таинственная и необъяснимая, которую вскрываетъ здѣсь Достоевскій.

Самъ онъ, какъ извѣстно, часто и съ величайшею мучительностью останавливается въ своихъ сочиненіяхъ [1]) на страданіяхъ дѣтей, изображая ихъ такъ, что всегда видно. какъ и страдаетъ онъ ихъ страданіемъ, и какъ умѣетъ проницать въ это страданіе: рисуемая картина, своими изгибами, какъ ножъ въ дрожащее тѣло глубже и глубже проникаетъ въ безвинное, бьющееся существо, слезы котораго жгутъ сердце художника, какъ струящаяся кровь жжетъ руку убійцѣ. Можно чувствовать преступность этого, можно жаждать разорвать свою плоть, которая такъ устроена; но пока она не разорвана, пока искаженіе души человѣческой не исправлено, было бы напрасною попыткой закрывать глаза на то, что это *есть* или, по крайней мѣрѣ, встрѣчается по какому-то необъяснимому закону природы. Но, конечно, высказавъ это признаніе, можно прійти къ „безумію“ отъ сознанія, что еще исторія человѣческая не кончается и еще тысячелѣтія предстоитъ этой *неустроенной* плоти жить, мучить и страдать.

„Выражаются иногда про *звѣрскую* жестокость че-

---

[1]) Въ „Униженныхъ и Оскорбленныхъ“ — характеръ и судьба Нелли, въ „Бѣсахъ“—разговоръ Ставрогина съ Шатовымъ и его же разговоръ съ Кириловымъ, когда тотъ игралъ мячомъ съ маленькой, въ „Преступленіи и Наказаніи“ — дѣти Мармеладова; въ „Братьяхъ Карамазовыхъ“— двѣ главы: „Надрывъ въ избѣ“ и „На чистомъ воздухѣ“, гдѣ дѣтское страданіе почти нестерпимо даже въ чтеніи („папочка, папочка, милый папочка, какъ онъ тебя унизилъ!“—говоритъ Илюша въ истерикѣ отцу своему). Есть что-то жгучее и страстное въ этой боли. Въ той же главѣ люди всѣ называются „больными“ и „дѣтьми“ (стр. 244). Вслѣдъ за этими сценами и начинается „Pro и Contra“, великая діалектика всякой религіи и христіанства, которая, будучи задумана много лѣтъ назадъ, все-таки вылилась, кажется, у автора вдругъ, внѣ всякой связи съ ходомъ дѣйствія въ романѣ.

ловѣка“ продолжаетъ Иванъ, оправившись, „но это страшно несправедливо и обидно для звѣрей: звѣрь никогда не можетъ быть такъ жестокъ, какъ человѣкъ. Тигръ просто грызетъ, рветъ—и *только это и умѣетъ*“. Напротивъ, человѣкъ въ жестокость свою влагаетъ какую-то утонченность, тайное и наслаждающееся злорадство. Отъ этой черты не освобождаетъ его ни національность, ни образованіе, или, наоборотъ, первобытность, ни даже религія; она вѣчна и неистребима въ человѣкѣ. Клеопатра, утонченная гречанка, когда ее утомляло однообразіе все только счастливой жизни, разнообразила его то страницей изъ Софокла или Платона, то измѣняющеюся улыбкой на поблѣднѣвшемъ лицѣ невольницы, въ которое она смотрѣла и оно смотрѣло ей въ глаза, между тѣмъ какъ рука ея впускала булавку въ ея черную грудь. Турки, магометане и варвары, притомъ занятые хлопотливымъ возстаніемъ, все-таки урываютъ время, чтобы испытать высшее для человѣка наслажденіе—наслажденіе безмѣрностью чужого страданія; вотъ они входятъ въ избу и находятъ испуганную мать съ грудным ребенкомъ. „Они ласкаютъ младенца, смѣются, чтобъ его разсмѣшить, имъ удается, младенецъ разсмѣялся. Въ эту минуту турокъ наводитъ на него пистолетъ въ четырехъ вершкахъ разстоянія отъ его лица. Мальчикъ радостно хохочетъ, тянется ручонками, чтобы схватить пистолетъ, и вдругъ артистъ спускаетъ курокъ прямо ему въ лицо и раздробляетъ ему головку. Кстати, турки, говорятъ, очень любятъ сладкое“ [1]).

---

[1]) Тамъ же, стр. 268. Намекъ на любовь турокъ къ „сладкому“ имѣетъ болѣе общее значеніе: повсюду уклонъ человѣческой природы къ жестокому Достоевскій связываетъ съ ея уклономъ къ страстному и развратному.

„— Братъ, къ чему это все?—спросилъ Алеша.

„— Я думаю, что если дьяволъ не существуетъ и, стало быть, создалъ его человѣкъ,—то создалъ онъ его по своему образу и подобію".

„— А ты удивительно умѣешь оборачивать словечки, какъ говоритъ Полоній въ *Гамлетѣ*", засмѣялся Иванъ. „Пусть, я радъ; хорошъ же Богъ, коль его создалъ человѣкъ по образу своему и подобію".

И онъ продолжаетъ развивать картину человѣческаго страданія. Въ мирной Швейцаріи, трудолюбивой и протестантской, всего лѣтъ пять назадъ, случилась казнь преступника, замѣчательная своими подробностями. Нѣкто Ришаръ еще младенцемъ былъ отданъ своими родителями, прижившими его внѣ брака, какимъ-то пастухамъ, которые приняли его, какъ будущую рабочую силу. Какъ вещь онъ былъ отданъ имъ, и какъ съ вещью обращались съ нимъ. Въ непогоду, въ холодъ, почти безъ одежды и никогда ненакормленный, онъ пасъ у нихъ стадо въ горахъ. „Самъ Ришаръ свидѣтельствуетъ, что въ тѣ годы онъ, какъ блудный сынъ въ Евангеліи, желалъ ужасно поѣсть хоть того мѣсива, которые давали откармливаемымъ на продажу свиньямъ; но ему не давали даже и этого и били, когда онъ кралъ его у свиней. И такъ онъ провелъ все дѣтство свое и свою юность до тѣхъ поръ, пока возросъ и, укрѣпившись въ силахъ, пошелъ самъ воровать. Дикарь сталъ добывать деньги поденною работой въ Женевѣ, добытое пропивалъ, жилъ какъ извергъ и кончилъ тѣмъ, что убилъ какого-то старика и ограбилъ. Его схватили, судили и присудили къ смерти". Уже приговореннаго, уже погибшаго—общество, религія и государство окружаютъ вниманіемъ и заботою. Въ тюрьму приходятъ къ нему пасторы, и впервые раскрывается

передъ нимъ свѣтъ Христова ученія; онъ выучивается чтенію и письму, онъ сознается въ преступленіи и самъ пишетъ суду о себѣ, что онъ—извергъ „и вотъ, наконецъ, удостоился, что и его озарилъ Господь и послалъ ему благодать“. Общество умиляется и волнуется; къ нему идутъ, его цѣлуютъ и обнимаютъ: „и на тебя сошла благодать, ты братъ нашъ во Господѣ!“... Ришаръ плачетъ; новыя, никогда не испытанныя впечатлѣнія сошли ему въ душу и размягчили и умилили ее. Дикарь и звѣренышъ, воровавшій кормъ у свиней, онъ вдругъ узналъ, что и онъ человѣкъ, что онъ не всѣмъ чужой и одинокій, что и ему есть близкіе, которые его любятъ, согрѣваютъ и утѣшаютъ. „И я удостоился благодати“, говоритъ онъ разстроганный: „умираю во Господѣ“. „Да, да, Ришаръ, умри во Господѣ, ты пролилъ кровь и долженъ умереть во Господѣ. Пусть ты не виновенъ, что не зналъ совсѣмъ Господа, когда завидовалъ свиному корму и когда тебя били за то, что ты кралъ его (что̀ ты дѣлалъ очень нехорошо, потому что красть не позволено), но ты пролилъ кровь и долженъ умереть“. И вотъ наступаетъ послѣдній день. „Это лучшій изъ дней моихъ“, говоритъ онъ: „я иду къ Господу“.—„Да,—говорятъ ему,—это счастливѣйшій день твой, ибо ты идешь къ Господу!“ Позорную колесницу, на которой везутъ его на площадь, окружаютъ несмѣтныя толпы народа, и всѣ глядятъ на него съ умиленіемъ и любовью. Вотъ остановились передъ эшафотомъ: „Умри, братъ нашъ, умри во Господѣ, удостоившійся благодати!“—говорятъ окружающіе. Съ нимъ прощаются, его покрываютъ поцѣлуями, онъ всходитъ и кладетъ голову въ ошейникъ гильотины; ножъ скользитъ, и голова, такъ долго бывшая во мракѣ и, наконецъ, озаренная, падаетъ отрѣзанная къ ногамъ озарившихъ его

и плачущихъ братьевъ“ [1]). Соединеніе чувства любви и этой теплой крови, которая еще болѣе согрѣваетъ и возбуждаетъ его, есть услажденіе неустроенной души человѣка, въ своемъ родѣ столь же утонченное, какъ и соединеніе играющей невинности съ насмѣшливымъ замысломъ черезъ минуту раздробить на куски эту невинность.

Человѣкъ не только страдаетъ и развратенъ самъ, онъ вводитъ растлѣніе и муку всюду, гдѣ можетъ, во всю природу. Приноравливая къ себѣ, онъ исказилъ самые инстинкты животныхъ [2]), онъ вымучилъ у нихъ

---

[1]) Въ Женевѣ была составлена брошюра съ подробнымъ описаніемъ этого случая и, переведенная на иностранные языки, разсылалась въ разныхъ странахъ, между прочимъ и въ Россіи, безплатно при газетахъ и журналахъ. Достоевскій замѣчаетъ, что подобный фактъ, въ высшей степени мѣстный (въ смыслѣ національности и религіи), совершенно невозможенъ у насъ: „хотя“ тонко оговариваетъ онъ далѣе,—„кажется, и у насъ прививается съ того времени, какъ повѣяло лютеранскою проповѣдью въ нашемъ высшемъ обществѣ“ (стр. 269). Замѣчаніе это очень глубоко: между различными способностями души человѣческой есть нѣкоторая соотносительность, и, тронувъ развитіемъ, образованіемъ или религіею которую-нибудь изъ нихъ, мы *непремѣнно измѣняемъ и всѣ прочія въ соотвѣтствіи съ нею, по новому типу*, который она принимаетъ подъ воздѣйствіемъ. Слезливый піетизмъ, это характерное порожденіе протестантизма, также нуждается въ возбужденіи себя преступнымъ и страдающимъ, но только *на свой манеръ*, какъ и иные типы душевнаго склада, вырабатываемые въ другихъ условіяхъ исторіи. Въ католическихъ странахъ, напримѣръ, невозможенъ описанный случай съ Ришаромъ; зато въ протестантскихъ странахъ невозможна эта изощренная, многообразная и извилистая система мукъ, которая придумана была тамъ инквизиціею. Всюду *по-своему* и, однако, *вездѣ* человѣкъ терзается человѣкомъ.

[2]) Байронъ въ одномъ мѣстѣ справедливо и глубоко называетъ прирученныхъ, домашнихъ животныхъ—„развращенными“.

и у растеній небывалыя формы, принуждая ихъ къ противоестественнымъ скрещиваніямъ [1]), которымъ не зналъ бы и границъ, если-бы не встрѣтилъ упорнаго сопротивленія въ таинственныхъ законахъ природы. Гнусный беззаконникъ, онъ стоитъ передъ этими законами, все еще усиливаясь придумать, какъ бы нарушить ихъ, какъ бы раздвинуть всѣ грани и переступить черезъ нихъ своимъ развратомъ и зломъ. Онъ торопливо хватаетъ въ природѣ всякое уродство, каждую болѣзнь,—и хранитъ и бережетъ все это,—увеличиваетъ еще [2]). Онъ перемѣшалъ климаты, измѣнилъ всѣ условія жизни, смѣсилъ не смѣшивавшееся и раздѣлилъ сродненное, снялъ съ природы ликъ Божій и наложилъ на нее свой искаженный ликъ. И среди всего этого разрушенія сидитъ самъ, ея властелинъ и мучитель, и, мучаясь, слагаетъ поэзію о дѣлахъ рукъ своихъ.

Переходя отъ далекихъ странъ и иныхъ типовъ страданія на родную почву, къ нашему родному страданію, Иванъ останавливается мелькомъ и на поэзіи этой. Правда, не понявъ всего уродства, какое вноситъ человѣкъ въ природу, нельзя и понять всей глубины зла, которое онъ несетъ съ собой. „У насъ хоть нелѣпо рубить голову брату потому только, что онъ сталъ намъ *братъ* и что на него сошла *благодать*, но у насъ есть свое, почти что не хуже. У насъ—историческое, непосредственное и ближайшее наслажденіе истязаніемъ битья. У Некрасова есть стихи о томъ, какъ мужикъ сѣчетъ лошадь по глазамъ, по „кроткимъ глазамъ“. Это

---

[1]) См. поразительныя подробности объ этомъ, напр. у Богданова „Медицинская Зоологія“, т. I. М. 1883, §§ 37—38.

[2]) См. Данилевскаго: „Дарвинизмъ. Критическое изслѣдованіе“. Спб. 1885 (о голубиныхъ породахъ).

кто-жъ не видалъ, это руссизмъ. Онъ описываетъ, какъ слабосильная лошаденка, на которую навалили слишкомъ, завязла съ возомъ и не можетъ вытащить. Мужикъ бьетъ ее, бьетъ съ остервенѣніемъ, бьетъ, наконецъ, не понимая, что̀ дѣлаетъ; въ опьяненіи битья сѣчетъ больно, безсчетно: „хошь ты и не въ силахъ, а вези, умри да вези!“ Кляченка рвется,—и вотъ онъ начинаетъ сѣчь ее, беззащитную, по плачущимъ, по „кроткимъ глазамъ“. Внѣ себя она рванула и вывезла и пошла „вся дрожа, не дыша, какъ-то бокомъ, съ какою-то припрыжкой, какъ-то неестественно и позорно“.

Именно въ неестественности и позорности, которыя внесъ человѣкъ въ младенчеєскую природу, и заключается здѣсь ужасъ. Но если битье лошади по „кроткимъ глазамъ“ можетъ распалить кровь, то неизмѣримо больше распаляютъ ее крики ребенка, своего ребенка, который въ васъ же ищетъ защиты отъ васъ.—„Образованный господинъ и его дама сѣкутъ собственную дочку, младенца лѣтъ семи, розгами“. Отецъ выбираетъ прутья съ сучьями: „садче будетъ“, говоритъ онъ. „Сѣкутъ минуту, сѣкутъ наконецъ пять минутъ, сѣкутъ десять минутъ, дальше, больше, чаще, садче. Ребенокъ кричитъ, ребенокъ, наконецъ, не можетъ кричать, задыхается: „папа, папа, папочка, папочка“ [1]). Въ другой разъ почтенные, образованные и чиновные родители возненавидѣли почему-то своего ребенка, пятилѣтнюю дѣвочку, били ее, пинали ногами и, наконецъ, даже дошли до того, что „въ холодъ запирали ее на всю

---

[1]) Здѣсь, очевидно, говорится о процессѣ г. Кронеберга и г-жи Жезингъ, разборъ котораго, и защитительная рѣчь г. Спасовича, былъ сдѣланъ Достоевскимъ въ февральскомъ выпускѣ „Дневника Писателя“ за 1876 г. (Соч., т. XI, стр. 57—83).

ночь въ отхожее мѣсто; и за то, что она не просилась ночью (какъ-будто пятилѣтній ребенокъ, спящій своимъ ангельскимъ крѣпкимъ сномъ, еще можетъ въ эти лѣта научиться проситься)—за это обмазывали ей лицо каломъ и заставляли ее ѣсть этотъ калъ: и это мать, мать заставляла! И эта мать могла спать, когда ночью слышались стоны бѣднаго ребеночка, запертаго въ подломъ мѣстѣ!“... „Понимаешь-ли ты это“, говоритъ Иванъ, „когда маленькое существо, еще не умѣющее даже осмыслить, что̀ съ ней дѣлается, бьетъ себя въ подломъ мѣстѣ, въ темнотѣ и въ холодѣ, крошечнымъ своимъ кулачкомъ въ надорванную грудку, и плачетъ своими кровавыми, незлобивыми, кроткими слезками къ „Боженькѣ“, чтобы Тотъ „защитилъ его“,—понимаешь-ли ты эту ахинею, другъ мой и братъ мой, пòслушникъ ты мой Божій и смиренный, понимаешь-ли ты, *для чего эта ахинея такъ нужна и создана?* Безъ нея, говорятъ, и пробыть бы не могъ человѣкъ на землѣ, ибо не позналъ бы добра и зла. Для чего познавать это чортово добро и зло, когда это столькаго стоитъ? Да, вѣдь, весь міръ познанья не стòитъ, тогда, этихъ слезокъ ребеночка къ „Боженькѣ“. Я не говорю про страданія большихъ.—тѣ яблоко съѣли, и чортъ съ ними, и пусть бы ихъ всѣхъ чортъ взялъ, но эти, эти! Мучаю я тебя, Алеша? ты какъ будто бы не въ себѣ? Я перестану, если хочешь“.

„—Ничего, я тоже хочу мучиться“, пробормоталъ Алеша.

„Одну, только одну еще картинку“,—продолжаетъ неудержимо Иванъ,—и разсказываетъ, какъ въ мрачную пору крѣпостного права одинъ дворовый мальчикъ, лѣтъ восьми, за то̀, что зашибъ нечаянно ногу камнемъ любимой гончей собакѣ помѣщика, былъ, по приказанію этого

послѣдняго, растерзанъ псами на глазахъ матери [1]). Съ безчисленными собаками своими и псарями, проживавшій на покоѣ генералъ выѣхалъ въ морозное утро на охоту. Собрана была „для вразумленія“ вся дворня, и впереди ея поставили мать ребенка: самъ онъ былъ взятъ отъ нея уже съ вечера наканунѣ. Его вывели и раздѣли до нага; „онъ дрожитъ, обезумѣлъ отъ страха, не смѣетъ пикнуть“. — „Гони его“, кричитъ генералъ; „бѣги, бѣги!“ кричатъ псари, и, когда онъ въ безпамятствѣ бѣжитъ, генералъ бросаетъ на него всю стаю борзыхъ и черезъ минуту отъ мальчика даже клочьевъ не осталось. „Ну... что же его? Разстрѣлять? Для удовлетворенія нравственнаго чувства—разстрѣлять? Говори!

„— Разстрѣлять, тихо проговорилъ Алеша, съ блѣдною перекосившеюся какою-то улыбкой, поднявъ взоръ на брата.

„— Браво, завопилъ Иванъ въ какомъ-то восторгѣ, ужъ если ты сказалъ, значитъ...

„— Я сказалъ нелѣпость, но...

„— То-то и есть, что но... кричалъ Иванъ. *Знай, послушникъ, что нелѣпости слишкомъ нужны на землѣ. На нелѣпостяхъ міръ стоитъ и безъ нихъ, можетъ быть, въ немъ совсѣмъ ничего бы и не произошло* [2]). Мы знаемъ, что знаемъ!“

---

[1]) Фактъ этотъ дѣйствителенъ, какъ, впрочемъ, и всѣ приведенные; онъ сообщенъ былъ въ одномъ изъ нашихъ историческихъ журналовъ.

[2]) Параллельное мѣсто см. въ „Братьяхъ Карамазовыхъ“, главу „Кошмаръ Ивана Федоровича“, гдѣ бѣсъ объясняетъ шутливо, что онъ существуетъ „единственно *для того, чтобы происходили событія*“; и, не смотря на желанія свои, никакъ не можетъ примкнуть къ „осаннѣ“ остальной природы, — ибо тогда тотчасъ же „перестало бы что-нибудь случаться“.

„— *Я ничего не понимаю*,—продолжалъ Иванъ, какъ бы въ бреду,—*я и не могу теперь ничего понимать. Я хочу оставаться при фактѣ.* Я давно рѣшилъ не понимать. Если я захочу что-нибудь понимать, то тотчасъ же измѣню факту, а я рѣшилъ оставаться при фактѣ...

„— Для чего ты меня испытуешь?“ съ надрывомъ горестно воскликнулъ Алеша,—„скажешь-ли мнѣ, наконецъ?“

„— Конечно, скажу, къ тому и велъ“, говоритъ Иванъ,—и выводитъ свое заключеніе:—„Слушай, я взялъ однихъ дѣтокъ для того, чтобы вышло очевиднѣе. Объ остальныхъ слезахъ человѣческихъ, которыми пропитана вся земля отъ коры до центра—я ужъ ни слова не говорю, я тему мою нарочно съузилъ. Я—клопъ, и признаю со всѣмъ приниженіемъ, что ничего не могу понять, для чего все такъ устроено... О, по моему, по жалкому, земному, эвклидовскому уму моему, я знаю лишь то̀, что страданіе есть, что виновныхъ нѣтъ, что все одно изъ другого выходитъ прямо и просто, что все течетъ и уравновѣшивается,—но вѣдь это лишь эвклидовская дичь, вѣдь я знаю же это; вѣдь жить по ней я не могу же согласиться![1]) Что̀ мнѣ въ томъ, что

---

[1]) Это—чрезвычайно высокое мѣсто, одно изъ грустныхъ и великихъ признаній человѣческаго духа, справедливости котораго нельзя отвергнуть. Его мысль состоитъ въ томъ, что *есть дисгармонія между законами внѣшней дѣйствительности*, по которымъ все течетъ въ природѣ и въ жизни человѣческой, *и между законами нравственнаго сужденія*, скрытыми въ человѣкѣ. Вслѣдствіе этой дисгармоніи, человѣку предстоитъ или, отказавшись отъ послѣднихъ, и съ ними отъ своей личности, отъ искры Божіей въ себѣ—слиться съ внѣшнею природою, слѣпо подчинившись ея законамъ; или, сохраняя свободу своего нравственнаго сужденія—стать въ противорѣчіе съ природою, въ вѣчный и безсильный разладъ съ нею. Первый проблескъ этой мысли у Достоевскаго

виновныхъ нѣтъ и что я это знаю—*мнѣ надо возмездіе, иначе вѣдь я истреблю себя*[1]). И возмездіе не въ безконечности, гдѣ-нибудь и когда-нибудь, а здѣсь уже, на землѣ, и чтобъ я его самъ увидалъ. Я вѣровалъ, я хочу самъ и видѣть; а если къ тому часу буду уже мертвъ, то пусть воскресятъ меня, ибо если все безъ

мы находимъ въ 1864 г, въ „Запискахъ изъ подполья“ (отд. I: гл. IV, стр. 450—51, т. III, изд. 82 г.), гдѣ она выражена нервно и безпорядочно, но очень характерно: „Боже, да что мнѣ за дѣло до законовъ природы и ариѳметики, когда мнѣ почему-нибудь этп законы и дважды два четыре не нравятся? Разумѣется, я не пробью такой стѣны лбомъ, если и въ самомъ дѣлѣ силъ не будетъ пробить, но *я не примирюсь съ ней* потому только, что тутъ каменная стѣна, что у меня силъ не хватило. *Какъ будто такая каменная стѣна и вправду есть успокосніе, и вправду заключаетъ въ себѣ хоть какое-нибудь слово на миръ, единственно только потому, что она—дважды два четыре*?! О, нелѣпость—нелѣпостей! *То-ли дѣло все понимать, все сознавать, всѣ невозможности* и каменныя стѣны; *не примиряться ни съ одной изъ этихъ невозможностей* — каменныхъ стѣнъ, *если вамъ мерзитъ примиряться*; дойти путемъ неизбѣжныхъ логическихъ комбинацій до заключеній на вѣчную тему о томъ, что *даже и въ каменной стѣнѣ* какъ будто чѣмъ-то самъ виноватъ, хотя опять-таки до ясности очевидно, что вовсе не виноватъ, и вслѣдствіе этого, молча и скрежеща зубами, сладострастно замереть въ инерціи, мечтая о томъ, что даже и злиться тебѣ выходитъ не на кого; что предмета не находится, а можетъ быть, и никогда не найдется; что тутъ *подлянка, подтасовка, шулерство* („дьяволовъ водевиль“, въ „Бѣсахъ“), но, несмотря на всѣ эти неизвѣстности и подтасовки, *у васъ все таки болитъ, и, чѣмъ больше вамъ неизвѣстно—тѣмъ больше болитъ*“. Въ издѣвательствѣ и страданіи послѣднихъ словъ уже лежитъ зародышъ идеи „Легенды о Великомъ Инквизиторѣ“. См. *Приложенія*.

[1]) Т.-е. при страданіи и преступности если нѣтъ возмездія и съ нимъ удовлетворенія, то я, ища удовлетворенія, истреблю свою плоть какъ преступную и страдающую. Здѣсь объясненіе самоубійства. Параллельныя мѣста въ „Дневникѣ Писателя“, 1876 г., октябрь и декабрь. См. *Приложенія*.

меня произойдетъ, то будетъ слишкомъ обидно. *Не для того же я страдалъ, чтобы собой, злодѣйствами и страстями моими, унавозить кому-то будущую гармонію.* Я хочу видѣть своими глазами, какъ левъ ляжетъ подлѣ льва и какъ зарѣзанный встанетъ и обнимется съ убившимъ его. *Я хочу быть тутъ, когда всѣ вдругъ узнаютъ, для чего все такъ было.* На этомъ желаніи зиждутся *всѣ* [1]) религіи не землѣ, а я—вѣрую. *Но вотъ, однако же, дѣтки,—и что́ я съ ними стану тогда дѣлать? Это вопросъ, который я не могу рѣшить...* Если всѣ должны страдать, чтобы страдать,—чтобы страданіями купить вѣчную гармонію, то при чемъ тутъ дѣти, скажи мнѣ пожалуйста? Совсѣмъ непонятно, для чего должны были страдать и они, и зачѣмъ имъ покупать страданіями гармонію? Для чего они попали тоже въ матерьялъ и унавозили собою для кого-то будущую гармонію? Солидарность въ грѣхѣ между людьми я понимаю, понимаю солидарность и въ возмездіи, но *не съ дѣтками же солидарность въ грѣхѣ*?! И если правда, въ самомъ дѣлѣ, въ томъ, что и они солидарны съ отцами ихъ во всѣхъ злодѣйствахъ отцовъ,—то ужъ, конечно, *правда эта не отъ міра сего и имъ непонятна.* Иной шутникъ скажетъ, пожалуй, что все равно дитя вырастетъ и успѣетъ нагрѣшить [2]); но вотъ же онъ не вы-

[1]) Въ этихъ словахъ признается, что религіи, и безъ какого-либо исключенія, вытекли изъ нѣдръ человѣческой души, изъ присущихъ ей противорѣчій и жажды хоть какъ-нибудь изъ нихъ выйти, а не даны человѣку извнѣ. Т.-е. ихъ происхожденіе признается мистическимъ *только лишь въ той степени*, въ какой мистична самая душа человѣка, но не божѣе. Этотъ взглядъ противорѣчитъ всѣмъ обычнымъ теоріямъ о происхожденіи религіи, какъ абсолютно мистическомъ, такъ и натуральномъ.

[2]) Въ философіи и такъ называемомъ „нравственномъ богословіи“ существуетъ подобное объясненіе, но оно, дѣйствительно, совершенно неудовлетворительно.

рось, его восьмилѣтняго затравили собаками. О, Алеша, я не богохульствую! Понимаю же я, каково должно быть сотрясеніе вселенной, когда все на небѣ и надъ землею сольется въ одинъ хвалебный гласъ, и все живое и жившее воскликнетъ: *Правъ Ты, Господи, ибо откры́лись пути Твои!* Ужъ когда мать обнимется съ мучителемъ, растерзавшимъ псами сына ея, и всѣ трое возгласятъ со слезами: *Правъ Ты, Господи*, то ужъ, конечно, настанетъ *вѣнецъ познанія, и все объяснится*. Но вотъ... *этого-то я и не могу принять*. И пока я на землѣ, я спѣшу взять свои мѣры. Видишь-ли, Алеша, вѣдь, можетъ быть, и дѣйствительно такъ случится, что, когда я самъ доживу до того момента [1]), или воскресну, чтобы увидать его, то и самъ я воскликну, пожалуй, со всѣми, смотря на мать, обнявшуюся съ мучителемъ ея дитяти: „Правъ Ты, Господи!“ *Но я не хочу тогда восклицать*. Пока еще время, спѣшу себя оградить, а потому *отъ высшей гармоніи совсѣмъ отказываюсь*. Не стоитъ она слезенокъ хотя бы одного только того замученнаго ребенка, который билъ себя кулаченкомъ въ грудь и молился въ зловонной конурѣ своей неискупленными слезами своими къ „Боженькѣ“! Не стоитъ, *потому что слезки его остались неискупленными*. Онѣ должны быть искуплены, иначе *не можетъ*

---

[1]) Параллельное мѣсто см. въ главѣ „Кошмаръ Ивана Ѳеодоровича“, гдѣ бѣсъ говоритъ (стр. 350): „Я, вѣдь, знаю, что тутъ есть секретъ, но секретъ мнѣ ни за что не хотятъ открыть... Я вѣдь знаю, *въ концѣ концовъ я примирюсь, дойду и я мой квадриліонъ и узнаю секретъ*. Но пока это произойдетъ,—будирую и, скрѣпя сердце, исполняю одно назначеніе: *губить тысячи, чтобы спасся одинъ*... Нѣтъ, пока не открытъ секретъ, для меня *существуютъ двѣ правды: одна тамошняя, ихняя, мнѣ пока совсѣмъ неизвѣстная, а другая—моя*“.

быть и гармоніи. Но чѣмъ, чѣмъ ты искупишь ихъ? Развѣ это возможно? Неужто тѣмъ, что они будутъ отомщены? Но зачѣмъ мнѣ ихъ отмщеніе, зачѣмъ мнѣ адъ для мучителей, что̀ тутъ адъ можетъ поправить, когда тѣ уже замучены? И какая же гармонія, если адъ: я простить хочу и обняться хочу, я не хочу, чтобы страдали больше. И если страданія дѣтей пошли на пополненіе той суммы страданій, которая необходима была для покупки истины, то я утверждаю заранѣе, что вся истина не стоитъ такой цѣны [1]). *Не хочу я, наконецъ*, чтобы мать обнималась съ мучителемъ, растерзавшимъ ея сына псами! Не смѣетъ она прощать ему! Если хочетъ, пусть проститъ за себя, пусть проститъ мучителю материнское безмѣрное страданіе свое; но страданія своего растерзаннаго ребенка она не имѣетъ права простить, не смѣетъ простить мучителя, хотя бы самъ ребенокъ простилъ ихъ ему! А если такъ, если они не смѣютъ простить, гдѣ же гармонія? Есть-ли во всемъ мірѣ существо, которое могло бы и имѣло право простить? *Не хочу гармоніи, изъ-за любви къ человѣчеству не хочу!* Я хочу оставаться лучше со страданіями неотмщенными. Лучше ужъ я останусь при неотомщенномъ страданіи моемъ и неутоленномъ негодованіи моемъ, хотя бы я былъ не правъ. Да и слишкомъ дорого оцѣнили гармонію, не по карману нашему вовсе столько платить за входъ. А потому свой билетъ на входъ спѣшу возвратить обратно. И если только я честный человѣкъ, то обязанъ возвратить его какъ можно заранѣе. Это и дѣлаю. Не Бога я не принимаю, Алеша, я только билетъ ему почтительнѣйше возвращаю“.

---

[1]) Въ „*Прилож.*“ см. подобн. мысль о „Хрустальномъ дворцѣ“.

X

„— Это бунтъ, тихо и потупившись проговорилъ Алеша".

Приведенное слово— самое горькое, какое выдавилось у человѣка за его исторію. Не отвергая Бога, онъ отвращаетъ свое лицо отъ Него; не сомнѣваясь въ конечномъ воздаяніи за свои муки—не хочетъ болѣе этого воздаянія. Что-то до того драгоцѣнное извращено въ немъ, до того святое—оскорблено, что онъ поднимаетъ свой взоръ къ небу и, полный горести, молитъ, чтобы, наконецъ, это оскорбленіе не искупалось, это извращеніе—не снималось: Ты, Который вложилъ въ мою природу похоть терзать ближняго и силою похоти этой вырвалъ дѣтей моихъ и истерзалъ, зачѣмъ далъ любовь къ нимъ, которая даже противъ Тебя возроптала? Зачѣмъ смѣсилъ ты мою душу, перервалъ въ ней всѣ начала и всѣ концы, такъ что не могу ни любить я, ни ненавидѣть, ни знать, ни оставаться въ невѣдѣніи, ни быть праведнымъ только, ни только грѣшнымъ? И если смѣсилъ ее плодъ, который вошелъ въ меня отъ древа познанія добра и зла, зачѣмъ взростилъ Ты это древо на соблазнъ мнѣ, или почему не оградилъ его гранью непереступаемою? Наконецъ почему, создавая меня, вложилъ въ меня менѣе крѣпости послушанія, нежели похоти къ соблазну? Вѣрно, въ воздаяніе; но вотъ, дѣти мои погибли,—и пусть воздаяніе идетъ мимо меня. Погаси во мнѣ сознаніе и съ нимъ дай забвеніе, смѣси снова съ землею, отъ которой взялъ меня. Но если сознаніе мое не потухнетъ, хочу лучше плакать о растерзанныхъ дѣтяхъ моихъ, нежели созерцать торжество правды Твоей. Не хочу утѣшенія, хочу въ мукахъ

сердца моего всю вѣчность раздѣлять муку моихъ погибшихъ дѣтей.

Здѣсь сказывается надломленность человѣческихъ силъ, неспособность ихъ продолжать тотъ путь, по которому отъ скрытаго начала къ скрытому же концу ведется человѣкъ Провидѣніемъ. Онъ шелъ по этому пути тысячелѣтія, и покорно выносилъ все въ надеждѣ, что конечное познаніе и конечное торжество правды Божіей утолитъ когда-нибудь его сердце. Но вотъ, наконецъ, это страданіе возросло до такой силы, что онъ невольно останавливается, не можетъ далѣе идти. Онъ оглядывается на весь пройденный путь, припоминаетъ все, взвѣшиваетъ бремя свое и остатокъ силъ своихъ и спрашиваетъ: куда я иду и могу ли дойти? безуміе была надежда моя и зло въ волѣ той, которая внушила мнѣ ее.

Безъ сомнѣнія, высочайшее созерцаніе судебъ человѣка на землѣ содержится въ религіи. Ни исторія, ни философія или точныя науки не имѣютъ въ себѣ и тѣни той *общности* и *цѣльности* представленія, какое есть въ религіи. Это—одна изъ причинъ, почему она такъ дорога человѣку и почему такъ возвышаетъ его умъ, такъ просвѣщаетъ его. Зная цѣлое и общее, уже легко найтись, опредѣлить себя въ частностяхъ; напротивъ, какъ бы много частностей мы ни знали — а онѣ однѣ даются исторіей, науками, философіей — всегда можно встрѣтить новыя, которыя поставятъ насъ въ затрудненіе. Отсюда—твердость жизни, ея устойчивость, когда она религіозна.

Три великіе, мистическіе акта служатъ въ религіозномъ созерцаніи опорными точками, къ которымъ какъ бы прикрѣплены судьбы человѣка, на которыхъ онѣ висятъ какъ на своихъ опорахъ. Это — актъ *грѣхопаденія*: онъ *объясняетъ* то, что̀ есть; актъ *искупленія*: онъ

укрѣпляетъ человѣка въ томъ, что̀ есть; актъ вѣчнаго возмездія за добро и за зло, окончательнаго *торжества правды*: онъ влечетъ человѣка *въ будущее*.

Потрясти судьбы человѣка можно только поколебавъ которую-нибудь изъ этихъ основныхъ точекъ. Безъ этого какимъ бы бѣдствіямъ человѣкъ ни подвергался: войнѣ, голоду, мору, уничтоженію цѣлыхъ народностей, онъ все это вынесетъ, потому что во всемъ этомъ самое существо его сохранится; будутъ гибнуть *люди*, но останется *человѣкъ* и люди возродятся; перемѣна коснется проявленій, но не коснется проявляемой сущности; листья будутъ оборваны, но сохранится завязь и плодникъ. Одного не вынесетъ человѣкъ—это разрыва своего бытія и сознанія съ тремя мистическими актами, вѣрою въ которые онъ живетъ. Безъ всякихъ бѣдствій, въ полномъ довольствѣ, онъ погибнетъ какъ-то замѣшавшись; проявленія, просуществовавъ нѣкоторое время, изчезнутъ, потому что исчезнетъ скрытая за ними сущность; люди не возродятся, потому что умретъ человѣкъ.

Отсюда понятна та ненависть, съ которою смотритъ человѣкъ на всякое враждебное приближеніе къ этимъ опорнымъ точкамъ своего существованія. „Не прикасайся, я этимъ живу“, какъ будто говоритъ онъ всякому, кто пытается къ нимъ подойти, кто ихъ хочетъ взвѣсить, или измѣрить, поправить въ чемъ-нибудь, дополнить или очистить. Въ этомъ чувствѣ инстинктивной ненависти лежитъ объясненіе всѣхъ религіозныхъ преслѣдованій, какія когда-либо совершались въ исторіи,—преслѣдованій, вызывавшихъ наиболѣе сочувствія въ широкихъ массахъ народныхъ, какъ бы они жестоки ни были.

Именно эти три акта, три опорныхъ точки земныхъ судебъ человѣка, источникъ вѣдѣнія его о себѣ, источникъ силъ его—и колеблются съ помощью діалектики,

часть которой мы привели. Актъ искупленія, второй и связующій два крайніе акта, здѣсь еще не затронутъ. Но подвергнутъ сомнѣнію первый актъ — грѣхопаденіе людей, и отвергнутъ послѣдній,—актъ вѣчнаго возмездія за добро и зло, актъ окончательнаго торжества Божеской правды. Онъ отвергнутъ не потому, что онъ невозможенъ, его не будетъ; но потому, что онъ *не нуженъ болѣе*, не будетъ принятъ человѣкомъ.

Нужно замѣтить, что въ столь мощномъ видѣ, какъ здѣсь, діалектика никогда не направлялась противъ религіи. Обыкновенно исходила она изъ злого чувства къ ней и принадлежала немногимъ людямъ, отъ нея отпавшимъ. Здѣсь она исходитъ отъ человѣка, очевидно преданнаго религіи болѣе, чѣмъ всему остальному въ природѣ, въ жизни, въ исторіи, и опирается положительно на добрыя стороны въ человѣческой природѣ. Можно сказать, что здѣсь возстаетъ на Бога божеское же въ человѣкѣ: именно, чувство въ немъ справедливости и сознаніе имъ своего достоинства.

Это-то и сообщаетъ всей діалектикѣ опасный, нѣсколько сатанинскій характеръ. Уже о первомъ отпавшемъ Ангелѣ сказано, что онъ былъ „выше всѣхъ остальныхъ“, стоялъ „ближе ихъ къ Богу“, т.-е. былъ особенно Ему *подобенъ*,—конечно *по чистотѣ* своей, *по святости*. Нѣкоторый религіозный характеръ лежитъ на этой діалектикѣ, и то чувство преданности, которое внушаетъ къ себѣ всякая религія, и та ненависть, которую вызываетъ противъ себя каждый, кто ее затрогиваетъ, становится какъ бы покровомъ и надъ ней, хотя она именно направлена противъ религіи. Пытаться разрушить эту діалектику, всю исходящую изъ любящаго трепета за человѣка, кажется можно только не любя его. Ею подкапываются опоры бытія человѣческаго, и это сдѣлано

такъ, что невозможно защищать ихъ, не вызывая въ человѣкѣ горькаго чувства оскорбленія. Онъ самъ невольно вовлекается въ защиту своей гибели, не временной или частной, но всеобщей и окончательной.

Построить опроверженіе этой діалектики, столь же глубокое и строгое, какъ она сама, безъ сомнѣнія составитъ одну изъ труднѣйшихъ задачъ нашей философской и богословской литературы въ будущемъ,—конечно, если эта послѣдняя сознаетъ когда-нибудь свой долгъ разрѣшать тревожныя сомнѣнія, бродящія въ нашемъ обществѣ, а не служить только удостовѣреніемъ въ нѣмецкой грамотности нѣсколькихъ людей, которые почему-либо обязаны дѣйствительно быть съ ней знакомы. Не дѣлая попытки къ такому построенію, мы выскажемъ только два замѣчанія.

Отказъ принять воздаяніе или даже только видѣть торжество Божіей правды основывается, въ приведенныхъ выше словахъ, дѣйствительно на одной вѣрной, тонко подмѣченной особенности человѣческой души: всякій разъ, когда ея страданіе слишкомъ велико, оскорбленіе нестерпимо—въ ней пробуждается жажда не разставаться съ этимъ страданіемъ, не снимать съ себя этого оскорбленія. Есть что-то утоляющее самое страданіе въ сознаніи, что оно *не заслужено* (какъ страданія дѣтей, предполагается) и что оно не вознаграждено; и какъ только это вознагражденіе является, *исчезаетъ утоленіе* и *боль* страданія *становится нестерпимой*. Такимъ образомъ, вознагражденіе привходитъ *новою, другою радостью;* но оно вовсе *не становится на мѣсто прежней горечи,* нисколько не вытѣсняетъ ее. И это законъ души человѣческой, какъ она дана, устроена. Нельзя отрицать, что въ чертѣ этой есть много благороднаго, и вытекаетъ она изъ сознанія человѣкомъ въ

себѣ достоинства, изъ нѣкоторой гордости и вмѣстѣ смиренія, но безъ какой-либо дурной примѣси.

Такъ; и пока человѣкъ остается въ тѣхъ формахъ своего духовнаго и физическаго бытія, въ какія заключенъ теперь, какія однѣ знаетъ въ себѣ, онъ дѣйствительно захочетъ остаться „лучше съ неотмщеннымъ страданіемъ своимъ“, нежели принять за него возмездіе и примириться съ нимъ. Но думать, что эти формы его бытія есть нѣчто абсолютное и вѣчное, ничѣмъ не обусловленное, было бы величайшею ошибкою. Тѣсно, слишкомъ тѣсно духъ человѣческій связанъ въ идеяхъ своихъ, въ понятіяхъ и чувствахъ съ таинственною организаціею его тѣла; онъ прикрѣпленъ къ ней, связанъ и обусловленъ ею, какъ рождающійся, но еще не рожденный связанъ съ чревомъ своей матери. Но это связанное состояніе есть только временное; и если теченіе нашихъ идей измѣняется со всякою перемѣной въ нашей организаціи, то мы и представить себѣ затрудняемся, что̀ почувствуетъ нашъ духъ и что̀ подумаетъ онъ, когда станетъ отъ нея свободенъ и чистъ. Какъ невозможно, дѣйствительно невозможно для него теперь примиреніе, такъ, быть можетъ, необходимо и невольно будетъ оно тогда. И станетъ „земля новая и небо новое“, сказано о послѣднемъ днѣ, въ который „отретъ Богъ всякую слезу“ [1]), и въ этихъ словахъ указано разрѣшеніе затрудненія, которое *пока* для насъ непреодолимо.

Далѣе, страданія дѣтей, столь несовмѣстныя, повидимому, съ дѣйствіемъ высшей справедливости, могутъ быть нѣсколько поняты при болѣе строгомъ взглядѣ на первородный грѣхъ, природу души человѣческой и актъ рожденія. Выше уже сказали мы, что въ душѣ человѣ-

---

[1]) Откровеніе св. Іоанна, XX, 1 и 4 ст.

ческой сверхъ того, что въ ней выражено ясно и отчетливо, заключенъ еще цѣлый міръ содержанія, *не выраженный, не проявленный.* Когда человѣкъ совершаетъ что-либо преступное, то *исполненіе* имъ этого есть только вторичное и менѣе важное, первичное же и главное есть то *душевное движеніе*, которое ему предшествовало, изъ котораго родился преступный актъ. Оно кладетъ особую складку, проводитъ неизгладимую черту на человѣческой душѣ, подвергаетъ ее нѣкоторому искаженію. Спрашивается, на томъ-ли только проводится эта черта, то-ли одно пріемлетъ въ себя искаженіе, что ясно выражено въ душѣ: память съ заключенными въ ней свѣдѣніями, текущія желанія, мелькнувшія чувства? Ясно что нѣтъ: *зло* входитъ въ нее, какъ *въ цѣлое*, искажается она въ полнотѣ своего содержанія,—какъ въ ясной его части, такъ и въ непроявленной еще. О всемъ преступномъ мы знаемъ, что и зарождается оно въ человѣкѣ неясными путями, идетъ изъ темныхъ нѣдръ его души. Далѣе, въ актѣ *рожденія*, безъ сомнѣнія, передается родившимъ рожденному не только его организація, но и то, что служитъ какъ бы ея закономъ и скрѣпляющимъ центромъ, т.-е. самая *душа. Наслѣдственность* характеровъ, особыхъ дарованій или порочныхъ наклонностей слишкомъ общеизвѣстный теперь фактъ, чтобы мы могли теперь въ этомъ сколько-нибудь сомнѣваться. Множественность актовъ рожденія и индивидуальныя особенности рожденныхъ даютъ основаніе думать, что въ каждомъ порознь актѣ передается нѣкоторая часть того сложнаго содержанія, которое входитъ въ душу рождающаго; причемъ, когда передаются части выраженныя — наблюдается наслѣдственность, когда *передается невыраженное*—она, повидимому, *отсутствуетъ*. Каждая *часть*, именно въ силу таковой природы своей, содержитъ

въ себѣ *способность возстановляться до цѣлаго*, вызывать появленіе недостающихъ частей, которыя всѣ, равно какъ и порядокъ ихъ, предустановлены въ ней именно ея прежнимъ отношеніемъ къ цѣлому, изъ котораго она вышла; какъ, напр., въ самой малой дугѣ, оставшейся отъ окружности, предустановлены всѣ исчезнувшія ея части, и по ней онѣ могутъ быть возстановлены. Эти возстановляемыя части психическаго организма каждаго рождаемаго организма могутъ быть разсматриваемы какъ нѣчто новое; но среди ихъ, безъ сомнѣнія, есть и *прежняя часть*, не возникшая, но только *перешедшая*. Она несетъ въ себѣ общее искаженіе, которое было присуще душѣ родившаго, а иногда и нѣкоторое особое, глубокое зло, нѣкоторое *преступленіе*, которое въ ней было *частью*, терявшеюся между другими, а теперь *осталось одно и возстановило около себя цѣлое*. А неся въ себѣ преступленіе, она несетъ и *вину* его, и неизбѣжность *возмездія*. Такимъ образомъ, безпорочность дѣтей и, слѣдовательно, невиновность ихъ есть явленіе только кажущееся: въ нихъ уже скрыта *порочность отцовъ ихъ*, и съ нею—ихъ *виновность*; она только не проявляется, не выказывается въ какихъ-нибудь разрушительныхъ актахъ, т.-е. не ведетъ за собою новой вины: но *старая вина*, насколько она не получила возмездія, *въ нихъ уже есть*. Это возмездіе они и получаютъ въ своемъ страданіи. Проступокъ, совершенный отцомъ, можетъ быть настолько тяжелъ, что и не можетъ быть возмѣщенъ на немъ, ни даже посредствомъ его смерти: онъ растлилъ, положимъ, ребенка, развратилъ существо чистое, которое къ нему довѣрчиво приблизилось. Можетъ-ли за это преступленіе отвѣтить онъ существомъ своимъ? Нѣтъ, и преступленіе его остается скрытымъ, ненаказаннымъ. Но вотъ проходятъ поколѣнія, и возмездіе является—

въ страданіи, которое повидимому непонятно и нарушаетъ законы правды. Въ дѣйствительности же оно восполняетъ ее.

Одно очень глубокое явленіе въ духовной жизни человѣка получаетъ здѣсь свое объясненіе: это—*очищающее значеніе всякаго страданія.* Мы несемъ въ себѣ массу преступности, и съ нею — страшную виновность, которая еще ничѣмъ не искуплена; и хотя мы ее не знаемъ въ себѣ, не ощущаемъ отчетливо, она тяготитъ насъ глубоко, наполняетъ душу нашу необъяснимымъ мракомъ. И всякій разъ, когда мы испытываемъ какое-нибудь страданіе, искупляется часть нашей виновности, нѣчто преступное выходитъ изъ насъ, и мы ощущаемъ свѣтъ и радость, становимся болѣе высокими и чистыми. Всякую горесть долженъ человѣкъ благословлять, потому что въ ней посѣщаетъ его Богъ. Напротивъ, чья жизнь проходитъ легко, тѣ должны тревожиться воздаяніемъ, которое для нихъ отложено.

Возможность такого объясненія не приходила на мысль Достоевскому, и онъ думалъ, что страданія дѣтей есть нѣчто абсолютное, *прившедшее вновь въ міръ безъ всякой предшествующей вины;* отсюда понятенъ его вопросъ: кто можетъ простить виновника этого страданія? Съ этимъ затрудненіемъ связанъ вопросъ объ искупленіи, второмъ и центральномъ мистическомъ актѣ, съ которымъ соединены судьбы человѣка. По имени Искупителя, самая религія наша называется „христіанствомъ“; оно и вовлекается въ обсужденіе здѣсь въ дальнѣйшей діалектикѣ. Оспаривается искупленіе, какъ ранѣе оспаривалось грѣхопаденіе и вѣчный судъ. Эта вторая часть его діалектики, которую, въ противоположность первой, *библейской,* можно назвать по ея предмету *евангель-*

скою, и заключена въ нѣсколько причудливую форму „Легенды объ инквизиторѣ“.

Съ критикою акта искупленія у Достоевскаго соединилось изложеніе скрытой идеи католицизма [1]). Именно, идея эта, раскрывая свое содержаніе, въ немъ высказываетъ свой *судъ надъ жизнью и ученіемъ Христа* и одновременно обосновываетъ необходимость своего появленія на землѣ. Анализируя природу человѣка и сопоставляя ее съ ученіемъ Христа, престарѣлый инквизиторъ. раскрывающій идею своей Церкви, находитъ несоотвѣтствіе между первою и вторымъ. Дары, принесенные Христомъ на землю, слишкомъ *высоки* и *не могутъ быть вмѣщены человѣкомъ*; а поэтому человѣкъ и не въ силахъ принять ихъ, т.-е. какъ уразумѣть слово Христа, такъ и привести въ исполненіе Его завѣты. Отъ этого несоотвѣтствія требованій и способностей, идеала и дѣйствительности, человѣкъ долженъ оставаться вѣчно несчастнымъ: только немногіе, сильные духомъ, могли и могутъ спасаться, слѣдуя Христу и понимая тайну искупленія. Такимъ образомъ, Христосъ, отнесшись къ человѣку съ столь высокимъ уваженіемъ, поступилъ *„какъ бы вовсе не любя его“*. Онъ не разсчиталъ его природы и совершилъ нѣчто великое и святое, но вмѣстѣ *невозможное, неосуществимое*. Католицизмъ и есть *поправка къ Его дѣлу*, есть пониженіе небеснаго ученія *до земного пониманія*, приспособленіе божескаго *къ человѣческому*. Но, совершивъ это, онъ скрылъ тайну измѣненія въ себѣ; народы же, слѣдуя ему, думаютъ, что слѣ-

---

[1]) Едва ли не первый очеркъ этой идеи находится въ „Идіотѣ“ (1868 г.), стр. 537—538 (изд. 1882 г.) и очень часто къ ней возвращается Достоевскій въ „Дневникѣ Писателя“ (напр., за 1877 г., май—іюнь, гл. III). См *Приложенія*.

дуютъ Христу. Выносить эту тайну обмана, одна сторона котораго обращена къ Богу, другая къ человѣчеству, стоитъ глубокаго страданія; и его приняли на себя немногіе, руководящіе Западною Церковью, ради избавленія отъ страданія всего остальнаго человѣчества и ради устроенія земныхъ его судебъ. Такимъ образомъ и здѣсь любовь къ человѣку есть движущее начало всей діалектики, а ея орудіемъ является анализъ его природы.

Общій же смыслъ всего этого заключается въ томъ, что самаго *акта искупленія не было*: была лишь *ошибка*; и религіи, какъ хранительницы религіозныхъ тайнъ—*ничто*. а есть лишь иллюзія, которою необходимо человѣку *быть обманутымъ*, чтобы хоть какъ-нибудь устроиться на землѣ.

И, какъ окончательный выводъ изъ всей діалектики—отсутствіе въ дѣйствительности религіи и абсолютная невозможность ея за отсутствіемъ внѣшняго для нея основанія: мистическихъ актовъ грѣхопаденія, искупленія и вѣчнаго суда.

Переходимъ теперь къ детальному обозрѣнію этой мысли, которой только тему мы изложили. На восклицаніе Алеши: „Это бунтъ“, Иванъ отвѣчаетъ проникновенно:

„—Бунтъ? Я бы не хотѣлъ отъ тебя такого слова. *Можно-ли жить бунтомъ, а я хочу жить*. Скажи мнѣ самъ прямо, я зову тебя,—отвѣчай: представь, что это ты самъ возводишь [1]) зданіе судьбы человѣческой съ

---

[1]) Въ „Пушкинской рѣчи“ („Дневникъ Писателя“, 1880) Достоевскій, разбирая характеръ Татьяны и отказъ ея, ради удовлетворенія своего чувства любви, оскорбить старика-мужа, спрашиваетъ и *уже отъ себя лично*: „Развѣ можетъ человѣкъ основать свое счастье на несчастьи другого? Счастье... въ высшей гармоніи духа. Чѣмъ успокоить его, если позади стоитъ несчастный, безжалостный, безчеловѣчный поступокъ... *Позвольте, представьте, что*

цѣлью въ финалѣ осчастливить людей, дать имъ, наконецъ, миръ и покой: но для этого необходимо и неминуемо предстояло бы замучить всего лишь только крохотное созданьице, вотъ того самаго ребеночка, бившаго себя кулачкомъ въ грудь, и на неотмщенныхъ слезкахъ его основать это зданіе, согласился-ли бы ты быть архитекторомъ на этихъ условіяхъ, скажи и не лги!

„—Нѣтъ, не согласился бы. тихо проговорилъ Алеша.

„—И можешь-ли ты допустить идею, что *люди, для которыхъ ты строишь, согласились бы сами принять свое счастіе на неоправданной крови маленькаго замученнаго, а принявъ—остаться навѣки счастливыми?*“

Вотъ къ какой великой и благородной чертѣ человѣческой совѣсти, которая одна возноситъ ея обладателя надъ безжалостною природой къ милосердному Богу, сведенъ вопросъ о возстаніи противъ самаго Бога. Нельзя колебаться въ отвѣтѣ: если человѣчество скажетъ: „да, могу принять“, то оно тотчасъ же и перестанетъ быть человѣчествомъ, „образомъ и подобіемъ Божіемъ“, и обратится въ собраніе звѣрей; отвѣтъ же отрицательный утверждаетъ и оправдываетъ отказъ отъ вѣчной гармоніи,—и тѣмъ все обращаетъ въ хаосъ...

Алеша въ смятеніи; онъ отвергаетъ возможность принять міровую гармонію на этомъ условіи, и вдругъ проговорилъ, засверкавъ глазами: „Братъ, ты сказалъ сейчасъ: есть-ли во всемъ мірѣ Существо, которое могло

вы сами возводите зданіе судьбы человѣческой съ цѣлью въ финалѣ осчастливить людей, дать имъ, наконецъ, миръ и покой. И вотъ, представьте себѣ тоже, что для этого необходимо и неминуемо надо замучить всего только лишь одно человѣческое существо... Согласитесь-ли вы быть архитекторомъ такого зданія на этомъ условіи?“ (т. XII, стр. 424). Изъ этого сопоставленія очевидно, что все, что говоритъ Иванъ Карамазовъ—говоритъ самъ Достоевскій.

бы и имѣло право простить? Но Существо это есть, и Оно можетъ все простить, всѣхъ и вся *и за все*, потому что Само отдало неповинную кровь свою за всѣхъ и за все. Ты забылъ о Немъ, а *на Немъ-то и созиждется зданіе* и это Ему воскликнутъ: *Правъ ты, Господи, ибо открылись пути Твои.*

— „А, это *Единый безгрѣшный* и Его кровь", говоритъ Иванъ, и, вмѣсто отвѣта, предлагаетъ брату разсказать одну легенду, которая вырисовалась въ его умѣ при размышленіи обо всѣхъ этихъ вопросахъ. Алеша приготовлялся слушать и Иванъ начинаетъ.

XI

Сцена переносится въ далекую страну, на крайній западъ, вѣка раздвигаются и открывается XVI-е столѣтіе, эпоха смѣшенія и борьбы различныхъ элементовъ европейской цивилизаціи: первыхъ путешествій въ новооткрытую Америку и религіозныхъ войнъ, Лютера и Лойолы, шумливыхъ гуманистовъ и первыхъ генераловъ ордена іезуитовъ. Шумъ и смятеніе этой борьбы происходятъ, однако, въ центрѣ материка; тамъ же, за Пиренеями, въ Испаніи, только видятъ далекую борьбу, крѣпче замыкаются въ себѣ и остаются неподвижны. Еще дальше, въ темной глуби временъ, виднѣется бѣдная обожженная солнцемъ страна, гдѣ совершилась великая тайна искупленія, была пролита на землю кровь за грѣхи этой земли, для спасенія страждущаго человѣчества. Пятнадцать вѣковъ уже прошло, какъ тайна совершилась; погибла чудовищная имперія, и на ея остовѣ возникъ міръ иныхъ и свѣжихъ народовъ и государствъ, которые просвѣтились новою вѣрою, укрѣпились искупляющею кровью своего Бога и Спасителя.

Съ неугасимою жаждою и надеждою они ждутъ Его, ждутъ исполненія обѣтованія, которое оставилъ Его ученикъ: „Се, гряду скоро“ [1]), и о времени котораго Онъ самъ изрекъ на землѣ: „о днѣ же семъ и часѣ не знаетъ даже и Сынъ, но токмо Отецъ мой небесный“. Даже съ бо̀льшею еще вѣрою ждутъ Его, ибо „пятнадцать вѣковъ уже минуло съ тѣхъ поръ, какъ прекратились залоги съ небесъ человѣку:

„Вѣрь тому, что сердце скажетъ,
„Нѣтъ залоговъ отъ небесъ“ ..

и только безграничное упованіе въ святыню слова поддерживаетъ человѣка. „Но дьяволъ не дремлетъ, и въ человѣчествѣ началось уже сомнѣніе. Какъ разъ явилась тогда на сѣверѣ, въ Германіи, страшная новая ересь. Огромная звѣзда, подобная свѣтильнику [2]), пала на источники водъ, и стали они горьки“. Но тѣмъ паче менѣе вѣрятъ оставшіеся вѣрными. Слезы человѣчества восходятъ къ Нему; попрежнему ждутъ Его, любятъ Его, надѣются на Него, жаждутъ пострадать и умереть за Него, какъ и прежде. И „вотъ столько вѣковъ молило человѣчество съ вѣрой и пламенемъ: *бо, Господи, явися намъ!* столько вѣковъ взывало къ Нему, что Онъ, въ неизмѣримомъ состраданіи своемъ, возжелалъ снизойти къ молящимъ“.

---

[1]) Апокалипсисъ, XXI, 12: „Се гряду скоро, и возмездіе Мое со мною, чтобы воздать каждому по дѣломъ его“.

[2]) „Т. е. церкви“, замѣчаетъ Достоевскій. Образъ звѣзды, падающей съ неба, взятъ изъ Апокалипсиса, VIII, 10—11, какъ и нѣкоторыя дальнѣйшія сравненія, которыми изображается судьба Христіанской Церкви на землѣ. Въ настоящемъ мѣстѣ высказывается взглядъ на реформацію, какъ на *подобіе* Церкви, которое увлекаетъ людей своимъ кажущимся сходствомъ съ нею, и черезъ это отвлекаетъ ихъ отъ Церкви истинной; „источники водъ“—здѣсь „чистота вѣры“, заражаемой „подобіемъ“ Церкви.

Сцена сдвигается и разсказъ сосредоточивается. Открывается Севилья, на знойныя улицы которой спускается тихій вечеръ. Толпы народа расходятся туда и сюда; вдругъ появляется *Онъ*,—„тихо, незамѣтно, въ томъ самомъ образѣ человѣческомъ, въ которомъ ходилъ 33 года между людьми пятнадцать вѣковъ назадъ“. По виду, по внѣшности, Онъ ничѣмъ не отличается отъ остальныхъ,—но, странное дѣло, „всѣ узнаютъ Его. Народъ непобѣдимою силой стремится къ Нему, окружаетъ Его, наростаетъ кругомъ Него, слѣдуетъ за Нимъ. Онъ молча проходитъ среди нихъ съ тихою улыбкой безконечнаго состраданія. Солнце любви горитъ въ Его сердцѣ, лучи Свѣта, Просвѣщенія и Силы текутъ изъ очей Его и, изливаясь на людей, сотрясаютъ ихъ сердца отвѣтною любовью. Онъ простираетъ къ нимъ руки, благословляетъ ихъ, и отъ прикосновенія къ Нему, даже лишь къ одеждамъ Его, исходитъ цѣлящая сила. Вотъ изъ толпы восклицаетъ старикъ, слѣпой съ дѣтскихъ лѣтъ: „*Господи, исцѣли меня, да и я Тебя узрю*“,—и вотъ какъ бы чешуя сходитъ съ глазъ его, и слѣпой Его видитъ. Народъ плачетъ и цѣлуетъ землю, по которой идетъ Онъ. Дѣти бросаютъ передъ Нимъ цвѣты, поютъ и вопіютъ Ему: „Осанна!“—„*Это Онъ, это самъ Онъ*“, повторяютъ всѣ, „*это долженъ быть Онъ! это никто какъ Онъ!*“. Онъ останавливается на паперти Севильскаго собора въ ту самую минуту, когда во храмъ выносятъ съ плачемъ дѣтскій открытый бѣлый гробикъ: въ немъ семилѣтняя дѣвочка, единственная дочь одного знатнаго гражданина. Мертвый ребенокъ лежитъ весь въ цвѣтахъ. „*Онъ воскреситъ твое дитя*“, кричатъ изъ толпы плачущей матери. Вышедшій на встрѣчу гроба соборный патеръ смотритъ въ недоумѣніи и хмуритъ брови. Но вотъ раздается вопль матери умершаго ре-

бенка, она повергается къ ногамъ Его: „*если это Ты, то воскреси дитя мое*!“ восклицаетъ она, простирая къ Нему руки. Процессія останавливается, гробикъ опускаютъ къ ногамъ Его, Онъ глядитъ съ состраданіемъ, и уста Его тихо еще разъ произносятъ: „*Талифа куми*“— „и возста дѣвица“. Дѣвочка подымается въ гробѣ, садится и смотритъ [1]), улыбаясь, удивленными, раскрытыми

---

[1]) Поразительна жизненность, влитая Достоевскимъ въ эту удивительную картину: мы какъ будто не читаемъ строки, но передъ нами проходитъ видѣніе—вторичнаго появленія, и уже почти въ наше время, Христа среди народа. Въ біографіи Д—го есть нѣкоторыя мѣста, которыя до извѣстной степени могутъ объяснить эту странную, непостижимую жизненность фантастической, сверхъестественной сцены. „Однажды, разсказывается тамъ,—Достоевскій находился въ обществѣ людей, чуждыхъ и даже враждебныхъ ко всякой религіи Неожиданно среди говорящихъ кто-то упомянулъ объ І. Христѣ, и сдѣлалъ это безъ достаточнаго уваженія Достоевскій вдругъ страшно поблѣднѣлъ и на глазахъ его показались слезы. Это было еще въ дни его молодости и, очевидно, уже тогда онъ проникновенно вдумывается въ Его образъ“. Затѣмъ, во время его ссылки, *Евангеліе* было единственною книгою, которую онъ могъ читать, и, постоянно перечитывая евангельскіе разсказы, очевидно онъ вжился въ нихъ до ясности ощущенія всего того, о чемъ тамъ передается... Наконецъ, воскресеніе дѣвочки, описываемое такъ, что мы какъ будто видимъ совершеніе самаго факта, также имѣетъ біографическое объясненіе. Вотъ что читаемъ мы въ его жизнеописаніи (см. „Біографія и письма“, отд. I, стр 296): „рожденіе дочери (22 февраля 1862 г.) было большимъ счастьемъ для обоихъ супруговъ и очень оживило Ѳедора Михайловича. Всѣ свободныя минуты онъ проводилъ у ея колясочки и радовался каждому ея движенію. Но это продолжалось менѣе трехъ мѣсяцевъ. Смерть ея была страшнымъ неожиданнымъ ударомъ. Ѳедоръ Михайловичъ всю жизнь не могъ забыть свою первую дѣвочку и всегда вспоминалъ о ней съ сердечною болью. Въ одну изъ своихъ поѣздокъ въ Эмсъ, онъ нарочно съѣздилъ въ Женеву, чтобы побывать на ея могилѣ“. Безъ сомнѣнія, онъ живо представлялъ, когда писалъ приведенную выше сцену, свое

глазками кругомъ. Въ рукахъ ея букетъ бѣлыхъ розъ, съ которымъ она лежала въ гробу. Въ народѣ смятеніе, крики, рыданія".

Въ это самое время проходитъ мимо собора девяностолѣтній старикъ, съ исхудалымъ лицомъ, въ грубой волосяной рясѣ, кардиналъ Римской церкви и вмѣстѣ Великій Инквизиторъ страны. Онъ останавливается, издали наблюдаетъ все происходящее, и взглядъ его омрачается. Крики народа доносятся до него, онъ слышитъ рыданія стариковъ и „осанна" изъ дѣтскихъ устъ, видитъ подымающагося изъ гроба ребенка; и вотъ, обертываясь, онъ подзываетъ жестомъ священную стражу и указываетъ ей на Виновника смятенія и торжества. И народъ, „уже пріученный, покорный и трепетный", раздвигается; воины подходятъ къ Нему, берутъ Его и уводятъ. Толпа склоняется до земли передъ сумрачнымъ старикомъ, онъ благословляетъ народъ и проходитъ далѣе. Плѣнникъ приводится въ темное подземелье Святого Судилища и запирается тамъ.

Вечеръ кончается и настаетъ „тихая и бездыханная" южная ночь. Воздухъ горячъ еще и сильнѣе наполненъ ароматомъ цвѣтущаго лавра и лимона. Среди тишины вдругъ заскрипѣли ржавыя петли тюремной двери, она отворяется и въ подземелье входитъ старикъ-Инквизиторъ. Дверь запирается за нимъ тотчасъ, и онъ остается наединѣ со своимъ Плѣнникомъ. Долго онъ всматривается въ Его лицо, ставитъ тусклый свѣтильникъ на столъ, подходитъ ближе и шепчетъ:

— „Это Ты? Ты?" Но, не получая отвѣта, быстро прибавляетъ: „не отвѣчай, молчи. Да и что бы Ты могъ

чувство, если бы любимая дѣвочка какимъ-нибудь чудомъ вдругъ поднялась изъ гроба.

сказать? Я слишкомъ знаю, что̀ Ты скажешь. Да Ты и права не имѣешь ничего прибавить къ тому, что̀ уже сказано Тобою прежде. *Зачѣмъ же Ты пришелъ намъ мѣшать*? Ибо Ты пришелъ намъ мѣшать, и Самъ это знаешь. Но знаешь-ли, что будетъ завтра? Я не знаю, кто Ты, и знать не хочу: Ты-ли это, или только подобіе Его, но завтра же я осужу и сожгу Тебя на кострѣ, какъ злѣйшаго изъ еретиковъ, и тотъ самый народъ, который сегодня цѣловалъ Твои ноги, завтра же, по одному моему мановенію, бросится подгребать къ Твоему костру угли,—знаешь Ты это? Да, Ты, можетъ быть, это знаешь“, прибавилъ онъ въ проникновенномъ раздумьи, ни на мгновеніе не отрываясь взглядомъ отъ своего Плѣнника.

Въ этихъ напряженныхъ, порывистыхъ словахъ уже взяты всѣ варіаціи послѣдующей діалектики: признаніе Божественнаго сохранено до ясности ощущенія Его, до созерцанія; и ненависть къ Нему простирается до угрозы—завтра же истребить Его, сжечь и растоптать. Это—величайшее въ исторіи соединеніе и одновременно разъединеніе человѣческой души съ ея Предвѣчнымъ Источникомъ. Вдали, какъ въ перспективѣ, показывается какое-то странное отношеніе къ народу, къ милліонамъ пасомыхъ душъ: въ этомъ отношеніи есть несомнѣнно тревожная забота, т.-е. уже *любовь*, и вмѣстѣ *презрѣніе*, и какой-то *обманъ*, что-то скрытое. Въ молчаніи Плѣнника и въ словахъ: „да, Ты, можетъ быть, *это* знаешь“—скользитъ кощунственная мысль, что для самого Спасителя открывающаяся сцена обнаруживаетъ что-то новое и неожиданное, какую-то великую тайну, которой Онъ не зналъ ранѣе и начинаетъ понимать только теперь. И тайну эту хочетъ Ему высказать человѣкъ: „дрожащая тварь“ чувствуетъ въ себѣ такую

силу убѣжденія, вынесеннаго изъ всей своей судьбы, что не боится встать съ нимъ и за него передъ своимъ Творцомъ и Богомъ.

Во всемъ дальнѣйшемъ исповѣданіи, которое высказываетъ старикъ, раскрывается движущая идея Римской Церкви; но очень трудно отрѣшиться отъ мысли, что эта идея есть вмѣстѣ и исповѣданіе всего человѣчества, самое мудрое и проникновенное сознаніе имъ судебъ своихъ, и притомъ какъ минувшихъ, такъ, и это главнымъ образомъ, будущихъ. Западная Церковь, конечно, есть только романское пониманіе христіанства, какъ Православіе—греко-славянское его пониманіе, и протестантизмъ—германское. Но дѣло въ томъ, что изъ этихъ трехъ вѣтвей, на которыя распалась всемірная Церковь, только первая возросла во всю величину своихъ силъ; другія же двѣ лишь возростаютъ. Католицизмъ законченъ, завершенъ въ своемъ внутреннемъ сложеніи, онъ отчетливо созналъ свой смыслъ и непреодолимо до нашего времени стремится провести его въ жизнь, подчинить ему исторію; напротивъ, другія двѣ Церкви чужды столь яснаго о себѣ сознанія [1]). Вотъ почему, повто-

[1]) Протестантизмъ, открывъ свободу для индивидуальнаго пониманія христіанства, не только въ настоящемъ не представляетъ чего-либо завершеннаго, окончательнаго, но и въ будущемъ, очевидно, никогда не получитъ подобнаго завершенія. Что касается до Православія, то до сихъ поръ оно находилось въ столь тяжкихъ историческихъ условіяхъ, такъ извнѣ стѣснено было то варварствомъ (монгольское иго), то магометанствомъ (турецкое иго), то, наконецъ, самимъ католицизмомъ, что отстоять бытіе свое и какъ-нибудь выполнить все нужное для душевнаго спасенія среди обдѣленныхъ и приниженныхъ народностей—составило пока весь его историческій трудъ; о томъ же, чтобы возвести свое скрытое внутреннее содержаніе къ свѣту яснаго сознанія,—оно еще не имѣло средствъ озаботиться. Попытки славянофиловъ (какъ Хомякова, Ю. Самарина) и самого Достоевскаго выяснить особен-

ряемъ, невозможно удержаться отъ того, чтобы не обобщить до крайней степени, до объема всего человѣчества и всей исторіи, странное признаніе Инквизитора, высказываемое наединѣ Христу.

Онъ начинаетъ съ утвержденія, что все завѣщанное Христомъ ученіе, какъ оно сохранено Провидѣніемъ, есть нѣчто вѣчное и неподвижное, и какъ изъять изъ него ничего нельзя, такъ нельзя и ничего къ нему надбавить. Оно вошло уже, какъ камень во главу угла, въ воздвигнувшуюся часть всемірной исторіи, и было бы поздно теперь что-нибудь поправлять, уяснять или ограничивать въ немъ: это пошатнуло бы пятнадцать вѣковъ зиждительной работы. И это не только по отношенію къ человѣчеству, которое не можетъ же постоянно перестраиваться, но и въ отношеніи Бога — чѣмъ было бы новое Откровеніе, *дополненіе* къ сказанному, какъ не сознаніе *недостаточности* сказаннаго уже, и кѣмъ же? сказаннаго самимъ Богомъ! Наконецъ, и это самое главное, подобное дополненіе было бы нарушеніемъ человѣческой свободы: Христосъ оставилъ человѣчеству образъ Свой, которому оно могло бы слѣдовать свободнымъ сердцемъ, какъ идеалу, соотвѣтствующему его (скрыто божественной) природѣ, отвѣчающему его смутнымъ влеченіямъ. Слѣдованіе это должно быть свободно, въ этомъ именно состоитъ его нравственное достоинство. Между тѣмъ, всякое новое откровеніе съ неба явилось бы какъ *чудо* и внесло бы въ исторію *принужденіе*, отняло бы у людей свободу выбора и съ нимъ нравственную заслугу. Поэтому, смотря на Христа и думая о второмъ обѣщанномъ при-

---

ность и идею Православія въ исторіи объясняются этимъ его состояніемъ и были бы невозможны при другомъ положеніи дѣла:

шествіи Его на Землю, Инквизиторъ говоритъ: „Теперь Ты не приходи хоть вовсе“... „не приходи до времени, по крайней мѣрѣ“, поправляется онъ, думая о незавершенности пока своего дѣла на землѣ.

Онъ все время странно задумчивъ; передъ ликомъ Спасителя, контрастъ между великими завѣтами Его и дѣйствительностью представляется ему особенно яркимъ и вызываетъ въ немъ грустную иронію. Онъ припоминаетъ Христа, какъ часто, пятнадцать вѣковъ назадъ, онъ говорилъ людямъ: „хочу сдѣлать васъ *свободными*“, и добавляетъ: „вотъ, Ты теперь увидѣлъ этихъ свободныхъ людей“. Иронія замѣчанія этого относится не только къ тѣмъ, кого хотѣлъ возвысить Христосъ своимъ ученіемъ, но и къ Нему самому: „Это дѣло“, продолжаетъ онъ, „намъ дорого стоило, но мы докончили его—во имя Твое. Пятнадцать вѣковъ мучились мы съ этою свободой, но теперь это кончено, и кончено крѣпко“.

Здѣсь говорится про начало авторитета, которое всегда и глубоко проникало Римскую Церковь и было причиною гораздо большей ея нетерпимости ко всякимъ отступленіямъ отъ догмы, нежели какая была присуща другимъ Церквамъ. Въ XVI вѣкѣ, къ которому относится описываемая сцена, необходимость авторитета и неразсуждающаго подчиненія была особенно сильно сознана Римомъ въ виду угрожающаго движенія реформаціи, нарушившей тысячелѣтнее духовное единство западной Европы. Явленія, въ которыхъ оно выразилось, были: введеніе инквизиціи и цензуры книгъ; проводниками этой идеи выступили: Тридентскій соборъ и орденъ іезуитовъ съ его ученіемъ о безусловномъ подчиненіи [1])

[1]) „Будь въ рукѣ старшаго тебя покоренъ, какъ посохъ въ рукѣ странника“, и пр.

старшимъ, о совершенномъ подавленіи индивидуальной воли [1]). Но, какъ и повсюду въ разсматриваемой „Легендѣ“, указаніе на основную черту католицизма сдѣлано потому только, что она отвѣтила собою на нѣкоторую вѣковѣчную нужду человѣчества, и, слѣдовательно, выразила въ себѣ вѣчную же необходимую особенность его исторіи. Это становится ясно изъ дальнѣйшихъ объясненій Инквизитора; онъ говоритъ:

„Только теперь, когда мы побороли свободу, стало возможнымъ помыслить въ первый разъ *о счастіи людей.* Человѣкъ былъ устроенъ бунтовщикомъ; развѣ бунтовщики могутъ быть счастливыми?“—спрашиваетъ онъ.

Христосъ принесъ на землю *истину*; Инквизиторъ же говоритъ, что земная жизнь человѣка управляется закономъ *страданія*, вѣчнаго убѣганія отъ него, или, когда это невозможно—вѣчнаго слѣдованія по пути наименьшаго страданія. Между истиною, которая безотносительна и присуща только абсолютному Богу, и между этимъ закономъ страданія, которому подчиненъ человѣкъ вслѣдствіе относительности своей природы, лежитъ непереступаемая бездна. Пусть, кто можетъ, влечетъ человѣка по пути первой; онъ будетъ слѣдовать всегда по пути второго. Это именно и высказываетъ Инквизиторъ: не отрицая высоты принесенной Спасителемъ истины, онъ отрицаетъ только соотвѣтствіе этой истины съ природою человѣка и, съ тѣмъ вмѣстѣ, отрицаетъ возможность слѣдованія его за ней. Другими словами, онъ отвергаетъ, какъ невозможное, построеніе земныхъ судебъ человѣка на завѣтахъ Спасителя и, слѣдовательно, утверждаетъ необходимость построенія ихъ на какихъ-то *иныхъ* началахъ.

---

[1]) „Cadaver esto“, т.-е. будь безличенъ, инертенъ какъ трупъ.

Къ нимъ онъ тотчасъ и переходитъ. Но прежде чѣмъ обратиться къ ихъ разсмотрѣнію, отмѣтимъ фактъ коренного измѣненія въ воззрѣніи Достоевскаго на человѣческую свободу, которое произошло у него со времени „Записокъ изъ подполья“. Тамъ, также какъ и здѣсь, свободная воля человѣка выставляется какъ главное препятствіе къ окончательному устроенію человѣческихъ судебъ на землѣ; но, въ силу этого, отрицается только необходимость и возможность подобнаго устроенія, а сама свобода оставляется человѣку, какъ его драгоцѣннѣйшая черта. Во взглядѣ на эту свободу тамъ есть что-то одобрительное, и въ этой одобрительности слышенъ бодрый тонъ еще не усталаго человѣка. Достоевскій съ видимымъ удовольствіемъ рисуетъ себѣ картину, какъ въ моментъ всеобщаго благополучія, наконецъ достигнутаго, вдругъ явится человѣкъ „съ ретроградною и насмѣшливою физіономіей“, который скажетъ своимъ счастливымъ и только нѣсколько скучающимъ братьямъ: „а что, не столкнуть-ли намъ все это благоразуміе съ одного разу, ногой, прахомъ,—единственно съ тою цѣлью, чтобы всѣ эти логариѳмы отправились къ чорту и чтобъ намъ опять на своей глупой волѣ пожить“ [1]). Съ тѣхъ поръ многое въ воззрѣніяхъ Достоевскаго измѣнилось, нѣтъ прежней бодрости въ его тонѣ, и также нѣтъ болѣе насмѣшливости и шутокъ. Сколько страданія за человѣка выносилъ онъ въ себѣ и сколько ненависти къ человѣку—объ этомъ свидѣтельствуетъ весь рядъ его послѣдующихъ произведеній, и между ними „Пре-

---

[1]) „Записки изъ подполья“, отд. I, гл. IX. См. также гл. X, о предпочтительности временнаго „курятника“ въ общественно-историческомъ строѣ, именно потому, что онъ не окончателенъ и не убиваетъ навсегда свободу, передъ „хрустальнымъ зданіемъ“, которое ненавистно именно своею неразрушимостью.

ступленіе и Наказаніе“, съ его безотвѣтными мучениками, съ его безсмысленными мучителями. Усталость и скорбь смѣнили въ немъ прежнюю увѣренность, и жажда успокоенія сказывается всего сильнѣе въ „Легендѣ“. Высокіе дары свободы, истины, нравственнаго подвига—все это отстраняется, какъ тягостное, какъ излишнее для человѣка; и зовется одно: *какое-нибудь* счастье, *какой-нибудь* отдыхъ для „жалкаго бунтовщика“ и все-таки измученнаго, все-таки болящаго существа, состраданіе къ которому заглушаетъ все остальное въ его сердцѣ, всякій порывъ къ божескому и высокочеловѣческому. „Легенду объ Инквизиторѣ“ до извѣстной степени можно разсматривать какъ идею окончательнаго устроенія судебъ человѣка, что̀ безусловно было отвергнуто въ „Запискахъ изъ подполья“; но съ тою разницею, что тогда какъ тамъ говорилось объ устроеніи *раціональномъ*, основанномъ на тонкомъ и детальномъ изученіи законовъ физической природы и общественныхъ отношеній, здѣсь говорится объ устроеніи *религіозномъ*, исходящемъ изъ глубочайшаго проникновенія въ *психическій строй человѣка*.

„— Тебя предупреждали“, говоритъ Инквизиторъ Христу—„Ты не имѣлъ недостатка въ предупрежденіяхъ и указаніяхъ, но Ты не послушалъ ихъ и отвергъ единственный путь, которымъ можно было устроить людей счастливыми“. И затѣмъ онъ высказываетъ свою идею, слѣдя за которою серьезно, невозможно не ощутить нѣкотораго ужаса, который тѣмъ сильнѣе возрастаетъ, чѣмъ яснѣе чувствуешь ея неотразимость. Нити всемірной исторіи, какъ она совершилась уже, будущія судьбы человѣка, какъ ихъ можно предугадывать, мистическій полусвѣтъ и непостижимое соединеніе неутолимой жажды вѣры съ отчаяніемъ въ бытіи для нея какого-либо объ-

екта, все это сплелось здѣсь удивительнымъ способомъ и въ цѣломъ своемъ образовало слово, которое мы не можемъ не принять какъ самое глубокое, самое проникновенное и мудрое, что—съ одной возможной для человѣка точки зрѣнія—было когда-нибудь имъ о себѣ подумано.

XII

„— Страшный и умный Духъ, Духъ самоуничтоженія и небытія“, такъ начинаетъ Инквизиторъ,—„Великій Духъ говорилъ съ Тобою въ пустынѣ, и намъ передано въ книгахъ, что онъ будто бы *искушалъ* Тебя... Такъ-ли это? И можно-ли было сказать хоть что-нибудь истиннѣе того, что онъ возвѣстилъ Тебѣ въ трехъ вопросахъ, и что Ты отвергъ, и что въ книгахъ названо *искушеніями*? А, между тѣмъ, если было когда-нибудь на землѣ совершено настоящее, громовое чудо, то это въ тотъ день, въ день этихъ трехъ искушеній. Именно въ появленіи этихъ трехъ вопросовъ и заключалось чудо. Если бы возможно было помыслить, лишь для пробы и для примѣра, что три эти вопроса Страшнаго Духа безслѣдно утрачены въ книгахъ и что ихъ надо возстановить, вновь придумать и сочинить, чтобы внести опять въ книги, и для этого собрать всѣхъ мудрецовъ земныхъ—правителей, первосвященниковъ, ученыхъ, поэтовъ—и задать имъ задачу: придумайте, сочините три вопроса, но такіе, которые мало того, что соотвѣтствовали бы размѣру событія [1]), но и выражали бы, сверхъ того, въ трехъ словахъ, въ трехъ только фразахъ человѣческихъ *всю бу-*

---

[1]) Какая яркость въ ощущеніи его дѣйствительности; мы отмѣчаемъ этотъ тонъ, потому что, варьируя, онъ измѣняется въ разныхъ мѣстахъ „Легенды“ до совершенной ясности ощущенія, что „событія“ никогда не было.

дущую исторію міра и человѣчества —то думаешь-ли Ты, что вся премудрость земли, вмѣстѣ соединившаяся, могла бы придумать хоть что-нибудь подобное по силѣ и по глубинѣ тѣмъ тремъ вопросамъ, которые дѣйствительно были предложены Тебѣ тогда могучимъ и умнымъ Духомъ въ пустынѣ? Ужъ по однимъ вопросамъ этимъ, лишь по чуду ихъ появленія, можно понимать, что имѣешь дѣло не съ человѣческимъ текущимъ умомъ, но съ вѣковѣчнымъ и абсолютнымъ. Ибо въ этихъ трехъ вопросахъ какъ бы совокуплена въ одно цѣлое и предсказана вся дальнѣйшая исторія человѣческая,—и явлены три образа, въ которыхъ сойдутся всѣ неразрѣшимыя историческія противорѣчія человѣческой природы на всей землѣ Тогда это не могло быть еще такъ видно, ибо будущее было невѣдомо; но теперь, когда прошло пятнадцать вѣковъ,—мы видимъ, что все въ этихъ трехъ вопросахъ до того угадано и предсказано, и до того оправдалось, что прибавить къ нимъ или убавить отъ нихъ ничего нельзя болѣе“.

Пятнадцать вѣковъ минувшей исторіи здѣсь названы потому только, что самый разговоръ Инквизитора съ Христомъ представляется происходящимъ въ XVI-мъ столѣтіи; но онъ писался въ XIX в., и, если бы возможно было сдѣлать это безъ грубаго нарушенія правдоподобія, Инквизитору слѣдовало бы согласиться на всѣ девятнадцать вѣковъ: все, о чемъ онъ говоритъ далѣе и на что̀ указалъ словами — „это не могло быть видно тогда“—обнаружилось окончательно только въ наше, текущее столѣтіе, и никакихъ даже предвѣстниковъ этого не было еще въ эпоху, когда происходила описываемая сцена. Какъ это ни странно, перенесеніе историческихъ противорѣчій, раскрывшихся въ XIX вѣкѣ, въ бесѣду, происходящую въ XVI вѣкѣ, не производитъ никакого

дурного впечатлѣнія и даже не замѣчается: въ разбираемой „Легендѣ“ все временное до того отходитъ на задній планъ и выступаютъ впередъ черты только глубокаго и вѣчнаго въ человѣкѣ, что смѣшеніе въ ней прошлаго, будущаго и настоящаго, какъ бы совмѣщеніе всего историческаго времени въ одномъ моментѣ, не только не является чѣмъ-то чудовищнымъ, но, напротивъ, совершенно умѣстно и кажется необходимымъ. Уже въ приведенныхъ словахъ Инквизитора мы чувствуемъ, что онъ какъ будто самъ забываетъ, что обращаетъ свою рѣчь къ другому: она звучитъ, какъ *монологъ*, какъ *исповѣдь вѣры* 90-лѣтняго старика, и чѣмъ далѣе она развивается, тѣмъ яснѣе выступаетъ изъ-за его „высокой и прямой фигуры“ небольшая и истощенная фигурка человѣка XIX вѣка, выносившая въ душѣ своей гораздо болѣе, нежели могъ выносить старикъ, хотя бы и „вкушавшій акриды и медъ въ пустынѣ“ и сожигавшій потомъ еретиковъ сотнями „ad majorem gloriam Dei“.

Инквизиторъ съ точки зрѣнія трехъ искушеній, какъ бы образно представившихъ будущія судьбы человѣка, начинаетъ говорить объ этихъ судьбахъ, анализируя смыслъ самыхъ искушеній. Такимъ образомъ, вскрытіе смысла исторіи и какъ бы измѣреніе нравственныхъ силъ человѣка дѣлается здѣсь въ видѣ обширнаго толкованія на краткій текстъ Евангелія. Вотъ какъ записано о самомъ искушеніи и первомъ „вопросѣ Духа“ у Евангелиста Матѳея: „Тогда Іисусъ возведенъ былъ духомъ въ пустыню искуситься отъ Діавола. И постился дней сорокъ и ночей сорокъ, но на послѣдокъ взалкалъ. И приступилъ къ Нему Искуситель, и сказалъ: *Если ты Сынъ Божій, то скажи, чтобы камни эти стали хлѣбами.* Онъ же, отвѣчая, сказалъ ему: *Написано: не хлѣбомъ однимъ*

живъ будетъ человѣкъ, но всякимъ словомъ, исходящимъ изъ устъ Божіихъ“ (IV, 1—3).

„—Рѣши же Самъ“, говоритъ Инквизиторъ, — „кто былъ правъ, Ты или тотъ, который тогда вопрошалъ Тебя? Вспомни первый вопросъ; хотъ и не буквально [1]), но смыслъ его тотъ: „Ты хочешь идти въ міръ и идешь съ голыми руками, съ какимъ-то обѣтомъ свободы, котораго они, *въ простотѣ своей и въ прирожденномъ безчинствѣ своемъ*, не могутъ и осмыслить, котораго боятся они и страшатся, — ибо никогда и ничего не было для человѣка и для человѣческаго общества невыносимѣе свободы! [2]) А видишь-ли сіи камни въ этой нагой и раскаленной пустынѣ? *Обрати ихъ въ хлѣбы, и за Тобой*

---

[1]) Дѣйствительно, очень замѣчательно, что вѣдь Духъ искушалъ Богочеловѣка *не* когда-нибудь *посреди* его служенія на спасеніе рода человѣческаго, но *передъ вступленіемъ на это служеніе* и, слѣдовательно, онъ, древній борецъ съ Богомъ и врагъ рода человѣческаго, какъ бы соблазнялъ его *на другіе возможные способы спасенія*, указывалъ *иные пути для этого*, чѣмъ ученіе Его божественное и крестная смерть. Искушенія относились именно къ *цѣлому* служенію Іисуса Христа, и поэтому *хлѣбы, чудо* и *власть*, Искусителемъ предложенныя, суть дѣйствительно *три модуса иного*, не небеснаго, не божественнаго, не благодатнаго и таинственнаго спасенія.

[2]) Впервые мысль эта, очень глубокая, была высказана Достоевскимъ въ 1847 г. въ одномъ изъ самыхъ безпорядочныхъ его произведеній—„Хозяйка“, см. стр. 347 „Сочиненій“, т. 2, изд. 1882 г. Вотъ эти слова: „слабому человѣку одному не сдержаться... Только дай ему все, онъ самъ же придетъ, все назадъ отдастъ; дай ему полъ-царства земного въ обладаніе, попробуй,—ты думаешь, что? Онъ тебѣ тутъ же въ башмакъ спрячется,—такъ умалится. *Дай ему волюшку, слабому человѣку—самъ ее свяжетъ, назадъ принесетъ*“, и пр. Это показываетъ, до какой степени рано у Достоевскаго зародились всѣ его основныя идеи, лишь въ утвержденіи или отрицаніи которыхъ онъ позднѣе десятилѣтія колебался, но ничего существенно новаго *не открывалъ* въ нихъ.

побѣжитъ человѣчество, какъ стадо, благодарное и послушное, хотя и вѣчно трепещущее, что Ты отымешь руку Свою и прекратятся имъ хлѣбы Твои. Но Ты не захотѣлъ лишить человѣка свободы и отвергъ предложеніе: ибо какая же свобода, разсудилъ Ты, если послушаніе куплено хлѣбами. Ты возразилъ, что человѣкъ живъ не единымъ хлѣбомъ: *но знаешь-ли, что во имя этого самаго хлѣба земного и возстанетъ на Тебя Духъ Земли, и сразится съ Тобою, и побѣдитъ Тебя, и всѣ пойдутъ за нимъ, восклицая: „Кто подобенъ Звѣрю сему,— онъ далъ намъ огонь съ небеси!“.*

Здѣсь въ апокалиптическомъ образѣ представлено возстаніе всего земного, тяготѣющаго долу въ человѣкѣ, противъ всего небеснаго въ немъ, что устремляется вверхъ, и указанъ побѣдный исходъ этого возстанія, котораго мы всѣ — грустные свидѣтели. Нужда, гнетущее горе, боль несогрѣтыхъ членовъ и голоднаго желудка заглушитъ искру божественнаго въ человѣческой душѣ, и онъ отвернется отъ всего святого и преклонится, какъ передъ новою святынею, передъ грубымъ и даже низкимъ, но кормящимъ и согрѣвающимъ. Онъ осмѣетъ, какъ ненужныхъ людей, своихъ прежнихъ праведниковъ и преклонится передъ новыми праведниками, станетъ составлять изъ нихъ новые календари святыхъ и чтить день ихъ рожденія, какъ „благодѣтелей человѣчества“. Уже Ог. Контъ на мѣсто христіанства, которое онъ считалъ отживающею религіею, пытался изобрѣсти нѣкоторое подобіе новаго религіознаго культа, съ празднествами и чествованіемъ памяти великихъ людей,—и культъ служенія человѣчеству все сильнѣе и сильнѣе распространяется въ наше время, по мѣрѣ того, какъ ослабѣваетъ служеніе Богу. Человѣчество обоготворяетъ *себя*, оно прислушивается теперь только къ *своимъ страданіямъ*,

и утомленными глазами ищетъ кругомъ, кто бы утолилъ ихъ, утишилъ или, по крайней мѣрѣ, заглушилъ. Робкое и дрожащее, оно готово кинуться за всякимъ, кто что-нибудь для него сдѣлаетъ, готово благоговѣйно преклониться передъ тѣмъ, кто удачною машиной облегчитъ его трудъ, новымъ составомъ удобритъ его поле, заглушитъ хотя бы путемъ вѣчной отравы его временную боль. И смятенное, страдающее, оно точно утратило смыслъ цѣлаго, какъ будто не видитъ за *подробностями* жизни своей *главнаго и чудовищнаго* зла, со всѣхъ сторонъ на нее надвигающагося: что чѣмъ болѣе пытается человѣкъ побороть свое страданіе, тѣмъ сильнѣе оно возрастаетъ и всеобъемлющѣе становится,—и люди уже гибнутъ не единицами, не тысячами, но милліонами и народами, все быстрѣе и все неудержимѣе, забывъ Бога и проклиная себя.

Мы приведемъ величественный образъ изъ Откровенія Св. Іоанна,—откровенія о судьбахъ Церкви Божіей на землѣ и также рода человѣческаго, около нея волнующагося, ее усиливающагося поглотить; образы здѣсь выражаютъ иносказательно циклы въ развитіи этихъ судебъ и своимъ характеромъ опредѣляютъ ихъ общій, отвлеченный отъ всѣхъ подробностей, смыслъ: „И сталъ я на пескѣ морскомъ и увидѣлъ выходящаго изъ моря Звѣря съ семью головами и десятью рогами: на рогахъ его было десять діадемъ, а на головахъ его—имена богохульныя. И далъ ему Драконъ [1]) силу свою, и престолъ свой, и власть великую. И видѣлъ я, что одна изъ головъ его какъ бы смертельно была ранена; но эта смертельная рана исцѣлѣла. И дивилась вся земля, слѣдя

---

[1]) Т. е., по Апокалипсису, отпадшій отъ Бога Первый Духъ.

за Звѣремъ. и поклонились Дракону [1]), который далъ власть Звѣрю, говоря: *Кто подобенъ Звѣрю сему? и кто можетъ сразиться съ нимъ?* И даны были ему уста, говорящія гордо и богохульно; и дана была власть дѣйствовать сорокъ два мѣсяца. И отверзъ онъ уста свои для хулы на Бога, чтобы хулить имя Его, и жилище Его, и живущихъ на небесахъ. И дано было ему вести брань со святыми и побѣдить ихъ; и дана была ему власть надъ всякимъ колѣномъ людей, и надъ родомъ, и языкомъ и племенемъ. И поклонятся ему всѣ живущіе на землѣ, которыхъ имена не написаны въ книгѣ жизни у Агнца, закланнаго отъ созданія міра. Кто имѣетъ ухо—да слышитъ. Если кого въ плѣненіе возьметъ—въ плѣненіе пойдетъ, если кого оружіемъ убьетъ—подобаетъ ему быть оружіемъ убитымъ. Здѣсь — терпѣніе и вѣра святыхъ“. (Апок., XIII).

Знаніе кормящее, но уже не просвѣщающее человѣка, великій промѣнъ духовныхъ даровъ на вещественные дары, чистой совѣсти — на сытое брюхо, представлены въ этомъ поразительномъ образѣ. Съ заботою объ „единомъ хлѣбѣ“ закроются алтари, исчезнетъ великая устрояющая сила, и люди вновь примутся за возведеніе зданія на пескѣ, за построеніе своими силами и своею мудростью Вавилонской башни своей жизни. На все это указываетъ Инквизиторъ въ проникновенныхъ словахъ, и тутъ-же предсказываетъ, чѣмъ все это кончится:

„— Знаешь-ли Ты“, говоритъ онъ, „что пройдутъ вѣка и человѣчество провозгласитъ устами своей пре-

---

[1]) Мы ожидали бы „Звѣрю“,—но какъ удивительно выдержана точность апокалиптическихъ образовъ, соотвѣтствіе ихъ дѣйствительному смыслу!

мудрости и науки, что *преступленія—нѣтъ*, а, стало быть—*нѣтъ и грѣха, а есть лишь только голодные*“. „Накорми, тогда и спрашивай съ нихъ добродѣтели“! вотъ что̀ напишутъ на знамени, которое воздвигнутъ противъ Тебя и которымъ *разрушится храмъ Твой* [1]). На мѣстѣ храма Твоего воздвигнется новое зданіе [2]), воздвигнется вновь страшная Вавилонская башня; и хотя и эта не достроится, какъ и прежняя, но все же Ты бы могъ избѣжать этой новой башни и на тысячу лѣтъ сократить страданія людей,—*ибо къ намъ же, вѣдь, придутъ они, промучившись тысячу лѣтъ съ своею башнею*!“ [3])

---

[1]) Разумѣется теорія *относительности преступленія*, по которой оно ничѣмъ не выдѣляется изъ ряда другихъ фактовъ, совершаемыхъ человѣкомъ, и, какъ всѣ они, вызывается вліяніемъ среды, воспитанія и вообще внѣшнихъ обстоятельствъ. Воля, всецѣло опредѣляемая этими обстоятельствами, безсильна не совершить какого-нибудь факта, въ данномъ случаѣ преступленія, поэтому не свободна и, слѣдовательно, невиновна („грѣха нѣтъ“). „Преступленіе и Наказаніе“, „Вѣсы“ (нѣкоторыми своими эпизодами) и, наконецъ, „Братья Карамазовы“ могутъ быть разсматриваемы какъ художественно-психологическая критика этой идеи XIX вѣка, къ которой какъ-то влекутся въ немъ самые высокіе умы, и ея отверженіе, какъ несоотвѣтствующей природѣ вещей, не истинной. См. объ этомъ выше.

[2]) Въ силу теоріи о невиновности индивидуальной воли, всѣ преступленія, какъ и всякое зло, относятся, какъ къ причинѣ своей, къ неправильному устройству общества. Отсюда вопросъ о борьбѣ со зломъ сводится къ вопросу о лучшемъ устроеніи человѣческаго общества,—что̀ вводитъ теоретическую мысль, какъ зиждущее начало, въ исторію на мѣсто безсознательныхъ силъ, въ ней дѣйствующихъ. Сравни выше, въ гл. IV, стр. 35 и далѣе, выдержки изъ „Зимнихъ замѣтокъ о лѣтнихъ впечатлѣніяхъ“.

[3]) Достоевскій часто и настойчиво указывалъ (напр. въ „Бѣсахъ“), какъ наука, отвергнувъ свободную волю въ человѣкѣ и абсолютность въ преступленіи, доведетъ людей до антропофагіи,—и тогда-то, въ отчаяніи, „запачетъ земля по старымъ богамъ“, и люди вновь обратятся къ религіи. Такимъ образомъ, обращеніе

Они отыщутъ насъ тогда опять подъ землей, въ катакомбахъ, скрывающихся—ибо мы будемъ вновь гонимы [1]) и мучимы—найдутъ насъ и возопіютъ къ намъ: „Накормите насъ, ибо тѣ, которые обѣщали намъ [2]) огонь съ небеси, его не дали“. И тогда уже *мы и достроимъ ихъ башню*, ибо достроитъ тотъ, кто накормитъ, а накормимъ лишь мы, во имя Твое,—и солжемъ, что во имя Твое. *О, никогда, никогда безъ насъ они не накормятъ себя!* Никакая имъ наука не дастъ хлѣба, пока они будутъ оставаться свободными, но кончится тѣмъ, что они принесутъ свою свободу къ ногамъ нашимъ и скажутъ намъ: „лучше *поработите* насъ, но *накормите* насъ“ [3]).

къ Богу, думалъ онъ, увѣнчаетъ исторію, и это тѣмъ непремѣннѣе совершится, чѣмъ большія бѣдствія ожидаютъ человѣчество въ будущемъ.»

[1]) Здѣсь говорится о періодѣ нестерпимыхъ гоненій, которыя самоустроющееся и несчастное человѣчество воздвигнетъ противъ религіи на нѣкоторое время, и именно передъ тѣмъ, какъ обратиться къ Богу. Преслѣдованія—не противъ Церкви, но противъ самаго религіознаго начала въ человѣкѣ—бывшія въ концѣ прошлаго вѣка во Франціи, и теперь вспыхивающія то здѣсь, то тамъ, могутъ быть разсматриваемы какъ первые и легкіе предвѣстники попытки искоренить его вовсе, искоренить всюду на землѣ.

[2]) Т.-е. раціональные теоретики устроенія человѣка на землѣ безъ религіи, и, въ частности, теоретики новыхъ формъ организаціи труда и собственности.

[3]) Отчаяніе экономическихъ бѣдствій приведетъ (и уже приводитъ) къ забвенію всѣхъ другихъ идеаловъ, которые первоначально были неотдѣлимы отъ идеала равномѣрнаго распредѣленія богатствъ: такъ, уже теперь крайніе демократы становятся индифферентны къ завѣтамъ политической и общественной свободы (конституціонализму), а равно и къ успѣхамъ наукъ и просвѣщенія, готовые безразлично соединиться и съ военнымъ деспотизмомъ, и съ торжествомъ Церкви надъ государствомъ, лишь бы сила, военная-ли, церковная-ли—для нихъ все равно, разрѣшила экономическій вопросъ, „накормила всѣхъ“.

Поймутъ наконецъ сами, что свобода и хлѣбъ земной вдоволь для всякаго—вмѣстѣ немыслимы: ибо никогда не съумѣютъ они раздѣлиться между собою! [1]). Убѣдятся тоже, что не могутъ быть никогда свободными, потому что малосильны, порочны, ничтожны и бунтовщики. Ты обѣщалъ имъ хлѣбъ небесный, но, повторяю опять, можетъ-ли онъ сравниться въ глазахъ слабаго, вѣчно порочнаго и вѣчно неблагодарнаго людского племени—съ земнымъ? И если за Тобою, во имя хлѣба небеснаго, пойдутъ тысячи и десятки тысячъ, то что̀ ста-

---

1) При заботѣ „о хлѣбѣ единомъ“ померкнетъ совѣсть въ людяхъ, и съ нею—состраданіе: такъ какъ невозможно этихъ чувствъ иначе возвести „къ хлѣбу“, или изъ „заботъ о немъ“ вывести. Каждый возьметъ себѣ наибольшее, на что̀ имѣетъ право по количеству и качеству своего труда, и *геній потребуетъ, чтобы были удалены съ пиршества неспособные, потому что они отнимаютъ у него излишнее.* Въ вопросѣ объ устроеніи общества на экономическихъ началахъ распредѣленіе продуктовъ производства, по праву — „suum cuique“, по правдѣ сердца человѣческаго — „Богъ за всѣхъ“, представляетъ главное и, въ строгомъ смыслѣ, неразрѣшимое затрудненіе. Именно оно является уже теперь предметомъ нескончаемыхъ разногласій среди теоретиковъ общественной жизни; и если они такъ непримиримы въ мысли, такъ несогласимы въ книгахъ, то трудно и представить себѣ, къ какому хаосу столкновеній приведетъ неразрѣшимость этого вопроса въ дѣйствительности, гдѣ господствуютъ страсти, гдѣ негодованіе и гнѣвъ не утихаютъ по надобности и жалость имѣетъ свою убѣдительность гдѣ, наконецъ, всякая діалектика разбивается о честное непониманіе людей сердца. Уже теперь можно предвидѣть, что, согласно внутреннимъ своимъ желаніямъ разрѣшившись, соціальный кризисъ встанетъ передъ діаметрально-противоположными лозунгами „*убрать* неспособныхъ, спрятать, свести на нѣтъ, поработить“, и—„*не надо* геніевъ, *излишни* геніи... и оскорбляютъ обѣдность нашу красотой своей духовной, и опасны“. Философія Ницше, на нашихъ глазахъ получающая распространеніе въ Европѣ, есть раннее, но очень уже смѣлое выраженіе перваго лозунга.

нется съ милліонами и съ десятками тысячъ милліоновъ существъ, которыя не въ силахъ будутъ пренебречь хлѣбомъ земнымъ для небеснаго“?

XIII

„ — Или Тебѣ дороги“, продолжаетъ Инквизиторъ, „лишь десятки тысячъ великихъ и сильныхъ,—остальные же милліоны, многочисленные какъ песокъ морской, слабыхъ, но любящихъ Тебя, должны лишь послужить матерьяломъ для великихъ и сильныхъ“?

Этими словами начинается поворотъ въ его мысли, обращеніе ея къ вѣчному смыслу исторіи, который несовмѣстимъ съ абсолютною правдой и милосердіемъ. Пока этотъ смыслъ только мелькомъ указывается, но затѣмъ на немъ именно Инквизиторъ и оснуетъ свое отрицаніе.

Слишкомъ извѣстенъ взглядъ, по которому высшій цвѣтъ культуры вырабатывается только немногими избранными, людьми высшихъ способностей; и для того, чтобы они могли выполнять свою миссію свободно и неторопливо, имъ доставляется обезпеченіе и досугъ трудомъ и страданіями нищенской жизни огромныхъ народныхъ массъ. Мы пройдемъ мимо этотъ взглядъ, слишкомъ грубый, чтобы на немъ останавливаться, и приведемъ, чтобы сдѣлать ясною послѣдующую рѣчь Инквизитора, слова изъ Откровенія Св. Іоанна, „о маломъ числѣ избранныхъ и оправданныхъ“ въ день Послѣдняго Суда. Очевидно, этотъ именно высокій и проникающій въ сердце образъ имѣетъ онъ въ виду, развивая далѣе свою мысль:

„И взглянулъ я, и вотъ Агнецъ стоитъ на горѣ Сіонѣ, и съ Нимъ сто сорокъ четыре тысячи, у которыхъ имя Отца Его написано на челахъ.

„И услышалъ я голосъ съ неба, какъ шумъ отъ множества водъ и какъ звукъ сильнаго грома; и услышалъ голосъ какъ бы гуслистовъ, играющихъ на гусляхъ своихъ.

„Они поютъ какъ бы новую пѣснь предъ Престоломъ и предъ четырьмя животными и старцами: и никто не могъ научиться этой пѣснѣ, кромѣ сихъ ста сорока четырехъ тысячъ, искупленныхъ отъ земли.

„Это тѣ, которые не осквернились съ женами—ибо они дѣвственники; это тѣ, которые слѣдуютъ за Агнцемъ, куда бы Онъ ни пошелъ. Они искуплены изъ людей, какъ первенцы Богу и Агнцу.

„И въ устахъ ихъ нѣтъ лукавства, они непорочны предъ Престоломъ Божіимъ“. (Апокал., г. XIV, ст. 1—5).

Какой чудный, зовущій идеалъ въ этомъ образѣ; какъ поднимаетъ онъ въ насъ тоскующее желаніе; какъ мало удивляемся мы, только взглянувъ на него, глубокому и быстрому перевороту, какой совершило Евангеліе на переходѣ изъ древняго міра въ новый.

И, все-таки, именно потому, что красота этого идеала такъ велика, что одинъ уже порывъ къ нему даетъ счастье—въ насъ тотчасъ пробуждается неодолимая жалость къ тѣмъ „многочисленнымъ какъ песокъ морской“ человѣческимъ существамъ, которыя, выдѣливъ изъ себя эти „сто сорокъ четыре тысячи“ — остались гдѣ-то забытыми и затоптанными въ исторіи [1]).

---

[1]) Въ главѣ „Кошмаръ Ивана Ѳедоровича“, которая вообще представляетъ варіаціи на „Легенду о Великомъ Инквизиторѣ“, бѣсъ говоритъ: „сколько надо было погубить душъ... чтобы получить одного только праведнаго Іова“ („Бр. Карамазовы“, т. 2, стр. 355 Изд. 1882 г.) Оставляя въ сторонѣ поверхностную мысль, будто для „свободнаго досуга“ немногихъ, которые „воздѣлывали бы науки и художества“ (ихъ *истинно* воздѣлываютъ люди бѣд-

Это чувство жалости наполняетъ и душу Инквизитора, и онъ говоритъ твердо: „нѣтъ, намъ дороги и *слабые*“, и быстро мелькаетъ въ его умѣ мысль о томъ, какъ онъ и тѣ, которые поймутъ его, устроятся съ этими слабыми: но уже устроятся совершенно одни, *безъ Него*, хотя, за отсутствіемъ другой устроящей идеи, *во имя Его*:

„Они порочны и бунтовщики“, говоритъ онъ, „но подъ конецъ они-то и станутъ послушными. Они будутъ дивиться на насъ и будутъ считать насъ за боговъ за то, что мы, ставъ во главѣ ихъ, согласились выносить свободу и надъ ними господствовать,—такъ ужасно имъ станетъ подъ конецъ быть свободными! Но мы скажемъ, что послушны Тебѣ и господствуемъ во имя Твое. Мы ихъ обманемъ опять, ибо Тебя уже мы не пустимъ къ себѣ. Въ обманѣ этомъ и будетъ заключаться наше страданіе, ибо мы должны лгать“.

И затѣмъ онъ переходитъ къ неугасимымъ требованіямъ человѣческой души, зная которыя и отвѣчая на нихъ, можно и слѣдуетъ воздвигнуть окончательное, вѣковѣчное зданіе его земной жизни: „Въ вопросѣ о

ные и въ постоянномъ трудѣ живущіе) нуженъ подавляющій, чрезмѣрный трудъ остальныхъ,—мы укажемъ на другое, дѣйствительно существующее соотношеніе между „спасеніемъ одного“ на счетъ гибели многихъ: спасаются черезъ *трудное*, что, будучи чрезмѣрно для многихъ, и, между тѣмъ, ломая о себя и ихъ—губитъ ихъ. Единичный примѣръ лучше всего объяснитъ нашу мысль: высокое просвѣщеніе хорошо, всѣми чтится и всѣхъ манитъ къ себѣ; и такъ какъ въ дѣтствѣ ни о комъ еще нельзя рѣшить, способенъ онъ или нѣтъ къ нему, то тысячи и десятки тысячъ дѣтей уродуются о трудную, сложную школу, чтобы выдѣлить изъ себя нѣсколько десятковъ истинно просвѣщенныхъ людей, около которыхъ остальные толпятся менѣе, чѣмъ только непросвѣщенною массою—массою *развращенною*.

хлѣбахъ“, говоритъ онъ, „заключалась великая тайна міра сего; принявъ *хлѣбы*, Ты бы отвѣтилъ на всеобщую вѣковѣчную тоску человѣческую—какъ единоличнаго существа, такъ и цѣлаго человѣчества вмѣстѣ—это: „*предъ кѣмъ преклониться*“. Нѣтъ заботы безпрерывнѣе и мучительнѣе для человѣка, какъ оставшись свободнымъ—сыскать поскорѣе то́, передъ чѣмъ преклониться. Но ищетъ человѣкъ преклониться предъ тѣмъ, что́ уже безспорно, столь безспорно, чтобы всѣ эти люди разомъ согласились на всеобщее предъ нимъ преклоненіе. Ибо забота этихъ жалкихъ созданій не въ томъ только состоитъ, чтобы сыскать то, предъ чѣмъ мнѣ или другому преклониться, но чтобы сыскать такое, чтобъ и всѣ увѣровали въ него и преклонились предъ нимъ, и чтобы непремѣнно *всѣ вмѣстѣ*. Вотъ эта потребность *общности* преклоненія и есть главнѣйшее мученіе каждаго человѣка единолично, какъ и цѣлаго человѣчества съ начала вѣковъ. Изъ-за всеобщаго преклоненія они истребляли другъ друга мечемъ [1]). Они созидали боговъ и взывали другъ къ другу: „бросьте вашихъ боговъ и придите поклониться нашимъ, не то смерть вамъ и богамъ вашимъ“. И такъ будетъ до скон-

---

[1]) Въ „Подросткѣ“ Макаръ Ивановичъ—старикъ, сходный по типу со старцемъ Зосимою въ „Бр. Кар.“, говоритъ: „Невозможно и быть человѣку, чтобы *не преклониться*, не *снесть* себя такой человѣкъ, да и *никакой* человѣкъ. И Бога отвергнетъ—такъ идолу поклонится, деревянному, или златому, или мысленному“.—Подъ „идолами“, передъ которыми падутъ люди, отвергнувъ Бога истиннаго, разумѣются идолы „мысленные“: разумъ обожествляемый, и его продукты—философія и точныя науки; или, наконецъ, идолы совсѣмъ грубые, каковы нѣкоторыя частныя идеи этого самого разума, этой науки или философіи: напр., идея утилитаризма. Въ этомъ мѣстѣ „Легенды“, однако, говорится о преклоненіи мистическомъ, религіозномъ, напр. передъ Христомъ, Магометомъ и пр.

чанія міра, даже и тогда, когда исчезнутъ въ мірѣ и боги: все равно—падутъ предъ идолами. Ты зналъ, Ты не могъ не знать эту основную тайну природы человѣческой; но Ты отвергъ единственное абсолютное знамя, которое предлагалось Тебѣ, чтобы заставить всѣхъ преклониться предъ Тобою безспорно,—*знамя хлѣба земного*, и отвергъ во имя свободы и хлѣба небеснаго. Взгляни же, что̀ сдѣлалъ Ты далѣе,—и все опять во имя свободы! Говорю Тебѣ, что нѣтъ у человѣка заботы мучительнѣе, какъ найти того, кому бы передать поскорѣе тотъ даръ свободы, съ которымъ это несчастное существо рождается. Но овладѣваетъ свободой людей лишь тотъ, кто успокоитъ ихъ совѣсть. Съ хлѣбомъ давалось Тебѣ безспорное знамя: дашь хлѣбъ—и человѣкъ преклонится, ибо ничего нѣтъ безспорнѣе хлѣба; но если въ то же время кто-нибудь овладѣетъ его совѣстью помимо Тебя,—о, тогда онъ даже броситъ хлѣбъ Твой и пойдетъ за тѣмъ, который обольститъ его совѣсть. Въ этомъ Ты былъ правъ. Ибо тайна бытія человѣческаго заключается не въ томъ, чтобы *только жить*, а въ томъ, *для чего жить*. Безъ твердаго представленія себѣ, *для чего* ему жить, человѣкъ не согласится жить, и скорѣе истребитъ себя, чѣмъ останется на землѣ,—хотя бы кругомъ его все были хлѣбы [1]). Это такъ. Но что̀ же вышло? Вмѣсто того, чтобы овладѣть свободой людей, Ты увеличилъ имъ ее еще больше! Или Ты забылъ, что спокойствіе и даже смерть человѣку дороже [2]) свободнаго выбора въ познаніи добра

---

[1]) Черта, вѣрно подмѣченная, и одна своимъ идеализмомъ уравновѣшивающая все низкое, что въ этой же „Легендѣ“ приписывается человѣку.

[2]) Безъ сомнѣнія, это обмолвка, и нужно читать „*удобнѣе*, выгоднѣе, нужнѣе и лучше“.

и зла? Нѣтъ ничего обольстительнѣе для человѣка, какъ свобода его совѣсти, но нѣтъ ничего и мучительнѣе. И вотъ, вмѣсто твердыхъ основъ для успокоенія совѣсти человѣческой разъ навсегда—Ты взялъ все, что есть необычайнаго, гадательнаго и неопредѣленнаго, взялъ все, что было не по силамъ людей, а потому поступилъ какъ бы и не любя ихъ вовсе,—и это Кто же? Тотъ, Который пришелъ отдать за нихъ жизнь свою! Вмѣсто того, чтобъ овладѣть людскою свободой, Ты умножилъ ее и обременилъ ея мученіями душевное царство человѣка навѣки. Ты возжелалъ *свободной любви человѣка*, чтобы свободно пошелъ онъ за Тобою, прельщенный и плѣненный Тобою. Вмѣсто твердаго древняго закона [1]),—свободнымъ сердцемъ долженъ былъ человѣкъ рѣшать впредь самъ, что̀ добро и что̀ зло, имѣя лишь въ руководствѣ Твой образъ предъ собою [2]),—

---

[1]) Т. е. Закона Ветхозавѣтнаго, который отъ Новозавѣтнаго дѣйствительно отличается дробностью, раздѣльностью, твердостью указаній и точностью мѣръ наказанія, за нарушеніе его назначаемаго (см. Второзаконеніе). Можно сказать, перелагая все на юридическіе термины, что въ Ветхомъ Завѣтѣ даны *правила*, въ Новомъ—*принципы*.

[2]) Въ трехъ этихъ строчкахъ выражено понятіе Достоевскаго о сущности христіанства и указанъ руководительный принципъ для дѣятельности христіанина: *всегда мысленно предстоящее дѣло относить къ Христу и спрашивать себя: совершилъ-ли бы Онъ его, или, видя, одобрилъ-ли бы*, не нарушая при этомъ въ своей мысли *цѣльности* Его образа, какъ Онъ переданъ намъ Евангелистами, *совокупности* всѣхъ чертъ его. Мы думаемъ, этотъ принципъ есть истинный, и при соблюденіи Его Евангеліе никогда бы не могло быть подвергнуто тѣмъ насильственнымъ примѣненіямъ, какимъ, посредствомъ уловленія изъ него отдѣльныхъ выраженій, оно подвергалось въ исторіи. Такъ, на выраженіи „compelle intrare“—„*понудѝ ихъ* (позванныхъ) *войти*“ (на брачный пиръ жениха, въ „Притчѣ о званныхъ и незванныхъ“), основывала свое право на

но неужели Ты не подумалъ, что онъ отвергнетъ же наконецъ и оспоритъ даже и Твой образъ и Твою правду. если его угнетутъ такимъ страшнымъ бременемъ, какъ свобода выбора? Они воскликнутъ, наконецъ, что правда не въ Тебѣ,—ибо невозможно было оставить ихъ въ смятеніи и мученіи болѣе, чѣмъ сдѣлалъ Ты, оставивъ имъ столько заботъ и неразрѣшимыхъ задачъ. Такимъ образомъ, самъ Ты и положилъ основаніе къ разрушенію Своего же Царства, и не вини въ этомъ никого болѣе".

Другими словами, ученіе пришедшее спасти міръ—своею высотою и погубило его, внесло въ исторію не примиреніе и единство, но хаосъ и вражду. Исторія не закончена; и, между тѣмъ, она должна закончиться, именно этого ищутъ народы въ своей жаждѣ найти предметъ общаго и согласнаго поклоненія. Они и истребляютъ другъ друга для того, чтобы, хотя путемъ гибели многихъ непримиренныхъ, наконецъ соединились оставшіеся. Христіанство не отвѣтило этой потребности человѣческаго сердца, предоставивъ все индивидуальному рѣшенію, ложно понадѣявшись на человѣческую способность къ различенію добра и зла. Даже древній, не столь высокій, но точный и суровый законъ болѣе удовлетворялъ этой потребности: побіеніе камнями извергало всякаго, кто отступалъ отъ него, и люди оставались въ единствѣ, хотя насильственномъ. Еще лучше отвѣтило бы этой потребности, правда, уже совсѣмъ грубое средство—„земные хлѣбы", *закрытіе* отъ глазъ

существованіе католическая инквизиція; или на выраженіи: „Мое царство *не отъ міра сего*" и до сихъ поръ многіе основываютъ требованіе безучастнаго отношенія Церкви къ грѣху, къ преступленію „міра" (цѣлаго общественно-историческаго строя).

человѣка всего *небеснаго*. Напитавъ его, оно усыпило бы тревоги его совѣсти.

Мы не отойдемъ, кажется, далеко отъ истины, если скажемъ, что съ искушеніемъ прибѣгнуть, овладѣвая судьбами человѣчества, къ „земнымъ хлѣбамъ“, здѣсь разумѣется одинъ страшный, но дѣйствительно мощный исходъ изъ историческихъ противорѣчій: это—*пониженіе психическаго уровня* въ человѣкѣ. Погасить въ немъ все неопредѣленное, тревожное, мучительное, упростить [1]) его природу до ясности короткихъ желаній, понудить его *въ муку* знать, *въ муку* чувствовать, *въ муку* желать—вотъ средство удовлетворить его, наконецъ, и успокоить...

XIV

Все болѣе и болѣе склоняя свою рѣчь къ переходу отъ хаоса, въ который ввергло человѣчество Христіанство и его ученіе о свободѣ, къ изображенію будущаго и окончательнаго успокоенія его на землѣ, Инквизиторъ обращается къ разбору двухъ остальныхъ искушеній дьявола. Вотъ слова, въ которыхъ они записаны у Евангелистовъ Матѳея и Луки:

„Тогда беретъ Его діаволъ во Святой Градъ и поставляетъ Его на крылѣ храма и говоритъ Ему: „Если Ты Сынъ Божій—бросься внизъ; ибо о Томъ написано: *Ангеломъ своимъ заповѣдаетъ о Тебѣ сохранить Тебя, и на рукахъ понесутъ Тебя, да не преткнешься о камень ногою Твоею*“. Іисусъ же сказалъ ему: „Написано также—*не искушай Господа Бога Твоего*“.

---

[1]) Въ „Бѣсахъ“ одно изъ лицъ, только почти называемое (Шигалевъ), высказываетъ идею этого упрощенія человѣческой природы, пониженія въ ней психическаго уровня. Ее можно считать раннимъ и болѣе подробно мотивированнымъ изложеніемъ даннаго мѣста „Легенды“. См. *Приложенія*.

„И вновь беретъ Его Діаволъ, и, возведя на высокую гору, показываетъ всѣ царства Вселенной во мгновеніи времени; и говоритъ Ему: „всѣ это дамъ Тебѣ, если, падши, поклонишься мнѣ“. Тогда Іисусъ говоритъ ему: „отойди отъ меня, Сатана! Ибо написано—*Господу Богу твоему поклоняйся и Ему Единому служи*“.

„Тогда оставляетъ Его Діаволъ, и се Ангелы приступили и служили ему“ (Матѳ., гл. IV, ст. 5—11, Луки, IV, 5).

Инквизиторъ, сказавъ объ элементахъ саморазрушенія, которыми наполнено Христіанство, продолжаетъ, обращаясь къ Христу: „Между тѣмъ, то-ли предлагалось Тебѣ? Есть три силы, единственныя три силы на землѣ, могущія навѣки побѣдить и *плѣнить совѣсть* этихъ слабосильныхъ бунтовщиковъ для ихъ счастья. Эти силы: *чудо*, *тайна* и *авторитетъ*. Ты отвергъ и то, и другое, и третье, и Самъ подалъ примѣръ тому. Когда страшный и премудрый Духъ поставилъ Тебя на вершинѣ Храма и сказалъ Тебѣ: „если хочешь узнать, Сынъ-ли Ты Божій, то верзись внизъ, ибо сказано про Того, что ангелы возьмутъ и понесутъ Его, и не упадетъ, и не преткнется, и узнаешь тогда, Сынъ-ли Ты Божій, и докажешь тогда, какова вѣра Твоя въ Отца Твоего“,—то Ты, выслушавъ, отвергъ предложеніе, и не поддался, и не бросился внизъ. О, конечно Ты *поступилъ тутъ гордо и великолѣпно*, *какъ Богъ*, но люди-то, но слабое бунтующее племя это—оно-то боги-ли? О, Ты понялъ тогда, что, сдѣлавъ лишь шагъ, движеніе броситься внизъ, Ты тотчасъ бы и искусилъ Господа, и вѣру въ Него всю потерялъ, и разбился бы о землю, которую спасать пришелъ, и *возрадовался бы умный Духъ*, искушавшій Тебя“.

Удивительно невѣріе въ мистическій актъ искупле-

нія, выраженное въ *первыхъ* отмѣченныхъ нами словахъ, соединенное съ совершенною вѣрою въ искушеніе Іисуса и даже въ мистическое значеніе этого искушенія, въ попытку Дьявола помѣшать пришествію Его, какъ Спасителя, въ міръ, которая выражена въ *послѣднихъ* отмѣченныхъ словахъ.

„Но, повторяю“, продолжаетъ Инквизиторъ, „много-ли такихъ, какъ Ты? И неужели Ты въ самомъ дѣлѣ могъ допустить хоть минуту, что и людямъ будетъ подъ силу подобное искушеніе? Такъ-ли создана природа человѣческая, чтобы отвергнуть чудо,—и въ такіе страшные моменты жизни, моменты самыхъ страшныхъ, основныхъ и мучительныхъ душевныхъ вопросовъ [1]) своихъ оставаться лишь съ свободнымъ рѣшеніемъ сердца? О, Ты зналъ, что подвигъ Твой сохранится въ книгахъ, достигнетъ глубины временъ [2]) и послѣднихъ предѣловъ земли, и понадѣялся, что, слѣдуя Тебѣ, и человѣкъ останется съ Богомъ, не нуждаясь въ чудѣ. Но Ты не зналъ, что чуть лишь человѣкъ отвергнетъ чудо, то тотчасъ отвергаетъ и Бога [3]), ибо человѣкъ ищетъ не столько Бога, сколько чудесъ. И такъ какъ человѣкъ оставаться безъ чуда не въ силахъ, то насоздастъ

---

[1]) Говорится объ отношеніи человѣка къ мистическому акту Искупленія, вѣрою въ который онъ живъ будетъ,—и нужно бы эту вѣру, эту жизнь подкрѣпить чѣмъ-нибудь болѣе, нежели какъ только подкрѣпляетъ ее высота Христова лика.

[2]) Опять, какая удивительная вѣра звучитъ въ этихъ словахъ!

[3]) Говорится, и съ справедливымъ презрѣніемъ, о томъ, какъ въ исторіи—и до нашего времени—борьба противъ религіи почти отождествлялась съ борьбою противъ чудеснаго, равно и обратно; и какъ, едва распутавъ что-нибудь, прежде казавшееся въ природѣ сверхъестественнымъ, человѣкъ трусливо перебѣгалъ отъ вѣры къ невѣрію.

себѣ новыхъ чудесъ, уже собственныхъ [1]), и поклонится уже знахарскому чуду, бабьему колдовству [2]), хотя бы онъ сто разъ былъ бунтовщикомъ, еретикомъ и безбожникомъ. Ты не сошелъ со креста, когда кричали Тебѣ, издѣваясь и дразня Тебя: *сойди со креста— и увѣруемъ, что это Ты.* Ты не сошелъ: потому что опять-таки, не захотѣлъ поработить человѣка чудомъ и жаждалъ свободной вѣры, а не чудесной. Жаждалъ свободной любви, а не рабскихъ восторговъ невольника предъ могуществомъ, разъ навсегда его ужаснувшимъ [3]). Но и тутъ Ты судилъ о людяхъ слишкомъ высоко, ибо—конечно они невольники, хотя созданы бунтовщиками. Озрись и суди; вотъ прошло пятнадцать вѣковъ, поди посмотри на нихъ: кого Ты вознесъ до Себя? *Клянусь, человѣкъ слабѣе и ниже созданъ, чѣмъ*

---

[1]) Говорится о позднѣйшихъ открытіяхъ науки и. еще болѣе, о техническихъ изобрѣтеніяхъ, которымъ такъ дивится человѣкъ въ наше время, такъ снова и снова любитъ повторять себѣ о нихъ, едва вѣря. что они есть и что ихъ нашелъ онъ самъ—человѣкъ.

[2]) Говорится о той особенной заинтересованности, съ которою во времена безбожія люди прислушиваются ко всему странному, исключительному, въ чемъ бы нарушился законъ природы. Можно сказать, что въ подобныя времена ничто не ищется людьми съ такою жадностью, какъ именно чудесное,—но лишь съ непремѣннымъ условіемъ, чтобы оно не было также и божественнымъ. Увлеченія спиритизмомъ, о которыхъ съ насмѣшкою упоминается въ „Дневникѣ Писателя“, безъ сомнѣнія, напомнили Достоевскому общность и постоянность этой психической черты въ человѣкѣ срав. суевѣрное состояніе Римскаго общества, когда оно впало въ совершенный атеизмъ во II—III вѣкѣ).

[3]) Говорится о неизъяснимой высотѣ Христіанства, съ его простотою и человѣчностью, надъ всѣми другими религіями земли, въ которыхъ элементъ чудеснаго такъ преобладаетъ надъ всѣмъ остальнымъ, которыя исторически возникли изъ страха передъ этимъ чудеснымъ.

Ты о немъ думалъ!.. [1]). Столь уважая его, Ты поступилъ какъ бы переставъ ему сострадать, потому что слишкомъ много отъ него потребовалъ, и это кто же?— Тотъ, Который возлюбилъ его болѣе Самого Себя! Уважая его менѣе, менѣе-бы отъ него и потребовалъ, а это было бы ближе къ любви, ибо легче была бы ноша его“.

Изъ чрезмѣрной высоты завѣтовъ Спасителя вытекло непониманіе ихъ человѣкомъ, сердце котораго извращено и умъ потемненъ. Надъ ихъ великою непорочностью, чудною простотою и святостью, онъ наглумится, надругается,—и это одновременно съ тѣмъ, какъ преклонится передъ вульгарнымъ и грубымъ, но поражающимъ его пугливое воображеніе. Мощными словами Инквизиторъ рисуетъ картину возстанія противъ религіи, только малый уголокъ котораго видѣла еще всемірная исторія, и проницающимъ взглядомъ усматриваетъ то, что̀ за этимъ послѣдуетъ:

„Человѣкъ слабъ и подлъ. Что̀ въ томъ, что онъ теперь [2]) повсемѣстно бунтуетъ противъ нашей власти, и гордится, что онъ бунтуетъ! Это гордость ребенка и

---

[1]) Основная мысль „Легенды“. Ниже мы также отмѣтимъ нѣсколько фразъ, въ которыхъ какъ бы сконцентрированъ ея *смыслъ*, или точнѣе—указаны ея *исходные пункты*.

[2]) Говорится не о реформаціонномъ движеніи, современномъ діалогу „Легенды“, потому что духъ глубокой вѣры, проникавшій это движеніе, былъ слишкомъ высокъ для презрительнаго отзыва о немъ (см. нѣсколько словъ объ этомъ духѣ у Достоевскаго въ „Рѣчи о Пушкинѣ“, по поводу стиховъ: „Однажды странствуя среди пустыни дикой“ и проч.). Безъ сомнѣнія, слова „Легенды“ вызваны антирелигіознымъ движеніемъ отчасти XVIII-го, но главнымъ образомъ нашего XIX-го вѣка, въ которомъ на борьбу съ религіей также мало тратится усилій и серьезности, какъ и на борьбу съ какими нибудь предразсудками.

школьника. Это маленькія дѣти, взбунтовавшіеся въ классѣ и выгнавшіе учителя. Но придетъ конецъ и восторгу [1]) ребятишекъ—онъ будетъ дорого стоить имъ. Они ниспровергнутъ храмы и зальютъ кровью землю [2]). Но догадаются, наконецъ, глупые дѣти, что хотя они бунтовщики, но бунтовщики слабосильные, собственнаго бунта своего не выдерживающіе [3]). Обливаясь

---

[1]) И приходитъ, напр., въ наше время по отношенію къ недавнему антирелигіозному движенію, и во всякое другое, болѣе серьезное время по отношенію ко всякому же предшествующему возстанію противъ религіи. Такъ, сама реформація, какъ индивидуальное искаиіе Церкви, возникла послѣ кощунственно относившагося къ религіи гуманизма; а за эпохою французской революціи настали времена Шатобріана, Жозефа де-Местра и другихъ, съ ихъ вычурными идеями и смятеніемъ чувства. Истинное отношеніе къ этимъ и аналогичнымъ движеніямъ вѣрно указано Достоевскимъ: это не вѣра настоящая, простая и сильная, но испугъ и смятеніе вчерашнихъ кощунствовавшихъ школьниковъ; это не Богъ, въ человѣкѣ дѣйствующій, а человѣкъ, подражающій наружно движеніямъ и словамъ тѣхъ, въ комъ Онъ истинно дѣйствовалъ, кого истинно призвалъ къ Себѣ когда-то (праведники).

[2]) Говорится не о временахъ первой французской революціи, какъ можно бы подумать, но о томъ, что непремѣнно совершится въ будущемъ—о попыткѣ насильственно подавить въ цѣломъ человѣчествѣ религіозное сознаніе. Слова эти соотвѣтствуютъ нѣкоторымъ уже приведеннымъ выше мѣстамъ „Легенды“.

[3]) Достоевскій, всегда стоя выше своихъ героевъ (на которыхъ никогда не любуются, но скорѣе выводитъ ихъ для выраженія своей мысли), любитъ наблюдать, какъ, несмотря на великія свои силы, они ослабѣваютъ подъ давленіемъ душевныхъ мукъ, какъ они не выдерживаютъ своей собственной „широты“ и преступности, хотя прежде возводили это въ теорію (послѣдній разговоръ Н. Ставрогина съ Лизою въ „Бѣсахъ“, послѣднее свиданіе Ив. Карамазова со Смердяковымъ). Почти повсюду изображеніе очень сильнаго человѣка если онъ не оканчиваетъ раскаяніемъ (какъ Раскольниковъ у Достоевскаго завершается описаніемъ какъ бы

глупыми слезами своими, они сознаются, наконецъ, что создавшій ихъ бунтовщиками, безъ сомнѣнія, хотѣлъ *посмѣяться* надъ ними. Скажутъ это они въ отчаяніи, и сказанное ими будетъ богохульствомъ, отъ котораго они станутъ еще несчастнѣе,—ибо природа человѣческая не выноситъ богохульства и, въ концѣ концовъ, сама же всегда и отмститъ за него“.

Затѣмъ, подводя общій итогъ совершившемуся въ исторіи, Инквизиторъ переходитъ къ раскрытію своей тайны, которая состоитъ въ *поправленіи* Акта Искупленія черезъ принятіе всѣхъ трехъ совѣтовъ „могучаго и умнаго Духа пустыни“,—что̀, въ свою очередь, совершилась ради любви къ человѣчеству, для устроенія земныхъ судебъ его. Оправданіе имъ этого преступнаго исправленія возводится къ тому образу немногихъ искупляемыхъ, который мы привели выше изъ XIV гл. Апокалипсиса; припоминая его, онъ говоритъ:

„Итакъ, неспокойство, смятеніе и несчастіе—вотъ теперешній удѣлъ людей послѣ того, какъ Ты столь претерпѣлъ за свободу ихъ! Великій пророкъ Твой въ видѣніи и въ иносказаніи говоритъ, что видѣлъ всѣхъ участниковъ перваго воскресенія и что было ихъ изъ каждаго колѣна по двѣнадцати тысячъ [1]). Но если было ихъ столько, то были и они какъ бы не люди, а боги. Они вытерпѣли крестъ Твой, они вытерпѣли десятки лѣтъ голодной и нагой пустыни, питаясь акридами и кореньями,—и, ужъ, конечно, Ты можешь съ гордостью

разслабленія его силъ, униженіемъ и издѣвательствомъ надъ „прежнимъ сильнымъ человѣкомъ“.

[1]) Въ гл. VII Апокалипсиса дѣлается предварительное исчисленіе спасаемыхъ, по 12 тысячъ въ каждомъ изъ колѣнъ израилевыхъ, которые въ XIV гл. и называются всѣ въ общей цифрѣ 144 тысячи.

указать на этихъ дѣтей свободы, свободной любви, свободной и великолѣпной жертвы ихъ во имя Твое [1]). Но вспомни, что ихъ было всего только нѣсколько тысячъ, да и то боговъ, а остальные? И чѣмъ виноваты остальные слабые люди, что не могли вытерпѣть того, что могучіе? *Чѣмъ виновата слабая душа, что не въ силахъ вмѣстить столь страшныхъ даровъ* [2]). Да неужто же и впрямь приходилъ Ты лишь къ избраннымъ и для избранныхъ? Но если такъ. то тутъ—тайна, и не понять ея".

XV

Здѣсь, на этой непостижимости, что Тайна Искупленія, совершившись въ высокихъ формахъ, оставила *внѣ себя безвинно слабыхъ*, и начинается вступленіе діалектики Инквизитора въ новый, высшій кругъ: отверженіе самого Искупленія; какъ выше, въ исповѣди Ив. Карамзина, на непостижимости тайны безвиннаго страданія основывалось отверженіе имъ будущей жизни, Послѣдняго Суда. Отрицанія *бытія* этихъ актовъ—нѣтъ; есть, напротивъ, яркость ихъ ощущенія, доходящая до ослѣпительности: есть противъ нихъ *возстаніе*, есть *отпаденіе* отъ Бога, второе на исходѣ судебъ, послѣ завершившейся исторіи, но во всемъ подобное тому первому отпаденію, какое совершилось и передъ началомъ

---

[1]) Какое удивительное, глубокое и вѣрное пониманіе истиннаго смысла духовной свободы; свободы *отъ себя, отъ низкаго* въ природѣ своей, во имя высшаго и святого, что почувствовалъ и призналъ своею лучшею стороною внѣ себя. На эту свободу указывается здѣсь въ противоположность грубому ея пониманію: какъ *независимости низкаго въ себѣ* отъ руководства-ли, или подчиненія какому-нибудь высшему, внѣ лежащему, началу.

[2]) Вторая центральная мысль „Легенды".

этихъ судебъ,—однако съ сознаніемъ, углубленнымъ на всю ихъ тяготу.

„Если же—*тайна*“, говоритъ Инквизиторъ, „то и мы вправѣ были проповѣдовать *тайну*, и учить ихъ, что не свободное рѣшеніе сердецъ ихъ важно [1]) и не любовь, а—*тайна*, которой они повиноваться должны *слѣпо*, даже *мимо ихъ совѣсти*. Такъ мы и сдѣлали. Мы исправили подвигъ Твой и основали его на *чудѣ*, *тайнѣ и авторитетѣ*. И люди обрадовались, что ихъ вновь повели, какъ стадо, и что съ сердецъ ихъ снятъ, наконецъ, столь страшный даръ, принесшій имъ столько муки [2]). Правы мы были, уча и дѣлая такъ, скажи? Неужели мы не любили человѣчества, столь смиренно сознавъ его безсиліе, съ любовью облегчивъ его ношу и разрѣшивъ слабосильной природѣ его хотя бы и грѣхъ, но съ нашего позволенія? Къ чему же теперь Ты пришелъ намъ мѣшать? И что Ты молча и проникновенно глядишь на меня кроткими глазами своими? Разсердись.

---

[1]) Это положеніе, какъ извѣстно, составляетъ дѣйствительно особенность католическаго ученія, и она именно повела ко всему формализму въ Западной Церкви и къ нравственному растлѣнію народовъ, ею пасомыхъ. Изъ него вытекло такъ называемое ученіе о „добрыхъ дѣлахъ“, которыя, какъ бы ни совершались, хотя бы совершенно механически,—для души одинаково спасительны (отсюда—индульгенція, т. е. отпущеніе грѣховъ первоначально шедшимъ, въ Крестовыхъ походахъ, положить жизнь за вѣру и Церковь, потомъ какимъ-нибудь образомъ способствующимъ этому, и, наконецъ, вообще дѣлающимъ денежныя пожертвованія на нужды Церкви: откуда уже только одинъ шагъ до продажи за различную цѣну спасающихъ отъ грѣха писаныхъ бланокъ). На этомъ именно средствѣ оправданія и разошелся протестантизмъ со старою Церковью, противупоставивъ ея формальному способу спасать души людей черезъ мертвенное дѣло—оправданіе *вѣрою*, т. е. актомъ живого внутренняго движенія.

[2]) Т. е. свобода и свободное различеніе добра и зла.

я не хочу любви Твоей, потому что самъ не люблю Тебя. И что мнѣ скрывать отъ Тебя? Или я не знаю, съ Кѣмъ говорю? То, что имѣю сказать Тебѣ, все Тебѣ уже извѣстно, я читаю это въ глазахъ Твоихъ. И я-ли скрою отъ Тебя тайну нашу? Можетъ быть, Ты именно хочешь услышать ее изъ устъ моихъ, слушай же: мы не съ Тобой, а съ *Нимъ*, вотъ наша тайна!... Мы взяли отъ Него то, что Ты съ негодованіемъ отвергъ: тотъ послѣдній даръ, который онъ предлагалъ Тебѣ, показавъ Тебѣ всѣ царства земныя: мы взяли отъ него Римъ и мечъ Кесаря".

Съ этихъ только словъ начинается раскрытіе частной католической идеи въ исторіи. Все, что было сказано раньше, имѣетъ совершенно общее значеніе, т. е. представляетъ собою *діалектику Христіанства* въ его основной идеѣ, одинаковой для всѣхъ вѣрующихъ, въ связи съ раскрытіемъ природы человѣческой, осужденіемъ ея и къ ней состраданіемъ. Но развиваясь далѣе и далѣе, и, наконецъ, заканчиваясь мыслью о религіозномъ устроеніи человѣческихъ судебъ на землѣ, *окончательномъ и всеобщемъ*, эта діалектика, до сихъ поръ совершенно абстрактная—совпала съ историческимъ фактомъ, ей отвѣчающимъ, и невольно вовлекла его въ себя, цѣпляясь оборотами мысли съ выдающимися чертами дѣйствительности. Этотъ фактъ—Римско-Католическая Церковь, съ ея универсальными стремленіями, съ ея внѣшнею объединяющею мощью;—христіанское сѣмя, выросшее на почвѣ древняго язычества.

Инквизиторъ, оговариваясь, что дѣло ихъ еще „не приведено къ окончанію", что оно „только началось", высказываетъ, тѣмъ не менѣе, твердую увѣренность, что оно завершится: „долго еще ждать этого", говоритъ онъ, „и еще много выстрадаетъ земля, но мы достиг-

немъ и будемъ кесарями, и тогда уже помыслимъ о всемірномъ счастіи людей [1]). А, между тѣмъ, Ты могъ бы еще и тогда взять мечъ Кесаря. Зачѣмъ Ты отвергъ этотъ послѣдній даръ? Принявъ этотъ третій совѣтъ могучаго Духа, Ты восполнилъ бы все, чего ищетъ человѣкъ на землѣ, то есть: *предъ кѣмъ преклониться*, *кому* вручить совѣсть и какимъ образомъ *соединиться*, наконецъ, всѣмъ въ безспорный общій и согласный муравейникъ [2]). Ибо потребность всемірнаго соединенія

---

[1]) Мысль исключительно Достоевскаго и вовсе не принадлежащая Риму, который если и стремился въ древнее и новое время къ всемірному господству, то вовсе не для „счастья людей“. Изъ этого примѣра лучше всего можно видѣть, какъ вплетаетъ Достоевскій въ историческій фактъ, какъ его душу, *свою особенную и личную мысль*.

[2]) Это уже языкъ и мысли, спеціально выработавшіяся у Достоевскаго и звучащія нѣсколько странно въ устахъ Инквизитора, въ XVI вѣкѣ. „Муравейникъ“, „Хрустальный дворецъ“ и „Курятникъ“—это три образныя выраженія идеи всемірнаго соединенія людей и ихъ успокоенія, которыя впервыя обсуждаются у Достоевскаго въ „Запискахъ изъ подполья“. „Курятникъ“—это бѣдная и неудобная дѣйствительность, которая, однако, предпочтительнѣе всего другого, потому что она хрупка, всегда можетъ быть разрушена и измѣнена, и, слѣдовательно, не отвѣчая второстепеннымъ требованіямъ человѣческой природы, отвѣчаетъ главной и самой существенной ея особенности—свободной волѣ, прихотливому желанію, которое не погашается въ индивидуумѣ. „Хрустальный дворецъ“—это исскуственное, возведенное на началахъ разума и искусства, зданіе человѣческой жизни, которое хуже всякой дѣйствительности, потому что, удовлетворяя всѣмъ человѣческимъ нуждамъ и потребностямъ, не отвѣчаетъ одной и главной—потребности индивидуальнаго, особеннаго желанія; оно подавляетъ личность. Въ „Запискахъ изъ подполья“ отвергается вторая формула и оставляется первая, за отсутствіемъ для человѣка третьей—„Муравейника“: подъ этимъ названіемъ разумѣется всеобщее и согласное соединеніе живыхъ существъ какого-либо вида, основанное на присутствіи въ нихъ одного общаго и безошибочнаго

есть третье и послѣднее мученіе людей [1]) Всегда человѣчество въ цѣломъ своемъ стремилось устроиться непремѣнно *всемірно*. Много было великихъ народовъ съ великою исторіею, но чѣмъ выше были эти народы, тѣмъ были и несчастнѣе, ибо сильнѣе другихъ сознавали потребность всемірности соединенія людей. Великіе завоеватели, Тимуры и Чингисханы, пролетѣли какъ вихрь по землѣ, стремясь завоевать вселенную; но и тѣ, хотя и безсознательно, выразили ту же самую великую потребность человѣчества ко всемірному и всеобщему единенію. Принявъ міръ и порфиру Кесаря, Ты основалъ бы всемірное царство и далъ всемірный покой. Ибо кому же владѣть людьми, какъ не тѣмъ, которые владѣютъ ихъ совѣстью и въ чьихъ рукахъ хлѣбы ихъ. Мы и взяли мечъ Кесаря, а, взявъ его, конечно—отвергли Тебя и пошли за *Нимъ*".

Такимъ образомъ, въ совѣтахъ „могучаго и умнаго

инстинкта построенія общаго жилища. Такимъ инстинктомъ надѣлены всѣ живущія обществами животныя (муравьи), но его лишенъ человѣкъ; поэтому въ то время, какъ они строятъ всегда одинаково, повсюду одно и постоянно мирно, человѣкъ строитъ повсюду различное, вѣчно трансформируется въ своихъ желаніяхъ и понятіяхъ; и едва приступитъ къ построенію всеобщаго—разойдется въ представителяхъ своихъ, единичныхъ личностяхъ, и притомъ со смертельною враждою и ненавистью. Эти три формулы необходимо постоянно помнить при чтеніи сочиненій Достоевскаго. Детальное изложеніе ихъ см. въ *Приложеніяхъ*.

[1]) Нужно различать это „соединеніе" отъ „всеобщаго преклоненія" передъ чѣмъ-нибудь человѣческой совѣсти, о которомъ говорилось раньше. То было внутреннее, душевное соединеніе людей, здѣсь говорится объ ихъ внѣшнемъ соединеніи, о согласной общественно-исторической жизни. Между этими двумя понятіями есть соотношеніе, но не тождество; соотвѣтствуя другъ другу, какъ душа и тѣло, они суть части одного третьяго—всемірной гармоніи человѣческой жизни.

Духа“, искушавшаго въ пустынѣ Іисуса, заключалась тайна всемірной исторіи и отвѣтъ на глубочайшія требованія человѣческой природы; совѣты эти были преступны, но это потому, что самая природа человѣка уже извращена. И нѣтъ средства иначе какъ черезъ преступленіе отвѣтить на ея требованія, нѣтъ возможности другимъ способомъ устроить, сберечь и пожалѣть племя извращенныхъ существъ, какъ принявъ это самое извращеніе въ основу; — собрать ихъ разсыпавшееся стадо извращенною мыслью, ложь которой отвѣтила бы лжи ихъ природы.

XVI

Бо̀льшаго отчаянія, чѣмъ какое залегло въ эту странную и очень трудно опровержимую идею, никогда не было. Можно сказать, что это — самая грустная мысль, когда-либо проходившая черезъ человѣческое сознаніе, и приведенная страница—самая тяжелая въ цѣлой всемірной литературѣ. Полнымъ отчаяніемъ она и кончается—паденіемъ лжи, за которою не стоитъ никакой правды, разрушеніемъ обмана, которымъ еще только и могутъ жить люди. Это высказано какъ толкованіе на таинственныя слова XII-й, XVII-й и XVIII-й главъ Откровенія Св. Іоанна, въ которыхъ, по толкованіямъ богослововъ, аллегорически представлены, подъ образомъ „Жены“, судьбы Ветхозавѣтной и Новозавѣтной Церкви на землѣ. Вотъ эти слова:

„И явилось на небѣ великое знаменіе: Жена, облеченная въ солнце; подъ ногами ея луна, и на главѣ ея вѣнецъ изъ двѣнадцати звѣздъ. Она имѣла во чревѣ, и кричала отъ болей и мукъ рожденія.

„И другое знаменіе явилось на небѣ: вотъ большой красный Драконъ, съ седмью головами и десятью ро-

гами, и на головахъ его седмь діадемъ; хвостъ его увлекъ съ неба третью часть звѣздъ, и повергъ ихъ на землю.

„Драконъ сей сталъ передъ Женою, которой надлежало родить, дабы, когда она родитъ, пожрать ея младенца. И родила она младенца мужского пола, которому надлежитъ пасти всѣ народы жезломъ желѣзнымъ. и восхищено было дитя ея къ Богу и Престолу Его.

„А Жена убѣжала въ пустыню, гдѣ приготовлено было для нея мѣсто отъ Бога, чтобы питать ее тамъ тысячу двѣсти шестьдесятъ дней“...

Далѣе описывается судьба Дракона. „И низверженъ былъ великій Драконъ, древній Змѣй, называемый Діаволомъ и Сатаною, обольщающій всю вселенную... И услышалъ я громкій голосъ, говорящій на небѣ: нынѣ настало спасеніе и сила и царство Бога нашего и власть Христа Его; потому что низверженъ клеветникъ братій нашихъ, клеветавшій на нихъ предъ Богомъ нашимъ день и ночь. Они побѣдили его кровію Агнца и словомъ свидѣтельства своего, и не возлюбили души своей, даже до смерти...

„Когда же Драконъ увидѣлъ, что онъ низверженъ на землю, то началъ преслѣдовать Жену, которая родила младенца мужского пола. И даны были Женѣ два крыла большого орла, чтобъ она летѣла въ пустыню, въ свое мѣсто, отъ лица Змѣя, и тамъ питалась въ теченіе времени, временъ и полвремени. И пустилъ Змѣй изъ пасти своей вслѣдъ Жены воду какъ рѣку, дабы увлечь ее рѣкою. Но земля помогла Женѣ, и разверзла земля уста свои, и поглотила рѣку, которую пустилъ Драконъ изъ пасти своей.

„И разсвирѣпѣлъ Драконъ на Жену, и пошелъ, чтобы вступить въ брань съ прочими отъ сѣмени ея, сохраняю

щими заповѣди Божіи и имѣющими свидѣтельство Іисуса Христа“.

Затѣмъ образы мѣняются; является новое видѣніе, о которомъ было говорено уже выше: изъ водъ морскихъ выходитъ Звѣрь, которому Драконъ передаетъ свою силу и власть. Очевидно, именно черезъ него онъ возстаетъ на брань съ „сохраняющими заповѣди Божіи“. Вся земля слѣдитъ за нимъ съ удивленіемъ; народы преклоняются передъ его чудною мощью, потому что онъ творитъ всякія знаменія и даже низводитъ съ небесъ огонь. Онъ кладетъ свою печать на людей, и ее принимаютъ всѣ, „имена которыхъ не написаны въ книгѣ Агнца“. Видѣніе снова мѣняется: показывается Агнецъ, „закланный отъ созданія міра“, и съ нимъ сто сорокъ четыре тысячи, искупленныхъ его кровью, которые не осквернились земною скверною. Пролетаетъ Ангелъ. въ рукахъ котораго Вѣчное Евангеліе, чтобы благовѣствовать живущимъ на землѣ, и всякому племени, и колѣну, и языку, и народу. За нимъ слѣдуетъ другой Ангелъ, восклицая: „палъ, палъ Вавилонъ, городъ великій, потому что онъ яростнымъ виномъ блуда своего напоилъ всѣ народы“. Это первое предвозвѣстіе великаго паденія, изображеніе котораго еще впереди, но оно уже надвигается. Появляется свѣтлое облако, и на немъ „подобный Сыну Человѣческому“, держащій острый серпъ. Ангелъ говоритъ ему: „пусти серпъ твой и пожни, потому что пришло время жатвы,—ибо жатва на землѣ созрѣла“. И великая жатва совершается. Потомъ открывается новое видѣніе: „побѣдившіе Звѣря и образъ его и начертаніе его и число имени его, стоятъ, держа гусли Божіи, и поютъ пѣснь Моисея, раба Божія, и пѣснь Агнца, говоря: „велики и чудны дѣла Твои, Господи Боже Вседержитель! Праведны и истинны пути Твои, Царь святыхъ! Кто не

убоится Тебя, Господи, и не прославитъ имени Твоего? Ибо Ты единъ святъ. Всѣ народы прійдутъ и поклонятся предъ Тобою,—ибо открылись суды Твои"! Вслѣдъ за этимъ выходятъ семь Ангеловъ, держащихъ семь фіаловъ гнѣва Божія, и изливаютъ ихъ на землю. Муки постигаютъ людей, поклонившихся Образу Звѣриному и принявшихъ начертаніе его, вся природа извращается въ свойствахъ своихъ, и страданія все возрастаютъ. „И они хулили имя Бога, имѣющаго власть надъ сими язвами, и не вразумились, чтобы воздать Ему славу". Когда пятый Ангелъ излилъ свой фіалъ,—„Царство Звѣря стало мрачно, и люди кусали языки свои отъ страданія, и хулили Бога небеснаго отъ страданій своихъ; и не раскаялись въ дѣлахъ своихъ". Когда излился на землю послѣдній фіалъ гнѣва Божія, изъ таинственнаго храма на небесахъ, гдѣ стоитъ Престолъ Бога, послышался голосъ говорящій: „свершилось", и вслѣдъ затѣмъ открывается видѣніе суда надъ блудницею:

„И пришелъ одинъ изъ седьми Ангеловъ, имѣвшихъ фіалы, и сказалъ мнѣ: „подойди, я покажу тебѣ судъ надъ великою блудницею, *сидящею на водахъ многихъ.*

„Съ нею блудодѣйствовали цари земные, и виномъ ея блудодѣянія упивались живущіе на землѣ".

„И повелъ меня въ духѣ въ пустыню; *и я увидѣлъ Жену, сидящею на Звѣрѣ багряномъ, преисполненномъ именами богохульными, съ седьмью головами и десятью рогами.*

„И *Жена облечена была въ порфиру и багряницу*, украшена золотомъ, драгоцѣнными камнями и жемчугомъ, *и держала золотую чашу въ рукѣ своей, наполненную мерзостью и нечистотою блудодѣйства ея.*

„И *на челѣ ея написано имя: Тайна*, Вавилонъ Великій, Мать блудницамъ и мерзостямъ земнымъ.

„Я видѣлъ, что *Жена упоена была кровію святыхъ и кровію свидѣтелей Іисусовыхъ*,—и видя ее, дивился удивленіемъ великимъ“.

Видя его удивляющимся, Ангелъ дѣлаетъ ему пояснения:

„Воды, которыя ты видѣлъ, гдѣ сидитъ блудница—суть люди и народы, и племена, и языки.

„И десять роговъ, которые ты видѣлъ на Звѣрѣ, *сіи возненавидятъ Блудницу, и разорятъ ее, и обнажатъ, и плоть ея съѣдятъ, и сожгутъ ее въ огнь*. Потому что Богъ положилъ имъ на сердцѣ исполнить волю Его.

„Жена же, которую ты видѣлъ—есть великій городъ, царствующій надъ земными царями“.

Вслѣдъ за этимъ наступаетъ видѣніе и самаго суда торжествующей блудницы, „введшей волшебствомъ своимъ въ заблужденіе всѣ народы“ (XVIII, 23) и „растлившей землю своимъ блудодѣйствомъ“ (XIX, 2). Цари земные, которые съ нею блудодѣйствовали, и торговцы, обогатившіеся отъ нея, „стоятъ вдали, отъ страха мученій ея, плача и рыдая“, и ударяя въ груди свои, восклицаютъ горестно и изумленно: „какой великій городъ былъ подобенъ этому“!

Чтобы сталъ болѣе понятенъ смыслъ всѣхъ этихъ словъ, замѣтимъ, что послѣ суда надъ блудницею сходитъ на послѣднюю брань со Звѣремъ и съ народами, которые поклонились ему, поражены были язвами, но еще не побѣждены, „Господь господствующихъ и царь царствующихъ“, и о Немъ повторяются (XIX, 15) слова, сказанныя о младенцѣ, рожденномъ Женою, котораго хотѣлъ поглотить Драконъ, но онъ былъ взятъ къ Богу.

Теперь мы будемъ продолжать рѣчь Инквизитора уже безъ перерывовъ. Сказавъ, что онъ, и съ нимъ единомышленные, отвергнувъ Христа и принявъ совѣты

Дьявола, овладѣютъ совѣстью людей, и мечемъ и царствомъ Кесаря, онъ такъ представляетъ отношеніе къ себѣ человѣчества, для котораго все это сдѣлано:

„Пройдутъ еще вѣка безчинства свободнаго ума ихъ, ихъ науки и антропофагіи,—потому что, начавъ возводить свою Вавилонскую башню безъ насъ, они кончатъ антропофагіей".

Наука, какъ точное познаніе дѣйствительности, не заключаетъ въ себѣ никакихъ неодолимо сдерживающихъ нравственныхъ началъ,—и возводя, при помощи ея, окончательное зданіе человѣческой жизни, никакъ нельзя отрицать, что, когда потребуется, не будетъ употреблено и чего-нибудь жестокаго и преступнаго. Идея Мальтуса (раздѣляемая даже такимъ мыслителемъ, какъ Д. С. Милль), что единственное средство для рабочихъ классовъ удержать на извѣстной высотѣ заработную плату заключается въ воздержаніи рабочихъ отъ брака и семьи, чтобы не размножать свое число, другими словами—въ низведеніи громадной массы женщинъ на степень только придатка къ извѣстной мужской функціи, можетъ служить примѣромъ жестокости и безнравственности, до которой можетъ доходить теоретическая мысль, когда ей не закрываетъ уста незыблемый религіозный законъ. И въ самомъ дѣлѣ, такъ какъ наукою же найдены безболѣзненные способы умирать (увеличенныя дозы анестезирующихъ средствъ), то почему не явиться второму Мальтусу, также одушевляемому „любовью къ ближнему", какъ и первый, который скажетъ, что „пусть браки будутъ, но дѣти отъ нихъ пусть поѣдаются",—что можетъ дѣлаться „не непремѣнно родителями", не будетъ стоить никакого страданія и станетъ „выгоднымъ для всего человѣчества".

„— Но тогда-то и приползетъ къ намъ Звѣрь", продол-

жаетъ Инквизиторъ, „и будетъ лизать ноги наши, и обрызжетъ ихъ кровавыми слезами изъ глазъ своихъ. Но мы сядемъ на Звѣря и воздвигнемъ чашу и на ней будетъ написано: *Тайна*. Но тогда лишь, и только тогда настанетъ для людей царство покоя и счастья. Ты гордишься своими избранниками, но у Тебя лишь *избранники*, а мы успокоимъ *всѣхъ*. Да и такъ-ли еще: сколь многіе изъ этихъ избранниковъ, изъ могучихъ, которые могли бы стать избранниками, *устали, наконецъ, ожидая Тебя, и понесли и еще понесутъ силы духа своего и жаръ сердца своего на иную ниву,—и кончатъ тѣмъ, что на Тебя, же и воздвигнутъ свободное знамя свое.* Но Ты самъ воздвигъ это знамя“.

Какія удивительныя слова, какое глубокое пониманіе всего анти-религіознаго движенія великихъ европейскихъ умовъ въ послѣднія столѣтія, съ признаніемъ мощи ихъ и великодушія, съ грустью за нихъ, но и вмѣстѣ съ указаніемъ ихъ заблужденія.

„У насъ же *всѣ* будутъ счастливы и не будутъ болѣе ни бунтовать, ни истреблять другъ друга, какъ въ свободѣ Твоей повсемѣстно. О, мы убѣдимъ ихъ, что они тогда только и станутъ свободными, когда откажутся отъ свободы своей *для насъ* и *намъ покорятся* И что же, правы: мы будемъ или солжемъ? Они сами убѣдятся, что правы ибо вспомнятъ, до какихъ ужасовъ рабства и смятенія доводила ихъ свобода Твоя. Свобода, свободный умъ и наука заведутъ ихъ въ такія дебри и поставятъ передъ такими чудами и неразрѣшенными тайнами, что одни изъ нихъ, непокорные и свирѣпые, истребятъ себя самихъ [1]), другіе непокорные, но

---

[1]) Теоретическая мысль, оправдывающая „самонстребленіе“, изложена Достоевскимъ въ „Дневникѣ писателя“, по поводу одного самоубійства. См. *Приложенія*.

малосильные и несчастные, истребятъ другъ друга [1]), а третьи, оставшіеся, слабосильные и несчастные, приползутъ къ ногамъ нашимъ и возопіютъ къ намъ: „Да, вы были правы, вы одни владѣли тайной Его, и мы возвращаемся къ вамъ: спасите насъ отъ себя самихъ“ [2]).

Въ абсолютной покорности и безволіи массъ откроется это спасеніе. Ничего не привнесутъ новаго имъ мудрые, взявшіе у нихъ свободу; но что̀ прежде было недостижимо — они достигнутъ, мудро направивъ ихъ волю и распредѣливъ ихъ трудъ:

„Получая отъ насъ хлѣбы, конечно, они ясно будутъ видѣть, что мы ихъ же хлѣбы, ихъ же руками добытые, беремъ у нихъ, чтобы имъ же роздать, безъ всякаго чуда; увидятъ, что не обратили мы камней въ хлѣбы, но воистину болѣе, чѣмъ самому хлѣбу, рады они будутъ тому, что получаютъ его изъ рукъ нашихъ! Ибо слишкомъ будутъ помнить, что прежде, безъ насъ, самые хлѣбы, добытые ими, обращались въ рукахъ ихъ лишь въ камни, а когда они воротились къ намъ, то самые камни обратились въ рукахъ ихъ въ хлѣбы“.

Это говорится о нашемъ времени, когда, при свободномъ соперничествѣ, несмотря на необъятныя массы производимыхъ продуктовъ—необъятныя народныя массы едва влачатъ скудное существованіе, и все уходитъ куда-то, расточается, пропадаетъ вслѣдствіе несогласо-

---

[1]) Соотвѣтствующую мысль см. въ „Бѣсахъ“, слова Кирилова Петру Верховенскому, передъ самоубійствомъ: „убить *другого* будетъ самымъ низкимъ пунктомъ моего своеволія, и въ этомъ (предложеніи)—весь ты. Я не ты: я хочу высшій пунктъ и *себя* убью“. Стр. 552 изд. 82 г.

[2]) Основная задача исторіи, — которая при сліяніи въ одно субъекта и объекта (и спасаемый, и спасающій есть человѣкъ) неразрѣшима, и разрѣшается лишь при ихъ раздѣленіи (въ религіи, гдѣ спасаемый есть человѣкъ и спасающій его есть Богъ).

ванности между собою человѣческихъ желаній и дѣйствій. Напротивъ, когда укоротятся желанія роскошествующихъ теперь и согласуется въ одно цѣлое трудъ всего человѣчества, даже если онъ и не будетъ обременителенъ, какъ теперь повсюду—произведенныхъ продуктовъ хватитъ для безбѣднаго существованія всѣхъ.

„Слишкомъ, слишкомъ оцѣнятъ они, что̀ значитъ разъ навсегда подчиниться [1])! И пока люди не поймутъ сего, они будутъ несчастны. Кто болѣе всего способствовалъ этому непониманію, скажи? Кто раздробилъ стадо и разсыпалъ его по путямъ невѣдомымъ? Но стадо вновь соберется и вновь покорится, и уже разъ навсегда. *Тогда мы дадимъ имъ тихое, смиренное счастье, счастье слабосильныхъ существъ, какими они и созданы* [2]). О, мы убѣдимъ ихъ, наконецъ, не гордиться, ибо Ты вознесъ ихъ и тѣмъ научилъ гордиться; докажемъ имъ, что они слабосильны, что они только жалкія дѣти, но *что дѣтское счастье слаще всякаго.* Они станутъ робки и станутъ прижиматься къ намъ въ страхѣ, какъ птенцы къ насѣдкѣ. Они будутъ дивиться и ужасаться на насъ, и гордиться тѣмъ, что мы такъ могучи и такъ умны, что смогли усмирить такое буйное тысячемилліонное стадо. Они будутъ разслабленно трепетать гнѣва нашего, умы ихъ оробѣютъ, глаза ихъ станутъ слезоточивы, какъ у дѣтей и женщинъ, но столь же легко будутъ переходить они по нашему мановенію къ веселью и смѣху, свѣтлой радости и счастливой дѣтской пѣсенкѣ [3]). Да,

---

1) „Въ мірѣ одного недостаетъ, одному нужно устроиться—*послушанію*“, говоритъ Достоевскій въ „Бѣсахъ“ (устами Петра Верховенскаго). Изд. 82, стр. 374.

2) Эти и тотчасъ ниже отмѣченныя слова составляютъ третью центральную мысль „Легенды“.

3) Это „разслабленіе“ человѣческой природы въ сущности то-

мы заставимъ ихъ работать, но въ свободные отъ труда часы мы устроимъ имъ жизнь, какъ дѣтскую игру, съ дѣтскими пѣснями, хорами, съ невинными плясками. О, мы разрѣшимъ имъ и грѣхъ [1]); они слабы и безсильны, они будутъ любить насъ, какъ дѣти, за то, что мы имъ позволимъ грѣшить. Мы скажемъ имъ, что всякій грѣхъ будетъ искупленъ, если сдѣланъ будетъ съ нашего позволенія; позволяемъ же имъ грѣшить потому, что ихъ любимъ, наказаніе же за эти грѣхи, такъ и быть, возьмемъ на себя [2]). И возьмемъ на себя, а насъ они будутъ обожать, какъ благодѣтелей, понесшихъ на себѣ ихъ грѣхи передъ Богомъ. И не будетъ у нихъ никакихъ отъ насъ тайнъ. Мы будемъ позволять или запрещать имъ жить съ ихъ женами и любовницами, имѣть или не имѣть дѣтей, все судя по ихъ послушанію,—и они будутъ намъ покоряться съ веселіемъ и радостью. Самыя мучительныя тайны ихъ совѣсти,—все, все понесутъ они намъ, и мы все разрѣшимъ, и они повѣрятъ рѣшенію нашему съ радостью, потому что оно избавитъ ихъ отъ великой заботы и страшныхъ теперешнихъ мукъ рѣшенія личнаго и свободнаго“.

Едва ли въ послѣднихъ словахъ не содержится указаніе и на возможность регулировать самое народонаселеніе, его ростъ или умаленіе,—все смотря по нуждамъ текущаго историческаго момента. Общая же мысль этого

ждественно искусственному „пониженію“ ея психическаго уровня и только совершится не насильственно, но мирно.

[1]) Преступное въ исторіи, ставъ предусмотрѣннымъ и разрѣшеннымъ въ предѣлахъ необходимаго, тотчасъ утратитъ свой опасный и угрожающій характеръ.

[2]) Вся эта картина будущей полу-безгрѣшной жизни повторяется Достоевскимъ еще разъ въ „Подросткѣ“, въ разговорѣ Версилова съ своимъ сыномъ.

мѣста состоитъ въ томъ, что весь размахъ страсти будетъ удаленъ изъ человѣчества, людямъ будутъ оставлены лишь подробности и мелочи грѣха, а его во всей его глубинѣ возьмутъ тѣ, которые въ силахъ сдержать всякій размахъ и вынести всякую тягость. Такимъ образомъ и неразрѣшимыя противорѣчія исторіи и непостижимыя тайныя движенія человѣческой души—все то, что мѣшаетъ человѣку жить на землѣ—будетъ сосредоточено на плечахъ немногихъ, которые въ силахъ выдержать познаніе добра и зла. Можно сказать — исторія умолкнетъ, и останется только тайная исторія немногихъ великихъ душъ, которой, конечно, никогда не будетъ суждено стать разсказанною.

XVII

„И всѣ будутъ счастливы“, заканчиваетъ Инквизиторъ, „всѣ милліоны существъ, кромѣ сотни тысячъ управляющихъ ими. Ибо лишь мы, мы, хранящіе *тайну*, только мы будемъ несчастны. Будутъ тысячи милліоновъ счастливыхъ младенцевъ и сто тысячъ страдальцевъ, взявшихъ на себя проклятіе познанія добра и зла. Тихо умрутъ они, тихо угаснутъ во имя Твое,—и за гробомъ обрящутъ лишь смерть [1]). Но мы сохранимъ секретъ и для ихъ же счастья будемъ манить ихъ наградой небесною и вѣчною. Ибо *если-бъ и было что на томъ свѣтѣ, то ужъ, конечно, не для такихъ, какъ они*“.

Гордость словъ этихъ, такъ просто сказанныхъ, неизъяснима: за ними чувствуется мощь, дѣйствительно свободно озирающая нескончаемые пути исторіи и твердо

---

1) Сравни тонъ и мысли въ указанномъ уже выше мѣстѣ „Подростка“.

взвѣшивающая въ своей рукѣ мѣру человѣческаго сердца и человѣческой мысли. Мы не удивляемся, слыша далѣе такія слова, относящіяся къ приведенному выше Откровенію Св. Іоанна:

„Говорятъ и пророчествуютъ, что Ты придешь и вновь побѣдишь, придешь со своими избранниками, со своими гордыми и могучими: но мы скажемъ, что они спасли лишь *себя*, а мы спасли *всѣхъ*. Говорятъ, что опозорена будетъ Блудница, сидящая на Звѣрѣ и держащая въ рукахъ своихъ *тайну*, что взбунтуются вновь малосильные, что разорвутъ порфиру ея и обнажатъ ея „гадкое“ тѣло. Но я тогда встану и укажу Тебѣ на тысячи милліоновъ счастливыхъ младенцевъ, не знавшихъ грѣха. И мы, взявшіе грѣхи ихъ для счастья ихъ на себя, мы станемъ предъ Тобою и скажемъ: *суди насъ, если можешь и смѣешь*. Знай, что я не боюсь Тебя. Знай, что и я былъ въ пустынѣ, что и я питался акридами и кореньями, что и я благословлялъ свободу, которою Ты благословилъ людей, и я готовился стать въ число избранниковъ Твоихъ, въ число могучихъ и сильныхъ съ жаждой „восполнить число“. Но я очнулся и не захотѣлъ служить безумію. Я воротился и примкнулъ къ сонму тѣхъ, которые *исправили* подвигъ Твой. Я ушелъ отъ гордыхъ и воротился къ смиреннымъ для счастья этихъ смиренныхъ. То, что я говорю Тебѣ, сбудется, и царство наше созиждется. Повторяю Тебѣ, завтра же Ты увидишь это послушное стадо, которое по первому мановенію моему бросится подгребать горячіе угли къ костру Твоему, на которомъ сожгу Тебя за то, что пришелъ намъ мѣшать. Ибо если былъ, кто болѣе всѣхъ заслужилъ нашъ костеръ, то это — Ты. Завтра сожгу Тебя. Dixi“.

Инквизиторъ останавливается. Среди глубокаго без-

молвія тѣсной сводчатой тюрьмы онъ глядитъ на своего Узника и ждетъ Его отвѣта. Ему тягостно молчаніе и тягостенъ проникновенный и тихій взглядъ, которымъ Онъ продолжаетъ еще смотрѣть на него, какъ и во все время рѣчи. Пусть бы что-нибудь горькое и страшное сказалъ Онъ, но только не оставлялъ бы его безъ отвѣта. Вдругъ Узникъ приближается къ нему и молча цѣлуетъ его въ его блѣдныя, старческія уста. „Вотъ и весь отвѣтъ“. Инквизиторъ вздрогнулъ, что-то зашевелилось въ его губахъ. Онъ подходитъ къ двери, отворяетъ ее и говоритъ Ему:—„Ступай и не приходи болѣе... не приходи вовсе... никогда, никогда!“ Узникъ выходитъ на „темныя стогна града“. Севильская ночь также бездыханна. Съ темныхъ небесъ яркія звѣзды льютъ тихій свѣтъ на безмятежную землю. Городъ спитъ; и только старикъ стоитъ и смотритъ на дремлющую природу, у отворенной двери, съ тяжелымъ ключемъ въ рукѣ. На его сердцѣ горитъ поцѣлуй, но... „онъ остается въ прежней идеѣ“ и... его Царство созиждется.

Такъ оканчивается поэма. Вѣка снова сдвигаются, умершіе уходятъ въ землю, и передъ нами снова маленькій трактиръ, гдѣ двое братьевъ часъ тому назадъ заговорили о разныхъ тревожныхъ вопросахъ. Но, что бы они не говорили теперь, мы ихъ не будемъ болѣе слушать. Душа наша полна иныхъ мыслей, и въ ушахъ всѐ звучитъ точно какая-то мефистофелевская пѣснь, пропѣтая съ надзвѣздной высоты надъ нашею бѣдною землей.

Мы расчленили ее на части и вдумались въ каждое ея слово; но вотъ онѣ прозвучали всѣ, и у насъ остается только воспоминаніе о цѣломъ, въ которомъ мы еще не отдали себѣ отчета.

Прежде всего насъ поражаетъ необыкновенная сложность ея и разнообразіе, соединенныя съ величайшимъ единствомъ. Самая горячая любовь къ человѣку въ ней сливается съ совершеннымъ къ нему презрѣніемъ, безбрежный скептицизмъ —съ пламенною вѣрою, сомнѣніе въ зыбкихъ силахъ человѣка — съ твердою вѣрою въ достаточность своихъ силъ для всякаго подвига; наконецъ, замыселъ величайшаго преступленія, какое было совершено когда-либо въ исторіи, съ неизъяснимо высокимъ пониманіемъ праведнаго и святого. Все въ ней необыкновенно, все чудно. Точно тѣ зыбкія струи добра и зла, которыя льются и переливаются въ исторіи, сплетая ея многосложный узоръ, вдругъ соединились, слились между собою; и, какъ въ тотъ первый моментъ, когда человѣкъ впервые научился различать ихъ и началъ свою исторію, мы снова видимъ ихъ нераздѣльными,—и также, какъ онъ тогда, поражены ужасомъ и недоумѣніемъ. Гдѣ Богъ, и истина, и путь?—спрашиваемъ мы себя, потому что вдругъ, какъ никогда еще, чувствуемъ неудержимую свою гибель, ощущаемъ приближеніе страшнаго и отвратительнаго существа, о которомъ намъ такъ много передавали въ поэзіи и прозѣ, что мы серьезно начали считать его простой забавой фантазіи, и вдругъ теперь слышимъ его леденяще прикосновеніе и звукъ его голоса. Одинъ человѣкъ, который жилъ между нами, но, конечно, не былъ похожъ ни на кого изъ насъ, непостижимымъ и таинственнымъ образомъ почувствовалъ *дѣйствительное* отсутствіе Бога и присутствіе *другого*, и передъ тѣмъ, какъ умереть, передалъ намъ ужасъ своей души, своего одинокаго сердца, безсильно бьющагося любовью къ Тому, Кого—нѣтъ, безсильно убѣгающаго отъ того, кто—есть. Всю жизнь онъ проповѣдывалъ Бога, и изъ тѣхъ, которые

слышали его, одни смѣялись надъ его постоянствомъ и негодовали на его привязчивость, другіе ей умилялись, на него указывали. Но онъ будто не слышалъ ни этого негодованія ни этого умиленія. Онъ все говорилъ одно, и только удивительно было всѣмъ, почему онъ, съ такою радостною, утѣшительною идеею въ сердцѣ, самъ такъ безпросвѣтно сумраченъ, такъ тоскливъ и тревоженъ. Онъ говорилъ о радости въ Богѣ, онъ указывалъ на религію, какъ на единоспасительную для человѣка, и слова его звучали горячо и страстно, и самую природу, о которой онъ никогда не упоминалъ обыкновенно, онъ какъ будто начиналъ любить въ это время, понимать ея трепетъ, красоту и жизнь [1]). Точно какъ и она увяла отъ дыханія какого-то ледяного ощущенія въ душѣ его, и оживала, когда онъ забывался отъ него хоть въ звукѣ своихъ словъ. Были и признанія въ его словахъ, но онѣ всѣ были непоняты. Онъ проговаривался, что человѣкъ, у котораго дѣйствительно нѣтъ Бога въ душѣ, тѣмъ и страшенъ, что „приходитъ съ именемъ Бога на устахъ [2]). Эти слова читали, но ихъ смысла никто не уразумѣвалъ. И онъ сошелъ въ могилу, не узнанный, но тайну души своей не унесъ съ собою; точно толкаемый какимъ-то инстинктомъ, вовсе не чувствуя еще приближенія смерти, онъ оставилъ намъ удивительный образъ, взглянувъ на который, мы, наконецъ, все понимаемъ. „И *ты* съ нимъ“, эти слова, которыя обращаетъ горестно Алеша къ своему брату, когда выслушалъ его разсказъ, мы неудержимо обра-

---

[1]) Сравни описаніе природы (точнѣе—скудныя слова о ней) въ „Бѣдныхъ людяхъ“, въ „Запискахъ изъ подполья“ и пр., со словами о ней старца Зосимы („Братья Карамазовы“) и Макара Ивановича („Подростокъ“).

[2]) „Подростокъ“, стр. 363 (изд. 82 г.).

щаемъ къ самому автору, который такъ ясно стоитъ за нимъ: „и ты съ *нимъ*, съ могучимъ и умнымъ Духомъ, предлагавшимъ искушающіе совѣты въ пустынѣ Тому, Кто пришелъ спасти міръ, и которые ты такъ хорошо понялъ и истолковалъ, какъ будто придумалъ ихъ самъ!“ Признаніе въ частномъ письмѣ, которое дѣлаетъ Достоевскій задолго до написанія романа и которое мы указали выше, и слова, написанныя имъ въ своей записной книжкѣ незадолго до своей смерти: „*моя* осанна сквозь горнило испытаній прошла“, и ссылка при этомъ именно на „Легенду“; наконецъ, совершенная отдѣльность легенды отъ романа и вмѣстѣ центральное ея положеніе не только въ немъ, но и во всемъ длинномъ рядѣ его произведеній — все это не оставляетъ въ насъ болѣе сомнѣній насчетъ истиннаго ея смысла. Душа автора, очевидно, вплелась во всѣ удивительныя строки, которыя мы выписали выше, лица перемѣшиваются передъ нами, сквозя одно изъ-за другого, мы забываемъ говорящее лицо за Инквизиторомъ, мы видимъ даже и не Инквизитора, передъ нами стоитъ Злой Духъ, съ колеблющимся и туманнымъ образомъ, и, какъ двѣ тысячи лѣтъ назадъ, развиваетъ свое искусительное слово, такъ кратко сказанное тогда. И въ самомъ дѣлѣ, ему нужно говорить подробнѣе: его слушаютъ теперь люди, и нельзя передъ ними въ двухъ-трехъ словахъ замыкать всю исторію.

XVIII

Тонкая, искусительная и могучая діалектика его такъ и начинается, какъ она должна была начаться. Онъ называется „клеветникомъ“,—съ клеветы на человѣка и начинается его рѣчь.

Человѣческая природа—есть-ли она въ основѣ своей добрая и только искажена привнесеннымъ зломъ? или она отъ начала злая и только безсильно стремится подняться къ чему-то лучшему?—вотъ затрудненіе, рѣшивъ которое въ одну сторону, онъ основалъ на немъ всю свою мысль. Человѣкъ померкающая-ли искра, или онъ—холодный пепелъ, который можно только зажечь со стороны; что̀ такое онъ въ сокровенной своей сущности—вотъ на что мы должны отвѣтить, прежде чѣмъ рѣшимся бороться съ ней далѣе.

Только разъ дрогнула его рѣчь, только однажды онъ оговорился: это когда замѣтилъ, что за тѣмъ, кто поманитъ человѣка истиной, онъ побѣжитъ, „бросивъ даже и хлѣбы“.—„Въ этомъ Ты былъ правъ“, оговорился онъ. Въ мимолетномъ смущеніи этомъ не раскрылась-ли, чтобы вновь закрыться, настоящая истина? и если—*да*, то существуютъ-ли какіе-нибудь способы вывести ее къ свѣту нашего яснаго сознанія?

Искусительно развивается его діалектика: онъ беретъ самое важное — отношеніе человѣка къ Богу, и этимъ отношеніемъ измѣряетъ низость и постоянство его паденія. Стоя передъ ликомъ Бога, между Нимъ и человѣчествомъ въ его тысячелѣтнихъ судьбахъ, онъ указываетъ на Его святой образъ и, показавъ, что даже и надъ Нимъ сумѣлъ надругаться человѣкъ, спрашиваетъ о мѣрѣ его истиннаго достоинства. Кажется, что защищать себя—значитъ здѣсь не чувствовать святости образа, уже одною попыткою къ оправданію—лишаться всякаго на него права; какъ, подобнымъ же образомъ, ранѣе одна попытка не отказаться отъ правосудія Божія казалась ужасающимъ оскорбленіемъ для безвинно страдающихъ въ родѣ людскомъ. Чудная, въ самомъ дѣлѣ, рѣчь передъ нами: Божество и соединенный съ

Нимъ человѣкъ неопреодолимо разъединяются, и всякое усиліе помѣшать этому кажется возстаніемъ именно противъ Божества или противъ самого человѣка.

Но фактами временнаго отпаденія человѣка отъ Бога нельзя разрѣшить вопроса о добрѣ и злѣ, заложенномъ, какъ основа, въ его природу. Развѣ не столько же есть фактовъ неудержимаго влеченія человѣка къ Богу? Развѣ тѣ мученики, которыхъ наканунѣ своего монолога сжегъ инквизиторъ, не горѣли за то самое, что не преклонились передъ его бѣсовскою мыслью и до конца сохранили вѣрность истинѣ? Развѣ рыданія, которыя раздались въ народѣ, когда ему почудилось, что „Онъ, Онъ *Самъ* сошелъ къ нимъ увидѣть ихъ горести и страданія", ничего не говорятъ намъ о человѣческомъ сердцѣ? Развѣ пятнадцать вѣковъ неколеблющагося ожиданія ничего не значатъ? Кто смѣетъ, взявъ минуты человѣческаго паденія, даже если бы онѣ тянулись вѣка,—скажемъ яснѣе, прямо отвѣчая на скрытый вопросъ автора: кто можетъ, видя паденіе и низость своего вѣка и негодованіе возводя въ право, сказать клевету на *всю человѣческую исторію* и отвергнуть, что *въ цѣломъ своемъ* она есть чудное и высокое проявленіе если не человѣческой мудрости (въ чемъ можно сомнѣваться), то безкорыстнаго стремленія къ истинѣ и безсильнаго желанія осуществить какую-то правду?

Но и фактами высоты человѣческаго духа, какъ бы много ихъ ни было набрано, можно только поколебать доказывающее значеніе обратныхъ фактовъ, но вовсе нельзя разрѣшить вопроса, какова именно природа человѣка, къ которой, какъ къ узлу своему, восходятъ эти ряды столь противоположныхъ, взаимно отрицающихъ другъ друга, явленій.

Есть иной и твердый способъ, могущій пролить са-

мый отчетливый свѣтъ на это затрудненіе, отъ рѣшенія котораго въ ту или другую сторону зависитъ такъ много нашихъ надеждъ и вѣрованій. Устраняя смѣшанные и противорѣчивые факты исторіи, какъ бы снимая наростъ ихъ съ человѣка, можно взять его природу въ ея *первозданной чистотѣ* и опредѣлить ея необходимое соотношеніе съ вѣчными идеалами, стремленіе къ которымъ никогда не можетъ быть заподозрѣно: съ *истиною*, съ *добромъ и свободою*.

Въ сознаніи человѣка что̀ *предшествовало* одно другому—*ложь* правдѣ или *правда* лжи? вотъ простой вопросъ, отвѣтъ на который кладетъ начало непреодолимому разрѣшенію и общаго вопроса о всей человѣческой природѣ. Мы не можемъ здѣсь колебаться: ложь сама по себѣ есть нѣчто *вторичное*, она есть *нарушенная правда*, и ясно, что прежде, нежели нарушиться, правда уже *должна была существовать*. Она есть, такимъ образомъ, первозданное, отъ начала родившееся; *ложь* же есть *прившедшее, появившееся потомъ*. Ея происхожденіе все *въ исторіи*; происхожденіе же правды *въ самомъ человѣкѣ*. Она исходитъ отъ него, и вѣчно исходила бы одна, если бы на пути своемъ онъ не встрѣчалъ препятствій, отклоняющихъ его отъ нея. Но это показываетъ только, что причина всякой лжи лежитъ внѣ его. Первое движеніе человѣка всегда есть движеніе къ истинѣ, и мы не можемъ представить себѣ иного, если онъ свободенъ, т.-е. если чистъ отъ всякихъ привходящихъ вліяній, дѣйствуетъ въ силу одного устройства своихъ способностей. Можемъ-ли мы представить себѣ, чтобы первый человѣкъ, взглянувъ на міръ, окружающій его, и почувствовавъ первый восторгъ въ себѣ, сказалъ ложь объ этомъ мірѣ: притворился, что онъ не видитъ его, или, подавивъ въ себѣ чувство

благоговѣнія, сказалъ, что онъ ощущаетъ гадливость. И также всякій разъ, когда человѣкъ не боится, не достигаетъ, когда никакое стороннее желаніе не отвлекаетъ его отъ простого созерцанія—не произноситъ-ли онъ объ этомъ созерцаемомъ одной истины? И когда подъ вліяніемъ страха, или повинуясь какому-нибудь влеченію, онъ произноситъ ложь, развѣ онъ не ощущаетъ всякій разъ нѣкотораго страданія, нѣкоторой внутренней боли, происходящей оттого, что его мысль на пути къ своему внѣшнему выраженію подверглась нѣкоторому искажающему вліянію? Развѣ, чтобы произвести его въ себѣ, чтобы нѣчто подавить въ истинѣ или прибавить къ ней, не требуется всякій разъ нѣкоторое усиліе; и откуда было бы оно, если бы уже отъ начала человѣческая природа была безразлично наклонна какъ ко лжи, такъ и къ истинѣ?

Итакъ, между разумомъ человѣка, съ одной стороны, и между истиною, какъ вѣчно достигаемымъ объектомъ, съ другой, существуетъ не простое отношеніе, но *соотношеніе*. Вторая также неощутимо предустановлена въ первомъ, какъ для линіи, къ которой склонилась другая линія, неощутимо предустановлена точка далекаго съ ней соединенія. Ложь и заблужденіе, т.-е. зло, есть только препятствіе къ этому соединенію или отклоненіе отъ него; но оно не есть нѣчто самостоятельное, въ самомъ себѣ замкнутое или цѣльное, что разрывалось бы истиной. Истина безотносительна; это есть простое и нормальное взаимодѣйствіе между разумомъ человѣка и міромъ, въ которомъ живетъ онъ; напротивъ, ложь всегда относительна и частична: именно, она относится къ какой-нибудь частной мысли, правильность которой нарушаетъ. Поэтому какъ міръ цѣленъ, такъ можетъ быть цѣльное міросозерцанье, т. е. система гармониче-

ски соединенныхъ истинъ; напротивъ, ложь не можетъ быть устроена ни въ какую систему, и особенно въ такую, въ которой и принципы построенія были бы ложные. При всякой попыткѣ создавать непремѣнно ложныя мысли и непремѣнно ложно соединять ихъ, разумъ почувствуетъ нестерпимое страданіе,—и, даже заглушая его, все-таки не достигнетъ своей цѣли, гдѣ-нибудь въ построеніе введетъ невольно правильность; напротивъ, созданіе истинныхъ мыслей и соединеніе ихъ въ правильную систему всегда доставляло и доставляетъ разуму величайшее наслажденіе, и оно тѣмъ выше становится, чѣмъ ближе построяемое имъ къ чистой и безупречной истинѣ. Это страданіе и это наслажденіе есть показатель истинной природы человѣка; они опредѣляютъ ее какъ *благую*, но только въ первозданномъ состояніи; напротивъ, какъ измѣнившуюся въ исторіи, они показываютъ ее померкнувшей.

Вотъ почему если въ наукѣ или философіи мы иногда находимъ какъ будто нѣчто злое, чему непреодолимо противится наша природа, мы можемъ безъ предварительнаго изслѣдованія думать, что та часть ея, которая вызываетъ подобное смущеніе, содержитъ въ себѣ нѣчто ложное. И болѣе внимательное изученіе этой части, изученіе способа ея происхожденія, всегда и навѣрное откроетъ, что подъ нею лежитъ не чистая мысль, но мысль, искаженная какимъ-нибудь прившедшимъ чувствомъ, какимъ-нибудь страхомъ или влеченіемъ. Такъ, въ упомянутомъ законѣ Мальтуса истинна только основа его, что въ *нѣкоторыя* времена количество народонаселенія увеличивается въ геометрической прогрессіи, а количество продуктовъ производимыхъ—въ ариѳметической; но совершенно ложно противоестественное требованіе, будто бы рабочіе классы должны воздер-

живаться отъ браковъ. Подъ этимъ требованіемъ лежитъ забота, какъ бы роскошествующіе не потеряли права на роскошь, и страхъ, какъ бы бѣдные не начали, наконецъ, умирать съ голоду. О первой можно сказать, что она суетна, о второмъ—что онъ поспѣшенъ, потому что иные и болѣе глубокіе законы, законы самой рождаемости, очевидно оберегаютъ людей отъ подобнаго бѣдствія; и хотя историческаго времени прошло уже достаточно, чтобы законъ Мальтуса началъ дѣйствовать, однако никогда и нигдѣ еще родители ни начинали пожирать дѣтей своихъ, ни оставались безбрачными, но всегда и всюду находили пищу себѣ и дѣтямъ своимъ.

Чистая же мысль, въ абстрактной своей дѣятельности, можетъ создать только благое; и всякая наука и философія, насколько онѣ не измѣняютъ природѣ своей—благи и совершенны передъ человѣкомъ и передъ Богомъ. Смѣшеніе областей мышленія и чувства, искаженіе первой вторымъ или второго первымъ, порождаетъ все зло, какое когда-либо могло поднимать ропотъ даже и на свою природу, сѣтовать на слишкомъ большую глубину сознанія или на неудержимость страстей своихъ.

Напротивъ, когда области эти не извращены вмѣшательствомъ другъ друга, онѣ являются намъ какъ чистыя отъ зла. Разсмотрѣвъ первую изъ нихъ, область мышленія, мы перейдемъ ко второй.

Чувство въ первоначальной природѣ своей стремится-ли *къ доброму* и причиняетъ его, или оно стремится *къ злому* и ищетъ его? вотъ вопросъ, отвѣтъ на который продолжитъ начатое нами обнаруженіе первозданной природы человѣка. И здѣсь, опять, разрѣшеніе затрудненія не можетъ возбуждать колебаній. Жажда при-

чинить другому зло есть всегда *отвѣтная,* и она вызывается уже страданіемъ, перенесеннымъ отъ другого. Такимъ образомъ, характеръ *дурного чувства* такъ же необходимо *вторичнъ* и *производенъ*, какъ и характеръ лжи. Какъ невозможно представить себѣ, чтобы первый человѣкъ, взглянувъ на природу, *солгалъ* о ней, такъ нельзя допустить, чтобы тотъ же первый человѣкъ, ощутивъ около себя второго и уже какимъ-нибудь образомъ узнавъ, *что̀ такое боль и страданіе,* захотѣлъ бы его *подвергнуть имъ*; чтобы онъ не оттолкнулъ его отъ дерева, которое грозитъ его задавить, не предупредилъ бы его о глубинѣ воды, въ которой самъ разъ тонулъ, или не позвалъ къ себѣ подъ одинокій кустъ во время палящаго зноя полудня. И повсюду, какъ въ этихъ примѣрахъ, разъ мы найдемъ человѣка не воспринявшимъ изъ окружающаго или изъ прошедшаго какого-нибудь зла, мы найдемъ его природу *расположенною только къ добру*. Оно есть *первое*, къ чему влечется человѣческое чувство, зло же всегда есть второе и привходящее извнѣ. Чувства внутренняго страданія или внутренней радости и здѣсь могутъ служить такими же вѣрными указателями истины, какъ въ сферѣ сознанія. Первое смутно и непреодолимо овладѣваетъ человѣкомъ и возрастаетъ по мѣрѣ того, какъ его душою овладѣваетъ зло; напротивъ, свѣтлая ясность сопровождаетъ благожелательную жизнь, какими бы физическими бѣдствіями она ни угнеталась. Страданіе здѣсь вытекаетъ изъ несоотвѣтствія зла съ человѣческою природою, а ясность духа—изъ ихъ гармоніи.

На отвѣтномъ происхожденіи всякаго зла основывается и глубокое ученіе о несопротивленіи ему: дѣйствительно, насколько ученіе это выполняется, настолько выдѣляется, исчезая, изъ жизни зло. Удержаніе себя отъ

того, чтобы отвѣчать на зло зломъ, подсѣкаетъ его въ корнѣ; оно утишаетъ въ отдѣльныхъ точкахъ ту взволнованность другъ за друга цѣпляющихся страстей, которою переполнена уже вся жизнь и оплетена воля каждой личности. Трудное въ началѣ и совершенно незамѣтное по своимъ послѣдствіямъ, оно съ каждымъ шагомъ дѣлается легче, и его слѣдствія—ощутительнѣе. Страсти, переставая возбуждать другъ друга, постепенно утихаютъ, и каждое причиненное зло, не возбуждая никакого отвѣта, неизбѣжно умираетъ. Для тѣхъ, кто привыкъ думать, что исторія и вся прелесть жизни состоитъ именно изъ игры страстей, и что лучше уже переносить зло, нежели лишиться его свободной и обольстительной красоты, можно замѣтить, что радость ощущенія внутренней чистоты своей и ощущенія гармоніи со своимъ духомъ всей окружающей жизни, съ избыткомъ вознаградить человѣческое сердце за то утраченное, чѣмъ такъ мучительно и слѣпо наслаждается оно теперь.

Относительно третьей стороны человѣческой природы, *воли*, вопросъ о ея первоначальной чистотѣ или испорченности разрѣшается изслѣдованіемъ: находится-ли она въ соотвѣтствіи съ послѣднимъ великимъ идеаломъ, къ которому можетъ стремиться человѣкъ — *свободою*. И здѣсь мысленный опытъ даетъ ясное разрѣшеніе. Свобода есть внѣшняя дѣятельность, соотвѣтствующая внутренней, и она является осуществленною вполнѣ, когда первая безъ остатка есть слѣдствіе второй. Ясно, что если бы человѣкъ могъ быть разобщеннымъ съ прошедшимъ и окружающимъ, его внѣшняя дѣятельность, которая, однако, должна имѣть свою причину, могла бы имѣть ее только во внутренней психической дѣятельности, т.-е. его воля внѣ постороннихъ вліяній безусловно

свободна. Въ дѣйствительности же, когда онъ соединенъ съ прошедшимъ и окружающимъ, его внѣшняя дѣятельность перестаетъ гармонировать съ внутреннею, и притомъ всегда въ той именно мѣрѣ, съ какою силою дѣйствуетъ на него внѣшность. Это значитъ, что *умаленіе человѣческой свободы*, ея подавленность или извращеніе, *идетъ не извнутри его природы, но извнѣ*. Страданіе, которое всегда сопровождаетъ это чувство подавленности, и здѣсь указываетъ на истинный характеръ этой стороны человѣческаго духа.

Истина, добро и *свобода* суть главные и постоянные идеалы, къ осуществленію которыхъ направляется человѣческая природа въ главныхъ элементахъ своихъ—*разумѣ, чувствѣ* и *волѣ*. Между этими идеалами и первозданнымъ устройствомъ человѣка есть соотвѣтствіе, въ силу котораго она неудержимо стремится къ нимъ. И такъ какъ идеалы эти ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть признаны дурными, то и *природа человѣческая въ своей первоначальной основѣ должна быть признана добротою, благою.*

XIX

Это и подкапываетъ основаніе діалектики Инквизитора. „Иго мое *благо* и бремя мое *легко*“ (Матѳ., XI, 30), сказалъ Спаситель о своемъ ученіи. Дѣйствительно, исполненное высочайшей правды, призывая всѣхъ людей къ единенію въ любви, оставляя человѣку свободно слѣдовать лучшему, оно всѣмъ смысломъ своимъ отвѣчаетъ глубочайшимъ образомъ первозданной природѣ человѣка и будитъ ее снова сквозь тысячелѣтній грѣхъ, который обременилъ ее игомъ тягостнымъ и ненавистнымъ. Покаяться и послѣдовать Спасителю—это и значитъ снять съ себя ненавистное „иго“; это значитъ почувствовать себя

такъ радостно и легко, какъ чувствовалъ себя человѣкъ въ первый день своего творенія.

Здѣсь и лежитъ тайна нравственнаго перерожденія, совершаемая Христомъ въ каждомъ изъ насъ, когда мы обращаемся къ Нему всѣмъ сердцемъ. Нѣтъ иного слова, какъ „свѣтъ“, „радость“, „восторгъ“, которымъ можно бы было выразить это особенное состояніе, испытываемое истинными христіанами. Отъ этого-то уныніе признается Церковью такимъ тяжкимъ грѣхомъ: оно есть внѣшняя печать удаленія отъ Бога, и что̀ бы ни говорили уста человѣка, ему подпавшаго—его сердце далеко отъ Бога. Вотъ почему всякія утраты и всѣ внѣшнія бѣдствія для истиннаго христіанина и для общества людей, живущихъ по-христіански—то же, что завыванія вѣтра для людей, сидящихъ въ крѣпкомъ, хорошо согрѣтомъ и свѣтломъ домѣ. Христіанское общество безсмертно, неразрушимо,—настолько и до тѣхъ поръ, пока и въ какой мѣрѣ оно христіанское. Напротивъ, началами разрушенія проникнута бываетъ всякая жизнь, которая, ставъ однажды христіанскою, потомъ обратилась къ инымъ источникамъ бытія и жизни. Несмотря на внѣшніе успѣхи, при всей наружной мощи, она переполняется вѣяніемъ смерти, и это вѣяніе неопреодолимо налагаетъ свою печать на всякій индивидуальный умъ, на каждую единичную совѣсть.

„Легенду объ Инквизиторѣ“, въ отношеніи къ исторіи, можно разсматривать какъ мощное и великое отраженіе этого особеннаго духа. Отсюда вся скорбь ея, отсюда—безпросвѣтный сумракъ, который накидываетъ она на всю жизнь. Будь она истинною—человѣку невозможно было бы жить, ему оставалось бы, произнеся этотъ суровый приговоръ надъ собою—только умереть. Да этимъ отчаяніемъ она и кончается. Можно предста-

вить себѣ тотъ ужасъ, когда человѣчество, наконецъ устроившееся во имя высшей истины, вдругъ узнаетъ, что въ основу устроенія его положенъ обманъ, и что сдѣлано это потому, что нѣтъ вообще никакой истины, кромѣ той, что спасаться все-таки нужно и спасаться нечѣмъ. Въ сущности, смыслъ этого именно утвержденія и имѣютъ послѣднія слова Инквизитора, которыя въ день страшнаго возстанія народовъ онъ готовится обратить къ Христу: „суди меня, если можешь и смѣешь“. Сумракъ и отчаяніе здѣсь—сумракъ невѣдѣнія. „Кто *я* на землѣ? и что такое эта *земля*? и *зачѣмъ* все, что дѣлаю *я* и *другіе*?“ вотъ слова, которыя слышатся сквозь „Легенду“. Это и высказано въ концѣ ея. На слова Алеши брату: „твой Инквизиторъ просто въ Бога не вѣруетъ“, тотъ отвѣчаетъ: „*наконецъ-то ты догадался*“.

Это и опредѣляетъ ея историческое положеніе. Вотъ уже болѣе двухъ вѣковъ минуло, какъ великій завѣтъ Спасителя: „ищите *прежде* Царствія Божія и все остальное приложится вамъ“—европейское человѣчество исполняетъ наоборотъ, хотя оно и продолжаетъ называться христіанскимъ. Нельзя и не слѣдуетъ скрывать отъ себя, что въ основѣ этого лежитъ тайное, вслухъ невысказываемое сомнѣніе въ божественности самого завѣта: Богу вѣруютъ и повинуются ему слѣпо. Этого-то и не находимъ мы: интересы государства, даже успѣхи наукъ и искусствъ, наконецъ простое увеличеніе производительности—все это выдвигается впередъ безъ какой-либо мысли о противодѣйствіи имъ; и все, что есть въ жизни поверхъ этого—религія, нравственность, человѣческая совѣсть—все это клонится, раздвигается, давится этими интересами, которые признаны высшими для человѣчества. Великіе успѣхи Европы въ сферѣ внѣшней куль-

туры всѣ объясняются этимъ измѣненіемъ. Вниманіе къ внѣшнему, ставъ *безраздѣльнымъ*, естественно углубилось и утончилось; послѣдовали открытія, какихъ и не предполагали прежде, настали изобрѣтенія, которыя справедливо вызываютъ изумленіе въ самихъ изобрѣтателяхъ. Все это слишкомъ объяснимо, слишкомъ понятно, всего этого слѣдовало ожидать еще два вѣка назадъ. Но слишкомъ же понятно и другое, что съ этимъ неразъединимо слилось: постепенное затемнѣніе и, наконецъ, утрата высшаго смысла жизни.

Необозримое множество подробностей и отсутствіе среди ихъ чего-либо главнаго и связующаго—вотъ характерное отличіе европейской жизни, какъ она сложилась за два послѣдніе вѣка. Никакая общая мысль не связуетъ болѣе народовъ, никакое общее чувство не управляетъ ими,—каждый и во всякомъ народѣ трудится только надъ своимъ особымъ дѣломъ. Отсутствіе согласующаго центра въ неумолкающемъ трудѣ, въ вѣчномъ созиданіи частей, которыя никуда не устремляются, есть только наружное послѣдствіе этой утраты жизненнаго смысла. Другое и внутреннее его послѣдствіе заключается во всеобщемъ и неудержимомъ исчезновеніи интереса къ жизни. Величественный образъ Апокалипсиса, гдѣ говорится о „подобіи свѣтильника“, ниспадающемъ въ концѣ временъ на землю, отъ котораго „стали источники ея горьки“, гораздо болѣе, чѣмъ къ реформаціи, примѣнимъ къ просвѣщенію новыхъ вѣковъ. Результатъ столькихъ усилій самыхъ возвышенныхъ умовъ въ человѣчествѣ, оно никого болѣе не удовлетворяетъ, и всего менѣе тѣхъ, которые надъ нимъ трудятся. Какъ холоднаго пепла остается тѣмъ больше, чѣмъ сильнѣе и ярче горѣло пламя, такъ и это просвѣщеніе тѣмъ болѣе увеличиваетъ необъяснимую грусть, чѣмъ жаднѣе прини-

каешь къ нему въ началѣ. Отсюда глубокая печаль всей новой поэзіи, смѣняющаяся кощунствомъ или злобою; отсюда особенный характеръ господствующихъ философскихъ идей. Все сумрачное, безотрадное, неудержимо влечетъ къ себѣ современное человѣчество, потому что нѣтъ болѣе радости въ его сердцѣ. Спокойствіе стариннаго разсказа, веселость прежней поэзіи, какою бы красотою это ни сопровождалось, не интересуетъ и не привлекаетъ болѣе никого: люди дико сторонятся отъ всего подобнаго, имъ невыносима дисгармонія свѣтлыхъ впечатлѣній, идущихъ снаружи, съ отсутствіемъ какого-либо свѣта въ ихъ собственной душѣ. И по-одиночкѣ, злобно или насмѣшливо высказываясь, они оставляютъ жизнь. Наука опредѣляетъ цифры этихъ „оставляющихъ“, указываетъ, въ какихъ странахъ и когда онѣ повышаются и понижаются, а современный читатель, гдѣ-нибудь въ одинокомъ углу, невольно думаетъ про себя: „что въ томъ, что онѣ повышаются или понижаются, когда мнѣ нечѣмъ жить,—и никто не хочетъ или не можетъ дать мнѣ то, чѣмъ можно жить!“

Отсюда—обращеніе къ религіи, тревожное и тоскливое, съ пламенною ненавистью ко всему, что его задерживаетъ, и вмѣстѣ съ ощущеніемъ безсилія слиться въ религіозномъ настроеніи съ милліонами людей, которые оставались въ сторонѣ отъ просвѣтительнаго движенія новыхъ вѣковъ. Пламенность и скептицизмъ, глухое отчаяніе и риторика словъ, которою, за неимѣніемъ лучшаго, заглушается потребность сердца—все удивительнымъ образомъ смѣшивается въ этихъ порывахъ къ религіи. Жизнь изсякаетъ въ своихъ источникахъ и распадается, выступаютъ непримиримыя противорѣчія въ исторіи и нестерпимый хаосъ въ единичной совѣсти,—и религія представляется, какъ послѣдній еще неиспы-

танный выходъ изъ всего этого. Но даръ религіознаго чувства пріобрѣтается, быть можетъ, труднѣе всѣхъ остальныхъ даровъ. Уже надежды есть, безчисленные извивы діалектики подкрѣпляютъ ихъ; есть и любовь, съ готовностью отдать все ближнему, за малѣйшую радость его пожертвовать всѣмъ счастьемъ своей жизни, а, между тѣмъ—вѣры нѣтъ; и все зданіе доказательствъ и чувствъ, нагроможденныхъ другъ на друга и взаимно скрѣпленныхъ, оказывается чѣмъ-то похожимъ на прекрасное жилище, въ которомъ некому обитать. Вѣка слишкомъ большой ясности въ понятіяхъ и отношеніяхъ, привычка и уже потребность вращаться сознаніемъ исключительно въ сферѣ доказуемаго и отчетливаго, настолько истребили всякую способность мистическихъ воспріятій и ощущеній, что, когда отъ нихъ зависитъ даже и спасеніе, она не пробуждается.

Всѣ отмѣченныя черты глубоко запечатлѣлись на „Легендѣ“: она есть единственный въ исторіи синтезъ самой пламенной жажды религіознаго съ совершенною неспособностью къ нему. Вмѣстѣ съ этимъ въ ней мы находимъ глубокое сознаніе человѣческой слабости, граничащее съ презрѣніемъ къ человѣку, и одновременно любовь къ нему, простирающуюся до готовности—оставить Бога и пойти раздѣлить униженіе человѣка, звѣрство и глупость его, но и вмѣстѣ—страданіе.

XX

Намъ остается отмѣтить еще послѣднюю черту этой „Легенды“: ея отношеніе къ великимъ формамъ, въ которыя уже вылилось религіозное сознаніе европейскихъ народовъ. Въ своемъ характерѣ, въ своемъ происхожденіи оно, это отношеніе, въ высшей степени незави-

симо: очень похоже на то, что человѣкъ, разошедшійся съ религіозными формами какого бы то ни было народа и какого бы то ни было времени, начинаетъ тревогами своей совѣсти приводиться къ мысли о религіи и развиваетъ ее самостоятельно, исключительно изъ этихъ тревогъ. Строго говоря, въ ней только мелькаютъ имена Христіанства и Католицизма; но изъ перваго взято для критики только высокое понятіе о человѣкѣ, а изъ второго—презрѣніе къ нему и страшная попытка сковать его судьбы и волю индивидуальною мудростью и силой. Бурно, неодолимо развертывающаяся мысль, какъ будто почуявъ въ двухъ фактахъ исторіи что-то подобное себѣ, потянула ихъ къ себѣ, искажая и перемалывая ихъ въ оборотахъ діалектики, ничѣмъ, кромѣ законовъ души, въ нѣдрахъ которой она зародилась, не управляемой.

Абстрактный, обобщающій складъ этой души сказался въ томъ, что „Легенда“ только опирается на внутреннія потребности человѣческой природы, но отвѣчаетъ не имъ, а историческимъ противорѣчіямъ. Устроить судьбы человѣчества на землѣ, воспользовавшись слабостями человѣка—вотъ ея замыселъ. И этою стороною своею она совпала съ тѣмъ, что можно было предполагать въ одной изъ установившихся формъ религіознаго сознанія,—въ Римско-Католической Церкви. Отсюда фабула „Легенды“, канва, въ которую вотканы ея мысли. Но здѣсь, заговоривъ объ ея отношеніи къ предполагаемой католической идеѣ, мы должны высказать взглядъ вообще на взаимное соотношеніе трехъ главныхъ христіанскихъ Церквей. Въ немъ откроется и окончательная точка зрѣнія, съ которой слѣдуетъ смотрѣть на эту „Легенду“ въ ея цѣломъ.

Стремленіе къ *универсальному* составляетъ самую

общую и самую постоянную черту Католической Церкви какъ стремленіе къ *индивидуальному*, *особенному*—коренную черту Протестантизма. Но если бы мы предположили, что эти, различныя въ основѣ своей черты, оригинальны въ самыхъ Церквахъ, или что онѣ какимъ бы то ни было образомъ вытекаютъ изъ духа Христіанства—мы глубоко ошиблись бы. Универсальность есть отличительная черта романскихъ *расъ*, какъ индивидуализмъ—германскихъ; и только поэтому Христіанство, распространяясь по западной Европѣ, восприняло эти особыя черты, встрѣтившись съ этими двумя противоположными типами народовъ. Что бы мы ни взяли, будемъ ли мы всматриваться въ одиночные факты или въ общее теченіе исторіи, обратимся-ли къ праву, къ наукѣ, къ религіи—всюду замѣтимъ мы, какъ управляющую идею, въ одномъ случаѣ направленіе къ всеобщему, въ другомъ—къ частному. Правовыя формулы древняго Рима, абстрактныя какъ и его боги, также годны для всякаго народа и для всякаго времени, какъ и принципы 89-го года, съ ихъ обращеніемъ къ человѣку, съ стремленіемъ на его правѣ утверждать и право француза. Исканіе всеобщаго съ увѣренностью подвести подъ него все частное слишкомъ ясно здѣсь сказывается. Философія Декарта, единственная великая у романскихъ расъ, также пытается свести все разнообразіе живой природы къ двумъ великимъ типамъ существованія, протяженію и мышленію,—какъ Горацій и Буало пытались свести къ простымъ и яснымъ правиламъ порывы поэтическаго восторга, какъ Кювье свелъ къ вѣчнымъ немногимъ типамъ животный міръ, и цѣлый рядъ великихъ математиковъ Франціи познаніе природы свели къ познанію алгебры, найдя слишкомъ конкретными даже геометрическіе чертежи. Интересъ и влеченіе ко

всеобщему и нѣкоторая слѣпота къ частному произвела всѣ эти великіе факты въ умственномъ мірѣ латинизированныхъ расъ; и имъ отвѣчаютъ не менѣе великіе факты ихъ политической исторіи. Жажда объединять, сперва охватывая и, наконецъ, стирая индивидуальное—есть не умирающая жажда Рима и всего, что̀ выростаетъ изъ его почвы. Этотъ глубокій, безсознательный и неудержимый инстинктъ заставилъ римскіе легіоны, вопреки яснымъ разсчетамъ, переходить изъ страны въ страну, дальше и дальше, и, наконецъ—туда, куда не захватывалъ уже и глазъ и умъ; и онъ же повлекъ миссіонеровъ римскаго епископа сперва въ Германію и Англію, а нѣсколько вѣковъ спустя—въ далекія и неизвѣстныя страны центральной Африки, внутренняго Китая и дальней Японіи. Сама Римская Церковь, непреодолимо отвращаясь отъ всего частнаго, разбросаннаго и единичнаго, точно свертывалась въ великіе духовные ордена—явленіе, совершенно исключительное во всемірной исторіи, не связанное ни съ какою чертою Христіанства и возникшее во всѣхъ своихъ разнообразныхъ формахъ и въ разныя времена на одной романской почвѣ. Какъ будто духъ монашества, духъ отшельничества и уединенія отъ міра, переселясь на эту почву—пошелъ въ міръ, чтобы подчинить его своимъ требованіямъ, понятіямъ, формамъ своего воззрѣнія и своего быта. Въ то время, какъ аскеты всѣхъ странъ, временъ и народовъ, отвращаясь отъ грѣшнаго человѣчества, бѣжали отъ него въ пустыню и тамъ спасали себя, аскеты Католической Церкви, дружно соединяясь въ одно, шли на это самое человѣчество, чтобы привести его къ тому, о чемъ для себя однихъ они никогда не могли думать. Съ этимъ стремленіемъ къ универсальному неотдѣлимо слилось у романскихъ расъ непони-

маніе индивидуальнаго, какъ бы слѣпота къ нему,—неспособность всмотрѣться въ его природу или пожалѣть его страданія. Слова римскаго легата, говорившаго воинамъ: „убивайте всѣхъ, Богъ на Послѣднемъ Судѣ отдѣлитъ католиковъ отъ еретиковъ“, были сказаны, быть можетъ, съ слишкомъ большою задумчивостью; по крайней мѣрѣ, по хроникамъ съ точностью извѣстно, что крестоносное ополченіе, двинувшееся на Лангедокъ, было одушевлено такимъ высокимъ религіознымъ духомъ, оно было такъ серьезно, что всякое наше желаніе принять эти слова за циническое кощунство—должно быть оставлено. Ученіе Кальвина, распространявшееся трудно по Франціи, грозило ей гораздо меньшимъ, чѣмъ Германіи пламя, зажженное Лютеромъ; и, однако, Варѳоломеевская ночь вспыхнула именно въ ней. Члены одной и той же семьи истребляли другъ друга, чтобы были одинаковы французы; какъ три вѣка спустя, за другіе принципы и съ такою же жестокостью, члены Конвента истребляли отличныхъ отъ себя людей во Франціи, а потомъ и въ собственныхъ нѣдрахъ своихъ, чувствуя тѣнь всякаго отличія въ убѣжденіяхъ—какъ преступленіе. Пренебреженіе къ человѣческой личности, слабый интересъ къ совѣсти другого, насильственность къ человѣку, къ племени, къ міру есть коренное и неуничтожимое свойство романскихъ расъ, сказавшееся въ великихъ фактахъ римской имперіи, французской централизаціи, въ наступательныхъ войнахъ католической реакціи и первой революціи, въ орденѣ іезуитовъ, въ инквизиціи, въ соціализмѣ [1]). Всегда и повсюду, съ кре-

---

[1]) Разумѣемъ идеи Фурье, Сенъ-Симона, Кабе, Луи-Блана и др:, въ которыхъ соціализмъ зародился какъ мечта, какъ страстное и тоскливое желаніе, прежде чѣмъ впослѣдствіи сталъ обо-

стомъ или съ пушками, подъ знаменами республики или подъ орлами Цезаря, во имя различныхъ истинъ въ разныя эпохи, народы, почуявшіе въ своихъ жилахъ римскую кровь, шли на другіе мирные народы, чтобы, не заглядывая глубоко имъ въ душу, заставить ихъ принять формы своего мышленія, своей вѣры, своего общественнаго устройства. Безжалостность къ человѣку и неспособность понять его, вмѣстѣ съ великою способностью устроенія человѣчества, сдѣлала народы эти какъ бы цементомъ, связующимъ въ великое цѣлое другія части, иногда неизмѣримо болѣе цѣнныя, но всегда болѣе мелкія. Ни что само по себѣ великое, истинное или святое не произведено романскимъ геніемъ; кромѣ одного—связи между всѣмъ великимъ, истиннымъ и святымъ, что создано было другими народами, но почему оно и образуетъ въ цѣломъ своемъ исторію. Отсюда притягательная сила формъ всѣхъ романскихъ цивилизацій; отсюда лиризмъ, вѣчное устремленіе къ чему-то, которое насъ поражаетъ въ католической музыкѣ. Иные народы, хотя бы болѣе глубокіе и содержательные, непреодолимо приковываются къ этимъ цивилизаціямъ, къ этой Церкви, наукѣ, литературѣ. Въ нихъ всѣхъ пробуждается тайный инстинктъ *единства*, и они съ тоскующимъ чувствомъ гасятъ свой высшій

сновываться, оправдывая эту мечту, научно. Можно вообще замѣтить, что какъ республика Фабіевъ и имперія Августовъ была романскою попыткою объединить человѣчество правомъ, такъ Католицизмъ былъ романскою же попыткою объединить его въ религіи, и соціализмъ является стремленіемъ, зародившимся также въ романскихъ расахъ—объединить его на экономической основѣ. Изъ этого видно, какъ, при измѣняющихся средствахъ, *цѣль* романскаго духа остается одна на протяженіи двухъ тысячелѣтій, т.-е. всего ихъ историческаго существованія.

геній, и идутъ, и сливаются съ чуднымъ зданіемъ, вѣковѣчнымъ, все возрастающимъ, холоднымъ, но и прекраснымъ.

Духъ германской расы, наоборотъ, повсюду и всегда что бы его ни занимало, устремляется къ *частному, особенному, индивидуальному*. Въ противоположность обнимающему взгляду романца, взглядъ германца есть проницающій, и отсюда—всѣ особенности ихъ права, науки, церкви, поэзіи. Человѣческая совѣсть вмѣсто судебъ человѣчества, домашній бытъ взамѣнъ политическихъ столкновеній, созерцаніе глубинъ собственнаго *я* вмѣсто познанія міра—все это различныя послѣдствія одного факта. Можно считать за результаты великаго недоразумѣнія принадлежность германскихъ народовъ къ Католической Церкви, и она сохранялась столько вѣковъ потому лишь, что они не видѣли истинныхъ стремленій Рима, ни Римъ не всматривался слишкомъ подробно и близко въ то, что было за Альпами. Реформаціонное движеніе, обнимающее два вѣка и раздѣлившее Европу на два пышущія враждою лагеря, было только обнаруженіемъ этого недоразумѣнія, удивительнымъ равно для обѣихъ сторонъ, съ тѣхъ поръ и навѣчно разошедшихся. Когда Лютеръ, бѣдный августинскій монахъ, забывъ о своемъ орденѣ, объ имперіи, о всемірной Церкви, и только прислушиваясь къ тревогамъ своей совѣсти, твердо сказалъ, что онъ не признаетъ себя заблуждающимся, пока ему не докажутъ этого „словомъ Божіимъ“,—въ немъ, въ этомъ упорномъ противопоставленіи своего *я* всему міру, впервые высказалась германская сущность и стала твердымъ фактомъ въ исторіи, отнынѣ не покоряющимся, но покоряющимъ. Міръ религіозныхъ сектъ, отсюда выросшихъ, это странное исповѣданіе Бога по-своему чуть не въ каждой мѣст-

ности, безъ какого-либо желанія согласовать свою вѣру съ вѣрою другихъ, есть въ сферѣ религіознаго сознанія то же, чѣмъ былъ ранѣе въ сферѣ общественно-политической феодализмъ [1]), это другое странное желаніе дѣлать повсюду центромъ своихъ понятій и интересовъ личное *я*, какъ нѣчто безусловное, что ни съ чѣмъ не согласуется, но съ чѣмъ должно согласоваться все другое. Наконецъ, третій великій фактъ, внесенный германскою расою въ исторію—ея особый способъ воззрѣнія на природу, ея философія—есть также только послѣдствіе этого направленія души. Какъ въ сферѣ религіозной, какъ въ сферѣ политической, такъ и здѣсь, въ умственной области, собственное *я* было признано высшими выразителями этой расы за источникъ нормъ, граней и связей, какія мы наблюдаемъ въ природѣ. И углубленное изученіе міра, которое для всѣхъ народовъ отъ начала исторіи было любопытнымъ разсматриваніемъ его и размышленіемъ о видѣнномъ,—для ряда великихъ прозорливцевъ, начиная съ Канта, стало только

---

[1]) Сущность феодализма едва-ли не удачнѣе всего выражена въ этой средневѣковой поговоркѣ: „Chaque seigneur est Souverain dans sa seigorie“, гдѣ не политическая связь, не экономическія отношенія, но именно *провинціализмъ*, если такъ можно выразиться, *воли* указанъ какъ главная особенность всего жизненнаго строя. Замѣчательно, что формула эта выразилась на французскомъ языкѣ, т.-е. сложилась въ умѣ гораздо болѣе способномъ къ обобщенію, къ улавливанію соединяющихъ чертъ въ комплексѣ разнородныхъ явленій, хотя ея предметомъ служитъ учрежденіе безспорно германскаго происхожденія (территорія распространенія феодализма есть въ то же время и территорія разселенія германскаго племени, которое въ первые вѣка нашей эры замѣшалось и въ исключительно романскія до того времени страны). Исчезнувъ во всѣхъ странахъ съ преобладающею романскою кровью, онъ однако сохранился доселѣ, какъ политическій партикуляризмъ, въ чисто германскихъ.

познаніемъ сокровенныхъ движеній собственнаго внутренняго существа. „Разумъ диктуетъ свои законы природѣ“, „міръ есть *мое* представленіе“, онъ есть „развитіе *идеи, мною* сознанной“, всѣ эти слова, съ удивленіемъ выслушанныя и повторенныя Европою, такъ глубоко предопредѣлены особымъ психическимъ складомъ германской расы, что, думая о нихъ и длинномъ рядѣ доводовъ, на который они, повидимому, безпристрастно опираются, мы, наконецъ, совсѣмъ теряемъ границу между предметнымъ познаніемъ и субъективною иллюзіею, и спрашиваемъ: какія же есть средства для человѣка пробиться сквозь условія вѣка, мѣста и племени? и какъ, будучи столь связанъ даже этими условіями, онъ могъ когда-нибудь надѣяться переступить даже черезъ условія своей человѣческой организаціи и достигнуть знанія абсолютнаго по полнотѣ и истинности?

И что бы другое, болѣе мелкое, мы ни взяли, повсюду отмѣтимъ на немъ то же тяготѣніе германскаго духа къ частному. Его поэзія, въ противоположность героической поэзіи романскихъ народовъ, избрала предметомъ своимъ міръ частныхъ отношеній, семью вмѣсто форума, сердце простого бюргера взамѣнъ высокаго долга и сложныхъ заботъ короля, завоевателя или ихъ совѣтниковъ. Мѣщанская драма, нравоописательный романъ, и къ нимъ примыкающая дѣятельность Лессинга и Аддисона, наконецъ, даже Гете, съ міромъ неопредѣленныхъ внутреннихъ тревогъ своего Фауста—все это, на чемъ мы хотѣли бы видѣть печать личнаго генія, носитъ на себѣ только печать генія своего народа. Пониманіе индивидуальнаго въ правѣ создало въ далекомъ сумракѣ среднихъ вѣковъ судъ 12 присяжниковъ, которые выносятъ приговоръ изъ глубины своей со-

вѣсти, а не находятъ его въ заранѣе предустановленной нормѣ общаго для всѣхъ случаевъ закона. Оно же непреодолимо отвращаетъ англійскій народъ отъ кодификаціи законовъ своихъ, растянувшихся на тысячелѣтіе, и вызвало глубокомысленныя изслѣдованія нѣмецкихъ ученыхъ надъ правомъ средневѣковымъ, надъ историческимъ его развитіемъ, наконецъ, надъ правомъ всѣхъ народовъ, гдѣ, на ряду съ самымъ высокимъ, внимательно обсуждается и самое первобытное. Слова великаго Гердера, что „*каждое* время и каждое мѣсто живетъ *для себя самого*“, открыли истинную эру въ пониманіи исторіи, указавъ на міръ индивидуальнаго и своеобразнаго, который долженъ быть познанъ въ ней. И какъ удивительно этимъ словамъ, обнимающимъ смыслъ того, что жило и умерло, отвѣчаютъ слова другого мыслителя Германіи, обращенныя къ совѣсти всего живого: „смотри на *всякаго*, себѣ подобнаго, какъ на *цѣль*, которая никогда и ни для чего не можетъ быть средствомъ“. Это царство цѣлей, для себя существующихъ, эта нравственная монадологія Канта въ какой живой связи находится съ идеями Лейбница,—и весь онъ, этотъ германскій міръ, точно разсыпавшійся на миріады средоточій, изъ которыхъ каждое только *себя* чувствуетъ и *черезъ себя* все познаетъ, всему вѣруетъ, на все дѣйствуетъ,—какъ удивительно этотъ міръ соотвѣтствуетъ тому другому міру, о которомъ мы говорили ранѣе, что онъ обнимаетъ, господствуетъ, опредѣляетъ формы, но безсиленъ создать какое-нибудь содержаніе. Точно эти двѣ противоположныя и соотвѣтствующія одна другой расы отражаютъ края какой-то великой ступни, которой движенія дѣлаютъ исторію, влекутъ вѣка и раздѣляютъ народы, въ своемъ свободномъ геніи лишь отпечатлѣвающіе волю иного чего-то

и высшаго, въ чью мысль прозрѣть имъ никогда не суждено.

Безбрежный мистицизмъ протестантства, жажда залить подвигомъ гдѣ-нибудь среди дикарей великую грусть своего сердца, также чувствуется въ германской расѣ, какъ тоскующее желаніе—въ звукахъ романской музыки, ея поэзіи, въ неустанной дѣятельности ея великихъ политиковъ. Непреодолимо разъединенныя и вѣчно ощущая недостатокъ другого, онѣ полны внутренней дисгармоніи, и эту дисгармонію изъ глубины своего духа вносятъ въ жизнь и въ исторію, которую создаютъ. Ихъ вѣчная борьба и неустанное созиданіе есть только борьба противоположностей, которыя никогда не смогутъ понять другъ друга, и подготовленіе формы и содержанія, которыя не сливаются въ живое цѣлое. Отсюда чувство неудовлетворительности, различное по всей исторіи, вѣчное достиганіе и недовольство всѣмъ достигнутымъ.

XXI

Внесеніе гармоніи въ жизнь и въ исторію, соединеніе красокъ и полотна въ живую картину—вотъ что не выполнено человѣкомъ на землѣ и чего такъ страшно недостаетъ ему. Недостаетъ „пальмовыхъ вѣтвей“ и „бѣлыхъ одеждъ“, внутренняго міра и радости, чтобы благословить Бога, свою судьбу, благословить другъ друга и всякое дѣло рукъ своихъ.

Какимъ внутреннимъ движеніемъ совершится это, какъ ощутится тотъ восторгъ души, котораго хватитъ на утоленіе всякой скорби, на примиреніе всякой ненависти—этого мы не можемъ знать. Мы можемъ только жаждать и ожидать этого, да ужъ и жаждаютъ и ожи-

даютъ всѣ народы, какъ чего-то должнаго и необходимаго.§

Раса, послѣднею выступившая на историческое поприще, къ которой принадлежимъ и мы, въ особенностяхъ своего психическаго склада несетъ наибольшую способность выполнить эту великую задачу. Одинаково чуждая стремленія какъ къ внѣшнему объединенію разнородныхъ элементовъ, такъ и къ безграничному уединенію каждаго элемента внутрь себя, она исполнена ясности, гармоніи, влеченія къ внутреннему согласованію какъ себя со всѣмъ окружающимъ, такъ и всего окружающаго между собою черезъ себя. Взамѣнъ насильственнаго стремленія романскихъ расъ все соединить единствомъ формы, не заглядывая въ индивидуальный духъ и не щадя его, и взамѣнъ упорнаго стремленія германскихъ расъ отъединиться отъ цѣлаго и уйти въ нескончаемый міръ подробностей,—раса славянская входитъ какъ внутреннее единство въ самыя разнообразныя и, повидимому, непримиримыя противоположности. Духъ состраданія и терпимости, которому нѣтъ конца, и одновременно отвращеніе ко всему хаотичному и сумрачному, заставляетъ ее, безъ какой-либо насильственности, медленно, но и вѣчно созидать ту гармонію, которая почувствуется же когда-нибудь и другими народами; и, вмѣсто того, чтобы, губя себя, разрушать ее, они подчинятся ея духу и пойдутъ, утомленные, ей навстрѣчу.

Сознаніе недостаточности тѣхъ идеаловъ, которые преслѣдуются другими расами, всего болѣе можетъ сосредоточить наши силы на собственномъ. Мы должны, наконецъ, понять, что все неисчислимое страданіе, которое несетъ человѣкъ въ исторіи и благословляетъ его, потому что оно дало ему будто бы „познаніе добра

и зла", въ дѣйствительности несется все-таки напрасно, и онъ такъ же далекъ отъ этого познанія, какъ и тогда, когда впервые протянулъ къ нему руку. Непереступаемыя границы, которыми опредѣленъ онъ и связанъ, даютъ ему только просвѣтъ къ этому познанію, тревожащій его и дразнящій, но черезъ который никогда не суждено ему взглянуть прямо на солнце правды. И мы должны также понять, что неустанное стремленіе „соединить разсыпавшееся стадо" человѣчества только раздѣлило его непримиримою враждою, и она всегда становилась тѣмъ яростнѣй, чѣмъ страстнѣе и насильственнѣе были самыя попытки къ соединенію. Понявъ это, мы сознаемъ, какъ обманчиво то величіе, къ которому влекся человѣкъ въ своей исторіи. Смиривъ свой духъ, мы увидимъ, что его задачи на землѣ ограниченнѣе. Переставъ вѣчно обращаться мыслью и желаніемъ къ чему-то далекому, мы снова почувствуемъ полноту силъ, возвратившихся къ намъ изъ безплоднаго скитанія. И мы поймемъ, какъ только произойдетъ это, высоту тѣхъ задачъ, которыя ранѣе казались намъ такъ незначительными и неинтересными. Мы поймемъ, что успокоить одно встревоженное сердце, утолить чью-нибудь тоску—это больше и выше, нежели сдѣлать самое блестящее открытіе или удивить міръ ненужнымъ подвигомъ. Подвиги наши станутъ къ намъ близки, они сведутся къ утишенію той скорби, которою залилъ себя міръ въ своихъ безплодныхъ стремленіяхъ. И одновременно съ тѣмъ, какъ покорится наша гордость, возрастетъ наше истинное достоинство. Понявъ слабость своихъ силъ передъ великими цѣлями, мы перестанемъ бросать человѣческую личность къ подножію ихъ. Мы не будемъ болѣе громоздить страданіе на страданіе, чтобы подняться на высоту, откуда насъ видѣли бы са-

мые далекіе народы и будущія времена. Мы поймемъ абсолютную значительность человѣка, поймемъ, что радость и свѣтъ въ его сердцѣ, на каждомъ отдѣльномъ лицѣ—есть высшее, лучшее и драгоцѣннѣйшее въ исторіи.

Осуществленіе и разлитіе этой гармоніи въ жизни вовсе не сознается, какъ высшая задача человѣка на землѣ. Долго еще не „перекуются мечи на орала“, и, конечно, перекуются они силою внутренней радости, а не путемъ внѣшняго логическаго сознанія. Послѣднее. даже и предпочитая „орала“, предварительно накуетъ мечей, чтобы ими погнать людей къ ораламъ. Но не будемъ обращаться къ тревожнымъ мыслямъ—онѣ исчерпаны „Легендою“. Мы же, ища, чѣмъ побороть ихъ, обратимся къ разсмотрѣнію третьей великой вѣтви, на которую распался христіанскій міръ.

Какъ Католицизмъ есть романское пониманіе Христіанства, и протестантизмъ—германское, такъ Православіе есть его славянское пониманіе. Хотя корни его держатся въ греческой почвѣ [1]). и на этой же почвѣ сложились его догматы, но весь тотъ особенный духъ, которымъ онъ свѣтится въ исторіи, живо, отражаетъ на себѣ черты славянской расы. И онъ-то именно значущъ въ историческихъ судьбахъ народовъ, а не догматическія различія, которыя, повидимому, одни раздѣляютъ Церкви и кажутся такъ легко устранимы. Безъ сомнѣнія не filioque вызвало инквизицію, хотя инквизиція была только тамъ, гдѣ и filioque. Догматическая разница совпадала съ характеромъ, съ направленіемъ и духомъ, который не имѣетъ никакой связи съ нею и вытекаетъ

---

[1]) Мы, впрочемъ, должны помнить, до какой степени эта почва въ первые же вѣка нашей эры, въ эпоху передвиженія народовъ, пропиталась славянскими элементами.

исключительно изъ расовыхъ особенностей романскаго племени. И если бы этой разницы не было, можно быть увѣреннымъ, что народы германскіе и славянскіе все равно неудержимо разошлись бы въ пониманіи Христіанства и его практикѣ съ народами романскими, и потомъ разошлись бы еще между собой. И теперь потому такъ упорно каждая Церковь противится сліянію съ которою-нибудь другой, что въ сущности не въ догматахъ только, но во всемъ своемъ внутреннемъ сложеніи, въ каждой чертѣ своего характера, она есть нѣчто глубоко своеобразное и совершенно особенное отъ прочихъ Церквей. И это потому, что жизнь, которая бьется въ нихъ, бьется въ каждой по особому типу.

И, однако, одно Евангеліе и одинъ духъ свѣтится въ немъ. Если мы захотимъ себѣ дать отчетъ, который же изъ трехъ типовъ жизни соотвѣтствуетъ ему, мы непреодолимо и невольно должны будемъ сказать, что это—духъ Православія. Когда намъ будутъ указывать на неизъяснимое величіе Католицизма, на безбрежность мысли, заложенной въ немъ, которою онъ увитъ и обоснованъ съ сѣдой схоластики и до нашихъ дней,—мы согласимся со всѣмъ этимъ и признаемъ также, что ничего подобнаго нѣтъ въ нашей Церкви и ея исторіи. Если намъ будутъ указывать на всѣ плоды протестантизма, на эту богобоязненность жизни, на свободу критики въ немъ и высокое просвѣщеніе, которое отсюда вытекло—мы скажемъ, что все это видимъ и никогда не закрывали на это глаза. Мы спросимъ только: но христіанство, но духъ евангельскій, но то, чему училъ насъ словомъ и жизнью Спаситель? Ничего нѣтъ у насъ, ни высокихъ подвиговъ, ни блеска завоеваній умственныхъ, ни замысловъ направить пути исторіи. Но вотъ передъ вами бѣдная церковь, вокругъ раз-

сѣянные, около нея группирующіеся домики. Войдите въ нее и прислушайтесь къ нестройному пѣнію дьячка и какого-то мальчика, Богъ знаетъ откуда приходящаго помогать ему. Сѣдой высокій священникъ служитъ всенощную. Посреди церкви, на аналоѣ, лежитъ образъ, и неторопливо тянутся къ нему изъ своихъ угловъ нѣсколько стариковъ и старухъ. Всмотритесь въ лица всѣхъ этихъ людей, прислушайтесь къ голосу ихъ. Вы увидите, что то, что̀ уже утеряно всюду, что̀ не приходитъ на помощь любви и не укрѣпляетъ надежду—*вѣра*—живетъ въ этихъ людяхъ. То сокровище, безъ котораго неудержимо изсякаетъ жизнь, котораго не находятъ мудрые, которое убѣгаетъ отъ безсильно жаждущихъ и гибнущихъ—оно свѣтится въ этихъ простыхъ сердцахъ; и тѣ страшныя мысли, которыя смущаютъ насъ и тяготятъ міръ, очевидно никогда не тревожатъ ихъ умъ и совѣсть. Они имѣютъ вѣру, и съ нею надѣются, при ея помощи любятъ. Что̀ въ томъ, что дьячекъ невнятно читаетъ на клиросѣ молитвы: но онъ вѣритъ смыслу ихъ, и тѣ, которые слушаютъ его, нисколько не сомнѣваются, что за этотъ смыслъ онъ умретъ, если будетъ нужно, и внидетъ въ царство небесное; какъ и всѣ они умрутъ и по дѣламъ своимъ примутъ мзду, къ которой готовятся.

Съ этимъ покоемъ сердца, съ этою твердостью жизни могутъ-ли сравниваться экзальтація протестантизма и всемірные замыслы великой и гибнущей Церкви? Уныніе въ первомъ, тоскующее желаніе во второй не есть-ли симптомы утраты чего-то, безъ чего храмъ остается только зданіемъ, и толпа молящихся—только собравшеюся толпою? И весь блескъ искусствъ, которымъ они окружаютъ себя, эта несравненная живопись, эта влекущая музыка, эти величественные каѳедралы—не

вытекаетъ ли все это изъ желанія пробудить въ себѣ то, что̀ въ тѣхъ бѣдныхъ молящихся никогда не засыпало, найти утраченное, что̀ въ той невидной церкви не было потеряно. Весь необъятный порывъ желанія, которымъ полна и трепещетъ Европа, не есть-ли только желаніе залить великую грусть, которую она хочетъ и не можетъ пересилить; и вся красота, величіе и разнообразіе ея жизни, ея цивилизаціи не напоминаетъ-ли великолѣпную ризу, въ которую никогда болѣе не облечется священникъ?

Такъ-то произошло въ исторіи это необъяснимое и глубокое явленіе, по которому у „неимущаго отнялось и имущему прибавилось“. Въ прекрасномъ евангельскомъ образѣ Маріи и Марѳы, принявшихъ въ свой домъ Спасителя, какъ будто высказаны эти неисповѣдимыя судьбы Церкви. Марѳа, когда вошелъ Онъ, смутилась и заторопилась; она думала о богатомъ угощеніи и, въ хлопотахъ о нихъ, забыла даже о Томъ, для Кого они. „Марія же, сестра ея, сѣла у ногъ Іисуса и слушала слово Его“. Измученная и раздраженная на нее, Марѳа подошла къ Учителю и сказала: „Господи, или Тебѣ нужды нѣтъ, что сестра моя одну меня оставила служить?“ И тогда произнесъ Онъ слова, въ которыхъ звучитъ смыслъ всей жизни и исторіи: „Ты заботишься о многомъ, Марѳа, а одно только нужно; Марія же избрала благую часть, которая не отнимется у нея“.

Нашей Святой Церкви, по неисповѣдимымъ путямъ Промысла, суждено было избрать это „единое“, которое только и нужно. Она только вѣрила въ Спасителя, слушала слово Его. Будемъ молиться, чтобы эта вѣра никогда не была отнята у насъ, и не будемъ, по завѣту Учителя, сожалѣть, что наши суетливыя сестры такъ много успѣли сдѣлать.

XXII

Насколько изсякаетъ въ насъ сокровище вѣры, настолько мы начинаемъ тревожиться идеалами, которыми живутъ другія Церкви [1])—безбрежнымъ развитіемъ внутренняго чувства и субъективнаго мышленія, или заботами о судьбахъ человѣчества и его внѣшнемъ устроеніи. Этими заботами мы силимся наполнить пустоту, которая образуется въ нашей душѣ съ утратой вѣры, и это происходитъ всякій разъ, когда почему-либо мы теряемъ живыя связи со своимъ народомъ. „Легенда о Великомъ Инквизиторѣ“ есть выраженіе подобной тревоги,—высшее, какое когда-либо появлялось; потому что пустота, которую она замѣщаетъ,—зіяющая, въ которой дно не только очень глубоко, но, кажется, его и совсѣмъ нѣтъ. Вспомнимъ слова Ивана въ отвѣтъ Алешѣ: „наконецъ-то ты *догадался*“,—и на что они были отвѣчены.

Въ этомъ смыслѣ, т.-е. въ отношеніи къ нашей исторической жизни, она есть самая ядовитая капля, которая стекла, наконецъ, и отдѣлилась изъ той фазы духовнаго развитія, которую мы проходимъ вотъ уже два вѣка. Большей горечи, большаго отчаянія, и, прибавимъ также, большого величія въ своемъ отрицаніи родныхъ основъ жизни мы не только не переживали никогда, но, нельзя въ этомъ сомнѣваться, и не будемъ переживать. „Легенда“ вообще есть нѣчто единственное въ своемъ родѣ. Шутливыя и двумысленныя слова, которыми Фаустъ отдѣлывается отъ вопросовъ Маргариты о Богѣ, темнота религіознаго сознанія въ Гамлетѣ—все это только бѣдный лепетъ въ сравненіи съ тѣмъ, что

---

[1]) Здѣсь видимъ мы объясненіе неудержимаго влеченія къ сліянію съ другими Церквами, которое время отъ времени высказываютъ у насъ иные.

было сказано и что спрошено въ маленькомъ трактирѣ за перегородкой, куда прихотливо нашъ великій художникъ ввелъ выразителей своихъ думъ, а потомъ, раздвинувъ вѣка—показалъ чудную картину явленія Христа „смрадному и страдающему человѣчеству“, и введя Его въ мрачное подземелье инквизиціи—снова показалъ оттуда далекую пустыню полторы тысячи лѣтъ назадъ, и въ ней Его, готоваго выступить на спасеніе человѣческаго рода, и передъ нимъ Искусителя, который говоритъ, что это *не нужно*, что *не сумѣетъ* Онъ спасти людей, не зная ихъ *истинной природы*, и ранѣе или позже за это спасеніе придется взяться ему, лучше знающему эту природу и... *любящему людей не менѣе, нежели Онъ*.

Черты истинно сатанинскія, не то, что могъ бы подумать человѣкъ о Зломъ Духѣ, его подстерегающемъ, но что могъ бы сказать о себѣ самъ Злой Духъ—удивительнымъ и непостижимымъ образомъ вылились въ этой „Легендѣ“. Алеша, бѣдный, трепещущій Алеша, только еще растущій, безсильно поднимающій руки къ небу—истинное олицетвореніе малаго ростка въ огромномъ гніющемъ сѣмени жизни—какъ бы разбитъ и подавленъ этимъ мощнымъ исповѣданіемъ зла, признаніями „умнаго Духа пустыни, Духа смерти и разрушенія“. Повторяемъ, образы инквизитора, студента, самаго художника и Искушающаго Духа, который стоитъ за всѣми ими, мелькаютъ одинъ изъ-за другого, теряютъ рѣзкость индивидуальныхъ очертаній и сливаются въ одно существо, голосъ котораго мы слышимъ и понимаемъ, лица же и имени его не различаемъ. Какъ бы растерянный, не находя ни въ чемъ опоры, онъ хватается за свое сердце, за ту *жизнь*, которая въ немъ бьется, законовъ которой онъ не знаетъ,—и знаетъ, однако, что она

хороша. Въ непостижимой силѣ и красотѣ жизни, намъ данной и нами благословляемой, но и непостижимой для насъ, таинственной, онъ находитъ эту опору противъ Злого Духа:

— „Братъ, *какъ же ты будешь жить*?“ спрашиваетъ онъ.

Въ этомъ восклицаніи и лежитъ весь смыслъ и вся сила опроверженія: признаніе ограниченности своего ума, который даже такого близкаго, намъ родного явленія, какъ жизнь, не можетъ не только постигнуть, но и сколько-нибудь приблизиться къ его пониманію, и уже, конечно, не въ силахъ постичь строеніе міроздания и источники добра и зла. Прилѣпленные къ жизни, даже „не понимая ея смысла“, мы непреодолимо начинаемъ думать, что есть въ ней нѣчто неизмѣримо болѣе глубокое, нежели тотъ жалкій смыслъ, который мы хотѣли бы въ ней видѣть, и, найдя только его, готовы были бы примириться съ нею, „принять ее“. Ощущеніе мистическаго, въ чемъ коренится наше бытіе, хотя мы его не видимъ, наполняетъ нашу душу, смиряетъ нашъ умъ, но и возвращаетъ намъ силу жизни. „Правъ Ты, Господи, и неисповѣдимы пути Твои“, невольно говоримъ мы въ своей душѣ, когда послѣ всѣхъ неизъяснимыхъ тревогъ и мукъ сознанія, снова возвращаемся къ покою простой вѣры, къ этому прочному слѣдствію исповѣданія непостижимаго.

Съ прочностью вѣры этой соединены и надежды наши. Въ „Легендѣ“, которую мы разбирали, есть одинъ пропускъ: говоря объ „оправданныхъ“, она ничего не говоритъ о *прощенныхъ*. Между тѣмъ, тотчасъ послѣ словъ Откровенія, въ которыхъ сказано, что первыхъ будетъ сто сорокъ четыре тысячи, сдѣлано радостное обѣтованіе *и объ остальныхъ*. Мы приведемъ это обѣ-

тованіе, и пусть святые звуки его превозмогутъ тотъ сумракъ и отчаяніе, среди котораго мы такъ долго вращались, говоря о „Легендѣ“:

„Послѣ сего взглянулъ я“, говоритъ Св. Іоаннъ о своемъ видѣніи, „и вотъ, великое множество людей, котораго никто не могъ перечесть, изъ всѣхъ племенъ и колѣнъ и народовъ и языковъ, стояло передъ Престоломъ и передъ Агнцемъ въ бѣлыхъ одеждахъ и съ пальмовыми вѣтвями въ рукахъ своихъ.

„И восклицали громкимъ голосомъ, говоря: спасеніе Богу нашему, сидящему на Престолѣ, и Агнцу!

„И всѣ Ангелы стояли вокругъ Престола и старцевъ и четырехъ животныхъ, и пали передъ Престоломъ на лица свои, и поклонились Богу, говоря: „аминь, благословеніе и слава и премудрость и благодареніе и честь и сила, и крѣпость Богу нашему во-вѣки вѣковъ“.

„И начавъ рѣчь, одинъ изъ старцевъ спросилъ меня: сіи облеченные въ бѣлыя одежды *кто* и *откуда* пришли?

„Я сказалъ ему:—Ты знаешь, господинъ. И онъ сказалъ мнѣ:—Это тѣ, которые пришли отъ великой скорби; они омыли одежды свои и убѣлили ихъ кровью Агнца.

„За это они пребываютъ нынѣ предъ Престоломъ Бога и служатъ Ему день и ночь въ Храмѣ Его, и Сидящій на престолѣ будетъ обитать въ нихъ.

„Они не будутъ уже ни алкать, ни жаждать, и не будетъ палить ихъ солнце и никакой зной.

„Ибо Агнецъ, который среди Престола, будетъ пасти ихъ и водить ихъ на живые источники водъ; и отретъ Богъ всякую слезу съ очей ихъ“ (гл. VII, ст. 9—17).

Въ великомъ образѣ этомъ явлено заключеніе земныхъ судебъ человѣка. Въ словахъ книги Бытія, приведенныхъ нами въ самомъ началѣ [1]), указана исходная

[1]) Въ эпиграфѣ.

точка, откуда начались его скитанія. Сама же „Легенда“ — это горькій его плачъ, когда, потерявъ невинность и оставленный Богомъ, онъ вдругъ понялъ, что теперь совершенно одинъ, со своею слабостью, со своимъ грѣхомъ, съ борьбою свѣта и тьмы въ душѣ своей

Преодолѣвать эту тьму, помогать этому свѣту—вотъ все, что̀ можетъ человѣкъ въ своемъ земномъ странствіи, и что̀ онъ долженъ дѣлать, чтобы успокоить свою встревоженную совѣсть, такъ отягощенную, такъ больную, такъ неспособную болѣе выносить свои страданія. Ясное познаніе того, откуда этотъ свѣтъ и откуда тьма, можетъ болѣе всего укрѣпить его надеждою, что не вѣчно же суждено ему оставаться ареною борьбы ихъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ

Къ стр. 5. „Въ *Легендѣ о Великомъ Инквизиторѣ* схоронена завѣтная мысль автора, безъ которой не были бы написаны не только *Братья Карамазовы*, но и многія другія его произведенія; по крайней мѣрѣ, не было бы въ нихъ всѣхъ самыхъ лучшихъ и высокихъ мѣстъ".

Первая слагающая идея этой *Легенды: о неустроимости природы человѣческой раціонально*, выражена Достоевскимъ впервые и всего подробнѣе въ 1856 г. въ „Запискахъ изъ подполья"—*діалектически*, и потомъ въ 1866 г. *образно* — въ „Преступленіи и Наказаніи":

„О, скажите, кто это первый объявилъ, кто первый провозгласилъ, что человѣкъ *потому* только дѣлаетъ пакости, *что не знаетъ* настоящихъ *своихъ интересовъ;* а что, если-бъ его *просвѣтить, открыть ему глаза на его настоящіе, нормальные интересы*, то человѣкъ тотчасъ же пересталъ бы дѣлать пакости, тотчасъ же *сталъ бы добрымъ и благороднымъ*, потому что, будучи просвѣщеннымъ и понимая настоящія свои выгоды, именно *увидѣлъ бы въ добрѣ* собственную свою *выгоду*, а извѣстно, что ни одинъ человѣкъ *не можетъ дѣйствовать*, за-знамо, *противъ собственныхъ* своихъ *выгодъ*, слѣдственно, такъ сказать, *по необходимости сталъ бы дѣлать добро?* О, младенецъ! О, чистое, невинное дитя! Да когда же, во-первыхъ, бывало, во всѣ эти тысячелѣтія, чтобъ человѣкъ дѣйствовалъ только изъ одной своей собственной выгоды? Что же дѣлать съ милліонами

фактовъ, свидѣтельствующихъ о томъ, какъ люди *за-знамо*, то есть *вполнѣ понимая* свои *настоящія выгоды, отставляли ихъ на второй планъ и бросались на другую дорогу, на рискъ, на авось*, никѣмъ и ничѣмъ непринуждаемые къ тому, а, какъ будто *именно* только *не желая указанной дороги*, и упрямо, своевольно пробивали другую, *трудную, нельную*, отыскивая ее чуть не въ потемкахъ. Вѣдь, значитъ, имъ дѣйствительно это *упрямство и своеволіе* было *пріятнѣе всякой выгоды*... Выгода! Что̀ такое выгода? Да и берете-ли вы на себя совершенно точно опредѣлить. въ чемъ именно человѣческая выгода состоитъ? А что, если такъ случится, что человѣческая *выгода, иной разъ, не только можетъ, но даже и должна именно въ томъ состоять, чтобъ въ иномъ случаѣ себѣ худого пожелать, а не выгоднаго?* [1]) А если такъ, если только можетъ быть этотъ случай, то все правило прахомъ пошло. Какъ вы думаете, бываетъ-ли такой случай? Вы смѣетесь; смѣйтесь, господа, но только отвѣчайте: *совершенно-ли вѣрно сосчитаны выгоды человѣческія?* Нѣтъ-ли *такихъ, которыя* не только *не уложились*, но *и не могутъ уложиться ни въ какую классификацію?* Вѣдь вы, господа, сколько мнѣ извѣстно, весь вашъ реестръ человѣческихъ выгодъ взяли среднимъ числомъ изъ статистическихъ цифръ и изъ научно-экономическихъ формулъ. Вѣдь, ваши *выгоды—это благоденствіе. богатство, свобода, покой*, ну и такъ далѣе, и такъ далѣе, такъ что человѣкъ, который бы, напримѣръ, явно и за-знамо пошелъ *противъ* всего *этого реестра*, былъ бы по вашему, ну да и, конечно, по моему—обскурантъ или совсѣмъ сумасшедшій, такъ-ли? Но вѣдь вотъ что̀ уди-

---

[1]) Бентамъ: „...возражающіе противъ принципа пользы, собственно говоря, утверждаютъ, что *есть случаи, когда сообразоваться съ пользою—было бы несообразно съ нею*“ („Введеніе въ основанія нравственности и законодательства“, гл. I, 13). Онъ думалъ -это неопровержимо; логически—такъ, но психологически—слишкомъ легко опровергается.

вительно: отчего это такъ происходитъ, что всѣ эти статистики, мудрецы и любители рода человѣческаго, при исчисленіи человѣческихъ выгодъ, постоянно *одну выгоду пропускаютъ*? Даже *и въ разсчетъ ее не берутъ* въ томъ видѣ, въ какомъ ее слѣдуетъ брать. а *отъ этого и весь разсчетъ зависитъ*. Бѣда бы не велика, взять бы ее, эту выгоду, да и занесть въ списокъ. Но въ томъ-то и пагуба, что *эта* мудреная *выгода ни въ какую классифи кацію не попадетъ, и ни въ одинъ списокъ не умѣщается*. У меня, напримѣръ, есть пріятель... Эхъ, господа, да вѣдь и вамъ онъ пріятель; да и кому, кому онъ не пріятель! Приготовляясь къ дѣлу, этотъ господинъ тотчасъ же изложитъ вамъ, велерѣчиво и ясно, какъ именно надо ему поступить по законамъ разсудка и истины. Мало того, съ волненіемъ и страстью будетъ говорить вамъ о настоящихъ, нормальныхъ человѣческихъ интересахъ; съ насмѣшкой укоритъ близорукихъ глупцовъ, не понимающихъ ни своихъ выгодъ, ни настоящаго значенія добродѣтели, и—ровно черезъ четверть часа, безъ всякаго внезапнаго, посторонняго повода, а именно *почему-то такому внутреннему, что сильнѣе всѣхъ его интересовъ*, — *выкинетъ совершенно другое колѣно, то есть явно пойдетъ противъ того, объ чемъ самъ и говорилъ:* и *противъ* законовъ *разсудка* и *противъ* собственной *выгоды*, ну, однимъ словомъ, противъ всего... Предупрежду, что мой пріятель—лицо собирательное, и потому только его одного винить—какъ-то трудно. То-то и есть, господа: *не существуетъ-ли* и въ самомъ дѣлѣ *ничто такое, что почти всякому человѣку дороже самыхъ лучшихъ его выгодъ* или (чтобъ ужъ логики не нарушать) *есть одна такая самая выгодная выгода* (именно *пропускаемая-то*, вотъ объ которой сейчасъ говорили), *которая главнѣе и выгоднѣе всѣхъ другихъ выгодъ и для которой человѣкъ, если понадобится, готовъ противъ всѣхъ законовъ пойдти, то есть противъ разсудка, чести, покоя, благоденствія;*—однимъ словомъ, противъ всѣхъ этихъ прекрасныхъ и полезныхъ вещей, лишь бы только достигнуть

этой первой первоначальной, самой выгодной выгоды, которая ему дороже всего.

„— Ну, такъ все-таки „выгоды же“—перебиваете вы меня.— „Позвольте-съ, мы еще объяснимся, да и не въ каламбурѣ дѣло, а въ томъ, что эта выгода именно тѣмъ и замѣчательна, что всѣ *наши классификаціи разрушаетъ и всѣ системы, составленныя любителями рода человѣческаго для счастья рода человѣческаго, постоянно разбиваетъ*. Однимъ словомъ, всему мѣшаетъ. Но прежде, чѣмъ я вамъ назову эту выгоду, я хочу себя компрометировать лично и потому дерзко объявляю, что всѣ эти прекрасныя *системы*, всѣ эти *теоріи* разъясненія человѣчеству настоящихъ нормальныхъ его интересовъ съ тѣмъ, чтобъ оно, необходимо стремясь достигнуть этихъ интересовъ, стало бы тотчасъ же добрымъ и благороднымъ, — покамѣстъ, по моему мнѣнію, одна логистика! Да-съ, логистика. Вѣдь утверждать хоть эту *теорію обновленія* всего *рода человѣческаго посредствомъ системы его собственныхъ выгодъ*, вѣдь это, по моему, почти тоже... ну, хоть утверждать, напримѣръ, вслѣдъ за Боклемъ, что отъ цивилизаціи человѣкъ смягчается, слѣдственно становится менѣе кровожаденъ и менѣе способенъ къ войнѣ. По логикѣ-то, кажется, у него такъ и выходитъ. Но до того человѣкъ пристрастенъ къ системѣ и къ отвлеченному выводу, что готовъ умышленно исказить правду, готовъ видомъ не видать и слыхомъ не слыхать, только чтобъ оправдать свою логику. Потому и беру этотъ примѣръ, что это слишкомъ яркій примѣръ. Да оглянитесь кругомъ: кровь рѣкою льется, да еще развеселымъ такимъ образомъ, точно шампанское! Вотъ вамъ все наше девятнадцатое столѣтіе, въ которомъ жилъ и Бокль. Вотъ вамъ Наполеонъ—и великій, и теперешній. Вотъ вамъ Сѣверная Америка—вѣковѣчный союзъ. Вотъ вамъ, наконецъ, каррикатурный Шлезвигъ-Гольштейнъ... И что такое смягчаетъ въ насъ цивилизація? *Цивилизація вырабатываетъ въ человѣкѣ только многосторонность ощущеній и... рѣшительно ничего больше!* А черезъ *развитіе этой многосторонности* человѣкъ еще, по-

жалуй, дойдетъ до того, что *отыщетъ въ крови наслажденіе.* Вѣдь это ужъ и случалось съ нимъ. Замѣчали-ли вы, что *самые утонченные кровопроливцы почти сплошь были самые цивилизованные* господа, которымъ всѣ эти разные Атиллы, да Стеньки Разины иной разъ въ подметки не годились, и если они не такъ ярко бросаются въ глаза, какъ Атилла и Стенька Разинъ, такъ это именно потому, что они слишкомъ часто встрѣчаются, слишкомъ обыкновенны, примелькались. *По крайней мѣрѣ, отъ цивилизаціи человѣкъ сталъ если не болѣе кровожаденъ, то ужъ навѣрное хуже, гаже кровожаденъ, чѣмъ прежде.* Прежде онъ видѣлъ въ кровопролитіи справедливость и съ спокойною совѣстью истреблялъ кого слѣдовало; теперь же мы хоть и считаемъ кровопролитіе гадостью, а все-таки этою гадостью занимаемся, да еще больше, чѣмъ прежде. Что хуже?—Сами рѣшите. Говорятъ, Клеопатра (извините за примѣръ изъ римской исторіи) любила втыкать золотыя булавки въ груди своихъ невольницъ и находила наслажденіе въ ихъ крикахъ и корчахъ. Вы скажите, что это было во времена, говоря относительно, варварскія; что и теперь времена варварскія, потому что (тоже говоря относительно) и теперь булавки втыкаются; что и теперь человѣкъ хоть и научился иногда видѣть яснѣе, чѣмъ во времена варварскія, но еще далеко не *пріучился* поступать такъ, какъ ему разумъ и науки указываютъ. Но все-таки вы совершенно увѣрены, что онъ непремѣнно пріучится, когда совсѣмъ пройдутъ кой-какія старыя, дурныя привычки, и когда здравый смыслъ и наука вполнѣ перевоспитаютъ и нормально направятъ натуру человѣческую. Вы увѣрены, что тогда *человѣкъ* и самъ *перестанетъ добровольно ошибаться* и, такъ сказать, по неволѣ *не захочетъ разнить свою волю съ нормальными своими интересами.* Мало того: тогда, говорите вы, сама *наука научитъ человѣка* (хоть это ужъ и роскошь, по моему), *что ни воли, ни каприза* на самомъ-то дѣлѣ у него *и нѣтъ*, да *и никогда не бывало*, а что *онъ самъ не болѣе, какъ* нѣчто *въ родѣ фортепіанной клавиши или органнаго*

цифирь; и что сверхъ того — на свѣтѣ *есть* еще *законы природы*; такъ что все, что онъ ни дѣлаетъ, *дѣлается вовсе не по его хотѣнью*, а само собою, *по законамъ природы*. Слѣдственно, эти законы природы стоитъ только *открыть*, и ужъ *за поступки* свои человѣкъ *отвѣчать не будетъ и жить* ему будетъ чрезвычайно *легко*. Всѣ *поступки* человѣческіе, само собою, будутъ *расчислены* тогда *по* этимъ *законамъ*, математически, въ родѣ таблицы логарифмовъ, до 100,000-ой доли и занесены въ календарь; или, еще лучше, появятся нѣкоторыя благонамѣренныя изданія, въ родѣ теперешнихъ энциклопедическихъ лексиконовъ, въ которыхъ все будетъ такъ точно исчислено и обозначено, что на свѣтѣ уже не будетъ болѣе ни поступковъ, ни приключеній.

„Тогда-то,—это все *вы* говорите,—настанутъ *новыя экономическія отношенія*, совсѣмъ ужъ *готовыя и тоже вычисленныя съ математическою точностью*, такъ что въ одинъ мигъ *исчезнутъ* всевозможные *вопросы*, собственно *потому, что на нихъ получатся* всевозможные *отвѣты*. Тогда выстроится *хрустальный дворецъ*. Тогда... Ну, однимъ словомъ, тогда прилетитъ птица Гаганъ. Конечно, никакъ нельзя гарантировать (это ужъ *я* теперь говорю), что тогда не будетъ, напримѣръ, ужасно скучно [1]) (потому что *что-жъ и дѣлать-то, когда все будетъ расчислено* по табличкѣ), зато все будетъ чрезвычайно благоразумно. Конечно, отъ скуки чего не выдумаешь! Вѣдь и золотыя булавки отъ скуки втыкаются, но это бы все ничего. Скверно то (это *опять* такй *я говорю*), что, чего добраго, пожалуй, и золотымъ булавкамъ тогда обрадуются. Вѣдь глупъ человѣкъ, глупъ феноменально. То-есть онъ хотя и вовсе не глупъ, но ужъ зато неблагодаренъ такъ, что поискать другого—такъ не найдти. Вѣдь я, напримѣръ, нисколько не удивлюсь, если вдругъ

---

[1]) См. ниже, въ этихъ же *приложеніяхъ*, о скукѣ при будущемъ окончательномъ устроеніи людей,—и о необходимости утолить ее, разсѣять хотя бы цѣною крови, временно и преднамѣренно по этому допускаемой.

ни съ того, ни съ сего, среди всеобщаго будущаго благоразумія возникнетъ какой-нибудь джентльменъ, съ неблагородной или, лучше сказать, съ ретроградной и насмѣшливою физіономіей, упретъ руки въ боки и скажетъ намъ всѣмъ: а что, господа, *не столкнуть-ли намъ все это благоразуміе съ одного разу, ногой, прахомъ, единственно съ тою цѣлью, чтобъ всѣ эти логарифмы отправились къ чорту, и чтобъ намъ опять по своей глупой волѣ пожить* [1]). Это-бы еще ничего, но обидно то, что вѣдь непремѣнно и послѣдователей найдетъ: такъ человѣкъ устроенъ. И все это отъ самой пустѣйшей причины, объ которой бы, кажется, и упоминать не стоитъ: именно оттого, что *человѣкъ всегда и вездѣ, кто-бы онъ ни былъ, любилъ дѣйствовать такъ, какъ хотѣлъ, а вовсе не такъ, какъ повелѣвали ему разумъ и выгода; хотѣть же можно и противъ* собственной *выгоды*, а *иногда и положительно должно* (это ужъ моя идея). Свое собственное, *вольное и свободное хотѣнье*, свой *собственный, хотя бы самый дикій капризъ, своя фантазія, раздраженная иногда хоть бы даже до сумасшествія*,—вотъ это-то все и есть та самая, пропущенная, *самая выгодная выгода, которая ни подъ какую классификацію не подходитъ и отъ которой* всѣ *системы* и *теоріи* постоянно *разлетаются* къ чорту. И съ чего это взяли всѣ эти мудрецы, что человѣку надо какого-то *нормальнаго*, какого-то *добродѣтельнаго хотѣнія?* Съ чего это непремѣнно вообразили они, что человѣку надо непремѣнно *благоразумно-выгоднаго хо-*

---

[1]) Въ одной изъ своихъ критическихъ статей г. Н. Михайловскій возражаетъ на это, что „подобнаго господина свяжутъ и уберутъ“. Но это—механическій отвѣтъ, не разрѣшающій психологическую задачу. И Достоевскій зналъ, что „убрать“ можно, но уже не „уберешь“, когда подобныхъ будутъ тысячи, когда встанетъ человѣчество, ненасыщенное „ариѳметикой“. Д—ій беретъ задачу *насыщенія*, и кто хочетъ отвѣчать ему—долженъ отвѣчать именно на *этотъ вопросъ*.

тьнья? Человѣку надо одного только—*самостоятельнаго* хотѣнья, чего бы эта самостоятельность ни стоила и къ чему бы ни привела. Ну и хотѣнье вѣдь...

* * *

„— Ха-ха-ха! Да вѣдь хотѣнья-то, въ сущности, если хотите, и нѣтъ,—прерываете вы съ хохотомъ. Наука даже по сю пору до того успѣла разанатомировать человѣка, что ужъ и теперь намъ *извѣстно, что хотѣнье и, такъ называемая, свободная воля* —*есть* ничто иное, какъ...

„— Постойте, господа, я и самъ такъ начать хотѣлъ. Я, признаюсь, даже испугался. Я только что хотѣлъ было прокричать, что *хотѣнье*, вѣдь, *чортъ знаетъ отчего зависитъ*, и что *это, пожалуй*, и *слава Богу*, да вспомнилъ про науку-то и... осѣкся. А вы тутъ и заговорили. Вѣдь въ самомъ дѣлѣ, ну, *если* и вправду *найдутъ когда-нибудь формулу всѣхъ нашихъ хотѣній и капризовъ*, то есть *отъ чего они зависятъ, по какимъ* именно *законамъ происходятъ, какъ* именно *распространяются, куда стремятся въ такомъ-то* и въ такомъ-то *случаѣ* и проч., то есть настоящую *математическую формулу*, — такъ вѣдь тогда *человѣкъ тотчасъ-же*, пожалуй, *и перестанетъ хотѣть*, да еще, пожалуй, *и навѣрное перестанетъ*. Ну, *что за охота хотѣть по табличкѣ?* Мало того: тотчасъ-же *обратится* онъ *изъ человѣка въ органный штифтикъ* или въ родѣ того; потому, *что-же такое человѣкъ безъ желаній, безъ воли и безъ хотѣній*, какъ не штифтикъ въ органномъ валѣ? Какъ вы думаете? Сосчитаемъ вѣроятности,—можетъ это случиться или нѣтъ?

„— Гм... рѣшаете вы, наши хотѣнья большею частью бываютъ ошибочны отъ ошибочнаго взгляда на наши выгоды. Мы *потому* и *хотимъ* иногда чистаго *вздору, что* въ этомъ вздорѣ *видимъ*, по глупости нашей, легчайшую *дорогу къ достиженію какой-нибудь заранѣе предположенной выгоды*. Ну, а *когда все*

это будетъ растолковано, расчислено на бумажкѣ (что очень возможно, потому что гнусно-же и безсмысленно заранѣе вѣрить, что иныхъ законовъ природы человѣкъ никогда не узнаетъ) — то *тогда*, разумѣется, *не будетъ, такъ называемыхъ, желаній*. Вѣдь, если *хотѣнье стакнется* когда-нибудь совершенно *съ разсудкомъ*, такъ, вѣдь, ужъ мы *будемъ* тогда *разсуждать*, а *не хотѣть* собственно потому, что вѣдь *нельзя-же*, напримѣръ, сохраняя разсудокъ, *хотѣть безсмыслицы*, и, такимъ образомъ, за-знамо *идти противъ разсудка и желать себѣ вреднаго*... А такъ какъ всѣ *хотѣнья* и *разсужденія могутъ быть* дѣйствительно *вычислены*, потому что когда-нибудь откроютъ-же *законы*, такъ называемой, нашей *свободной воли*: то, стало быть, и, кромѣ шутокъ, можетъ *устроиться* что-нибудь *въ родѣ таблички*, такъ что мы, и дѣйствительно, *хотѣть будемъ по* этой *таблички*. Вѣдь если мнѣ, напримѣръ, когда-нибудь разчислятъ и докажутъ, что если я показалъ такому-то кукишъ, такъ именно потому, что не могъ не показать и что непремѣнно такимъ-то пальцемъ долженъ былъ его показать, такъ что-же тогда во мнѣ *свободнаго-то* остается, особенно если я ученый и гдѣ-нибудь курсъ наукъ кончилъ? *Вѣдь я тогда впередъ всю мою жизнь* на тридцать лѣтъ *разсчитать могу*; однимъ словомъ, *если и устроится это, такъ* вѣдь *намъ* ужъ *нечего будетъ дѣлать*; все равно надо будетъ понять. Да и вообще мы должны не уставая повторять себѣ, что непремѣнно въ такую-то минуту и въ такихъ-то обстоятельствахъ—природа насъ не спрашивается; что нужно принимать ее такъ, какъ она есть, а не такъ, какъ мы фантазируемъ, и если мы дѣйствительно *стремимся къ таблички и къ календарю*, ну, и... *хоть бы даже и къ реторгѣ* [1]), то что же дѣлать, надо принять и реторту! Не то она сама, безъ насъ, примется...

---

[1]) Т. е. къ знаменитой реторгѣ алхимиковъ, гдѣ, по извѣстному рецепту и извѣстнымъ способомъ, изготовлялся человѣкъ—Homuncülus.

„— Да-съ, но вотъ тутъ-то для меня и запятая! Господа, вы меня извините, что я зафилософствовался; тутъ сорокъ лѣтъ подполья! Позвольте пофантазировать. Видите-ли-съ: разсудокъ, господа, есть вещь хорошая, это безспорно, но разсудокъ есть только *разсудокъ и удовлетворяетъ только разсудочной способности человѣка, а хотѣнье есть проявленіе всей жизни, то-есть всей человѣческой жизни, и съ разсудкомъ, и со всѣми почесываніями.* И хоть *жизнь* наша, въ этомъ проявленіи, *выходитъ* зачастую дрянцо, *но все-таки—жизнь, а не одно только извлеченіе квадратнаго корня.* Вѣдь я, напримѣръ, совершенно естественно *хочу жить для того*, чтобъ *удовлетворить всей моей способности жить*, а *не для* того, *чтобъ* удовлетворить *одной только моей разсудочной способности*, то-есть какой-нибудь *одной двадцатой доли* всей *моей способности жить*. Что знаетъ разсудокъ? Разсудокъ *знаетъ только* то, что успѣлъ узнать (иного, пожалуй, и никогда не узнаетъ: это хоть и не утѣшеніе, но отчего же этого и не высказать?), *а натура человѣческая дѣйствуетъ вся цѣликомъ*,—всѣмъ, что въ ней есть, сознательно и безсознательно, и *хоть вретъ—да живетъ*. Я подозрѣваю, господа, что вы смотрите на меня съ сожалѣніемъ; вы повторяете мнѣ, что вы смотрите на меня съ сожалѣніемъ; вы повторяете мнѣ, что не можетъ просвѣщенный и развитой человѣкъ, однимъ словомъ такой, какимъ будетъ будущій человѣкъ, за-знамо захотѣть чего-нибудь для себя невыгоднаго, что это—математика. Совершенно согласенъ, дѣйствительно математика. Но, повторяю вамъ въ сотый разъ, есть одинъ только случай, только одинъ, когда *человѣкъ можетъ нарочно, сознательно пожелать себѣ даже вреднаго, глупаго, даже глупѣйшаго*, а именно: *чтобы имѣть право пожелать себѣ* даже и глупѣйшаго и не быть связаннымъ обязанностью желать *одного только умнаго*. Вѣдь это *глупѣйшее*, вѣдь этотъ свой *капризъ* и въ самомъ дѣлѣ, господа, можетъ быть *всего выгоднѣе* для нашего брата *изъ всего, что есть на*

землѣ, особенно въ иныхъ случаяхъ. А въ частности можетъ быть *выгоднѣе всѣхъ выгодъ даже* и въ такомъ случаѣ, *если приноситъ* намъ *явный вредъ и противорѣчитъ самымъ здравымъ заключеніямъ нашего разсудка о выгодахъ*,—потому что во всякомъ случаѣ *сохраняетъ* намъ *самое главное и самое дорогое*, то-есть нашу *личность* и нашу *индивидуальность*. Иные вотъ утверждаютъ, что это и въ самомъ дѣлѣ всего для человѣка дороже; хотѣнье конечно можетъ, если хочетъ, и сходиться съ разсудкомъ, особенно если не злоупотреблять этимъ, а пользоваться умѣренно; это и полезно, и даже иногда похвально. Но *хотѣнье очень часто и даже большею частію совершенно и прямо разногласитъ съ разсудкомъ* и... и... и знаете-ли, что это и полезно и даже иногда очень похвально? Господа, положимъ, что человѣкъ не глупъ. (Дѣйствительно, вѣдь, никакъ нельзя этого сказать про него, хоть бы по тому одному, что если ужъ *онъ* будетъ глупъ, такъ, вѣдь, *кто-же* [1]) тогда будетъ уменъ?!) Но если и не глупъ, то все-таки—чудовищно неблагодаренъ! Неблагодаренъ феноменально. Я даже думаю, что самое лучшее опредѣленіе человѣка, это: существо на двухъ ногахъ и неблагодарное. Но это еще не все; это еще не главный недостатокъ его; главнѣйшій недостатокъ его—это постоянное неблагонравіе, постоянное, начиная со всемірнаго потопа до Шлезвигъ-Гольштейнскаго періода судебъ человѣческихъ. Неблагонравіе, а, слѣдственно, и неблагоразуміе; ибо давно извѣстно, что неблагоразуміе не иначе происходитъ, какъ отъ неблагонравія. Попробуйте же, бросьте взглядъ на исторію человѣчества: ну, что вы увидите? Величественно? Пожалуй хоть и величественно; ужъ одинъ колоссъ Родосскій, напримѣръ, чего стоитъ! Не даромъ же г. Ананевскій свидѣтельствуетъ о немъ, что одни говорятъ, будто онъ есть произведеніе рукъ человѣческихъ, другіе же утверждаютъ, что онъ созданъ самою природою. Пестро? Пожалуй

---

[1]) Какое сознаніе одиночества человѣка на землѣ и, вообще, въ природѣ,—чувство атеизма!..

хоть и пестро; разобрать только во всѣ вѣка и у всѣхъ народовъ одни парадные мундиры на военныхъ и статскихъ,—ужъ одно это чего стоитъ, а съ вицъ-мундирами и совсѣмъ можно иогу сломать; ни одинъ историкъ не устоитъ. Однообразно? Ну, пожалуй и однообразно: дерутся да дерутся, и теперь дерутся и прежде дрались, и послѣ дрались,—согласитесь, что это даже ужъ слишкомъ однообразно. Однимъ словомъ, *все можно сказать о всемірной исторіи,* все *что только самому разстроенному воображенію въ голову можетъ придти. Одного* только *нельзя сказать*, что—*благоразумно*. На первомъ словѣ поперхнетесь, И даже вотъ какая тутъ штука поминутно встрѣчается: постоянно, вѣдь, *являются въ жизни такіе благонравные и благоразумные люди,* такіе *мудрецы и любители рода человѣческаго*, которые именно *задаютъ себѣ цѣлью* всю жизнь вести себя какъ можно благонравнѣе и благоразумнѣе, такъ сказать *свѣтить* собою *ближнимъ*, собственно для того, чтобъ *доказать* имъ, что дѣйствительно *можно на свѣтѣ прожить и благонравно и благоразумно*. И что-жъ? Извѣстно, что многіе изъ этихъ любителей, рано-ли, поздно-ли, *подъ конецъ жизни измѣняли* себѣ, *произведя какой-нибудь анекдотъ*, иногда даже *изъ самыхъ неприличныйшихъ*. Теперь васъ спрошу: *чего же можно* ожидать *отъ человѣка, какъ отъ существа, одареннаго такими странными качествами?* Да *осыпьте* его всѣми *земными благами, утопите въ счастьѣ* совсѣмъ съ головой, такъ, чтобы только пузырьки вскакивали на поверхности счастья, какъ на водѣ; *дайте* ему такое *экономическое довольство*, чтобъ ему совсѣмъ ужъ ничего больше не оставалось дѣлать, кромѣ какъ *спать, кушать* пряники и *хлопотать о непрекращеніи всемірной исторіи,*—такъ онъ вамъ и тутъ, человѣкъ-то, и тутъ, *изъ одной неблагодарности, изъ одного пасквиля мерзость сдѣлаетъ*. Рискнетъ даже пряниками и *нарочно пожелаетъ самаго пагубнаго вздора, самой не экономической безсмыслицы*, единственно для того, *чтобы ко всему*

этому положительному *благоразумію примѣшать* свой пагубный *фантастическій элементъ*. Именно *свои* фантастическія *мечты*, свою пошлѣйшую *глупость* пожелаетъ удержать за собой, единственно для того, чтобъ самому себѣ подтвердить (точно это такъ ужъ очень необходимо), что люди все *еще люди, а не фортепіанныя клавиши*, на которыхъ хоть и играютъ сами законы природы, собственноручно, но грозятъ до того доиграться, что ужъ мимо календаря и захотѣть ничего нельзя будетъ. Да вѣдь мало того: даже въ томъ случаѣ, если онъ дѣйствительно бы оказался фортепіанной клавишей, если-бъ это доказать ему даже естественными науками и математически, такъ и тутъ не образумится, а нарочно, напротивъ, что-нибудь сдѣлаетъ, единственно изъ одной неблагодарности,—собственно, чтобъ настоять на своемъ. А въ томъ случаѣ, если средствъ у него не окажется,—*выдумаетъ разрушеніе и хаосъ, выдумаетъ разныя страданія* и настоитъ таки на своемъ! *Проклятіе пуститъ по свѣту*, а такъ *какъ проклинать можетъ только одинъ человѣкъ* (это ужъ его привилегія, главнѣйшимъ образомъ отличающая его отъ другихъ животныхъ), такъ вѣдь онъ, пожалуй, однимъ *проклятіемъ достигнетъ своего*, то-есть дѣйствительно убѣдится, что онъ человѣкъ, а не фортепіанная клавиша! Если вы скажете, что и это *все можно разсчитать по табличкѣ, и хаосъ, и мракъ, и проклятіе*, такъ что ужъ одна *возможность* предварительнаго *разсчета все остановитъ, и разсудокъ возьметъ свое*,—такъ человѣкъ *нарочно сумасшедшимъ на этотъ* случай *сдѣлается, чтобъ не имѣть разсудка и настоять на своемъ!* Я вѣрю въ это, отвѣчаю за это, потому что, вѣдь, все *дѣло-то человѣческое*, кажется, *и дѣйствительно въ томъ только и состоитъ, чтобъ* человѣкъ *поминутно доказывалъ себѣ, что онъ человѣкъ, а не гитифтикъ*! Хоть своими *боками*, да *доказывалъ*; хоть *трогодистствомъ*, да *доказывалъ*. А послѣ этого какъ не согрѣшить, не похвалить, что этого еще нѣтъ и что хотѣнье покамѣстъ еще чортъ знаетъ отъ чего зависитъ.

„Вы кричите мнѣ (если только еще удостоите меня вашимъ крикомъ), что вѣдь тутъ никто съ меня воли не снимаетъ, что тутъ только и хлопочутъ какъ-нибудь такъ устроить, чтобъ *воля* моя *сама*, своей *собственной волей*, *совпадала съ* моими *нормальными интересами*, съ *законами природы* и съ *ариѳметикой*“.

„— Эхъ, господа, *какая ужъ тутъ своя воля будетъ*, *когда дѣло доходитъ до таблички и до ариѳметики*, когда будетъ одно только дважды два четыре въ ходу? Дважды два и безъ моей воли четыре будетъ. *Такая-ли своя воля бываетъ*!

* * *

„Господа, я, конечно, шучу, и самъ знаю, что неудачно шучу, но, вѣдь, и нельзя же все принимать за шутку. Я, можетъ быть, скрипя зубами шучу. Господа, меня мучатъ вопросы; разрѣшите ихъ мнѣ. Вотъ вы, напримѣръ, *человѣка отъ старыхъ привычекъ хотите отучить и волю его исправить, сообразно съ требованіями науки и здраваго смысла.* Но почему вы знаете, что *человѣка* не только можно, но и *нужно* такъ *передѣлывать*? Изъ чего вы заключаете, что *хотѣнью* человѣческому такъ необходимо *надо исправиться*? Однимъ словомъ, почему вы знаете, что такое *исправленіе* дѣйствительно *принесетъ человѣку выгоду*. И, если ужъ все говорить, почему вы такъ *наверно* убѣждены, что *не идти противъ настоящихъ, нормальныхъ выгодъ, гарантированныхъ доводами разума и ариѳметикой, дѣйствительно для человѣка всегда выгодно и есть законъ для всего человѣчества*? Вѣдь это покамѣстъ еще только одно ваше предположеніе. Положимъ, что это законъ логики, но, можетъ быть, вовсе не человѣчества. Вы, можетъ быть, думаете, господа, что я сумасшедшій? Позвольте оговориться. Я согласенъ: человѣкъ есть животное по преимуществу созидающее, присужденное стремиться къ цѣли сознательно и заниматься инже-

нернымъ искусствомъ, то-есть вѣчно и безпрерывно дорогу себѣ прокладывать, хотя *куда бы то ни было*. Но вотъ *именно потому-то*, можетъ быть, *ему и хочется иногда вильнуть въ сторону, что онъ присужденъ пробивать эту дорогу*, да еще, пожалуй, потому, что какъ ни глупъ непосредственный дѣятель вообще, но все-таки ему иногда приходитъ на мысль, что *дорога-то*, оказывается, *почти всегда идетъ куда бы то ни было, и* что *главное дѣло не въ томъ, куда* она идетъ, *а въ томъ, чтобъ только шла*, и чтобъ благонравное дитя, пренебрегая инженернымъ искусствомъ, *не предавалось* губительной *праздности*, которая, какъ извѣстно, есть мать всѣхъ пороковъ. *Человѣкъ любитъ созидать* и дороги прокладывать, это безспорно. Но отчего же *тоже любитъ разрушеніе и хаосъ*? Вотъ это скажите-ка! Но объ этомъ мнѣ самому хочется заявить два слово особо. Не потому ли, можетъ быть, онъ такъ любитъ разрушеніе и хаосъ (вѣдь это безспорно, что онъ иногда очень любитъ, это ужъ такъ), что самъ *инстинктивно боится достигнуть цѣли и довершить созидаемое зданіе*? Почемъ вы знаете, можетъ быть, онъ *зданіе-то любитъ только издали, а отнюдь не вблизи*; можетъ быть, онъ только *любитъ созидать* его, *а не жить въ немъ, предоставляя его* потомъ aux animaux domestiques, какъ-то: *муравьямъ, баранамъ* и проч., и проч. Вотъ *муравьи совершенно другого вкуса*. У нихъ *есть* одно *удивительное зданіе* въ этомъ же родѣ, навѣки *нерушимое,—муравейникъ*.

„*Съ муравейника* достопочтенные *муравьи начали, муравейникомъ, навѣрно, и покончатъ*, что̀ приноситъ большую честь ихъ *постоянству* и *положительности*. Но человѣкъ существо легкомысленное и неблаговидное и, можетъ быть, подобно шахматному игроку, любитъ только одинъ процессъ достиженія цѣли, а не самую цѣль. И, кто знаетъ (поручиться нельзя), можетъ быть, что и *вся цѣль на землѣ, къ которой человѣчество стремится*, только и *заключается въ* одной этой *безпрерывности*

процесса достиженія; иначе сказать—въ самой *жизни*, а *не* собственно *въ цѣли*, которая, разумѣется, должна быть не *иное что*, *какъ дважды два четыре*, то-есть *формула*, а, вѣдь, *дважды два четыре есть* уже не жизнь, господа, а *начало смерти*. По крайней мѣрѣ, *человѣкъ всегда какъ-то боялся этого дважды два четыре, а я и теперь боюсь*. Положимъ человѣкъ только и дѣлаетъ, что *отыскиваетъ* эти дважды два четыре, океаны переплываетъ, жизнью жертвуетъ въ этомъ отысканіи, *но отыскать*, дѣйствительно *найти*,—ей Богу онъ *какъ-то боится*. Вѣдь чувствуетъ, что какъ найдетъ, такъ уже *нечего будетъ* тогда *отыскивать*. Работники, кончивъ работу, по крайней мѣрѣ деньги получатъ, въ кабачекъ пойдутъ, потомъ въ часть попадутъ,—ну, вотъ и занятіе на недѣлю. А *человѣкъ куда пойдетъ?* По крайней мѣрѣ, каждый разъ *замѣчается* въ немъ *что-то неловкое при достиженіи подобныхъ цѣлей*. Достиженіе онъ любитъ, а достигнуть—ужъ и не совсѣмъ, и это, конечно, ужасно смѣшно. Однимъ словомъ, *человѣкъ устроенъ комически*; во всемъ *этомъ, очевидно, заключается каламбуръ*. Но дважды два четыре—все-таки вещь пренесносная. Дважды два четыре смотритъ фертомъ, стоитъ поперекъ вашей дороги, руки въ боки и плюется. Я согласенъ, что дважды два четыре—превосходная вещь; но если ужъ все хвалить, то *и дважды два пять—премилая иногда вещица*.

„И почему вы такъ твердо, такъ торжественно увѣрены, что только одно нормальное и положительное,—однимъ словомъ,—только одно благоденствіе человѣку выгодно? Не ошибается ли разумъ-то въ выгодахъ? Вѣдь, можетъ быть, *человѣкъ любитъ не одно благоденствіе?* Можетъ быть, *страданіе-то* ему ровно *настолько-же выгодно, какъ и благоденствіе?* А человѣкъ иногда любитъ страданіе, *до страсти, и это—фактъ*. Тутъ ужъ и со всемірною исторіею справляться нечего; спросите себя самого, если только вы человѣкъ и хоть сколько-нибудь жили. Что же касается до моего личнаго мнѣнія, то *любитъ* только *одно благоденствіе*

даже какъ-то *и неприлично*. Хорошо ли, дурно ли,—но *разломать* иногда что-нибудь тоже *очень пріятно*. Я вѣдь тутъ, собственно, не за страданія стою, да и не за благоденствіе. Стою я... *за свой капризъ*, и за то, *чтобъ онъ былъ мнѣ гарантированъ, когда понадобится*. Страданіе, напримѣръ, въ водевиляхъ не допускается, я знаю. *Въ хрустальномъ двориѣ оно и немыслимо: страданіе есть сомнѣніе, есть отрицаніе, а что за хрустальный дворецъ, въ которомъ можно усумниться?* А между тѣмъ я увѣренъ, что *человѣкъ отъ* настоящаго *страданія*, то-есть *отъ разрушенія и хаоса*, никогда *не откажется*. Страданіе,—да вѣдь *это* единственная *причина сознанія*. Я хоть и доложилъ въ началѣ, что сознаніе, по моему, есть величайшее для человѣка несчастіе, но я знаю, что *человѣкъ его любитъ и не промѣняетъ ни на какія удовлетворенія*. *Сознаніе*, напримѣръ, безконечно *выше, чѣмъ дважды два*. Послѣ дважды двухъ ужъ, разумѣется, ничего не остается не только дѣлать, но даже и узнавать. Все, что тогда можно будетъ, это—заткнуть свои пять чувствъ и погрузиться въ созерцаніе. Ну а при сознаніи хоть и тотъ же результатъ выходитъ, то-есть тоже будетъ нечего дѣлать, но, по крайней мѣрѣ, самого себя иногда можно посѣчь, а это все-таки поживляетъ. Хоть и ретроградно, а все же лучше, чѣмъ ничего.

* * *

„Вы вѣрите въ *хрустальное зданіе*, на вѣки *нерушимое*, то-есть въ такое, *которому нельзя* будетъ *ни языка украдкой выставить, ни кукиша въ карманъ показать*. Ну, а я, можетъ быть, *потому-то и боюсь этого зданія, что оно хрустальное и на вѣки нерушимое,—и что нельзя будетъ даже и украдкою языка ему выставить*.

„Вотъ видите ли: *если* вмѣсто дворца *будетъ курятникъ и пойдетъ дождь, я, можетъ быть, и влѣзу въ курятникъ, чтобъ не замочиться: но всетаки курятника не*

приму за дворецъ, изъ благодарности, что онъ меня отъ дождя сохранилъ. Вы смѣетесь, вы даже говорите, что въ этомъ случаѣ курятникъ и хоромы—все равно. Да, отвѣчаю я, *если-бъ надо было жить только для того, чтобъ не замочиться.*

„Но что-же дѣлать, если я *забралъ себѣ въ голову, что живутъ и не для* одного *этого* и что если ужъ—жить, *такъ ужъ* жить—*въ хоромахъ* [1]). Это—мое хотѣніе, это—желанія мои. Вы его выскоблите изъ меня только тогда, когда перемѣните желаніе мое. Ну, перемѣните, *прельстите* меня *другимъ, дайте* мнѣ *другой идеалъ.* А *покамѣстъ* я *не приму курятника за дворецъ.* Пусть даже такъ будетъ, что хрустальное зданіе есть пуфъ, что по законамъ природы его и не полагается, и что *я выдумалъ его* только вслѣдствіе моей собственной глупости, вслѣдствіе нѣкоторыхъ старинныхъ, нераціональныхъ привычекъ нашего поколѣнія. Но *какое мнѣ дѣло, что его не полагается. Не все ли равно, если онъ существуетъ въ моихъ желаніяхъ,* или, лучше сказать, *существуетъ, пока существуютъ мои желанія?* Можетъ быть, вы опять смѣетесь? Извольте смѣяться; я всѣ насмѣшки приму и все-таки не скажу, что я сытъ, когда я ѣсть хочу, все-таки знаю, что я неуспокоюсь на компромиссѣ, на безпрерывномъ періодическомъ нулѣ, потому только, что онъ существуетъ по законамъ природы и существуетъ *дѣйствительно.* Я *не приму за вѣнецъ желаній моихъ—капитальный домъ съ квартирами бля бѣдныхъ жильцовъ по контракту на тысячу лѣтъ* [2]) и, на всякій случай, съ зубнымъ врачемъ Вагенгеймомъ на вывѣскѣ. *Уничтожьте* мои *желанія, сотрите* мои *идеалы, покажите мнѣ что-нибудь лучше—и я за вами пойду.* Вы, пожалуй, ска-

---

1) Здѣсь говорится о возможности *мечты, воображенія, идеала,* что́ при „курятникѣ“ (наша бѣдная дѣйствительность) сохраняется человѣку, а въ „хрустальномъ дворцѣ“ для него исчезнетъ; говорится также и о потребности въ немъ *отрицанія,* которое самою идеею „дворца“ уничтожается.

2) Говорится о коммунистическихъ идеяхъ Фурье и др.

жете, что не стоитъ и связываться; но, въ такомъ случаѣ, вѣдь, и я вамъ могу тѣмъ же отвѣтить. Мы разсуждаемъ серьезно; а не хотите меня удостоить вашимъ вниманіемъ, такъ, вѣдь, кланяться не буду. У меня есть подполье.

„А покамѣсть я еще живу и желаю,—да отсохни у меня рука, коль я хоть одинъ кирпичикъ на такой капитальный домъ принесу! Не смотрите на то, что я давеча самъ хрустальное зданіе отвергъ, *единственно по той причинѣ, что его нельзя языкомъ подразнить.* Я это говорилъ *вовсе не потому*, что ужъ такъ *люблю мой языкъ выставлять.* Я, можетъ быть, на то только и сердился [1]), что *такого зданія, которому бы можно и не выставлять языка*, изъ всѣхъ *нашихъ* [2]) зданій—до сихъ поръ не находится. Напротивъ, *я бы далъ себѣ совсѣмъ отрѣзать языкъ изъ одной благодарности, если-бъ только устроилось такъ, чтобъ мнѣ самому уже болѣе никогда не хотѣлось его высовывать.* Какое мнѣ дѣло до того, что такъ невозможно устроить и что надо довольствоваться квартирами. *Зачѣмъ же* [3]) *я устроенъ съ такими желаніями? Неужели-жъ я для того и устроенъ, чтобъ дойти до заключенія, что* все *мое устройство—одно надуваніе?* Неужели въ этомъ вся цѣль? Не вѣрю.

„А, впрочемъ, знаете что: я убѣжденъ, что *нашего брата подпольнаго нужно въ уздѣ держать*“.

(„Записки изъ подполья“, гл. VII—X).

Здѣсь, такимъ образомъ, не только обнаружена невозможность разрѣшенія этой задачи, но и показаны три модуса, подъ которыми

---

[1]) Съ этихъ словъ прямо начинается уже переходъ къ возможности такого „зданія“ на иныхъ началахъ, мистическихъ, религіозныхъ,—т. е. къ идеѣ „Легенды о Великомъ Инквизиторѣ“.

[2]) Т. е. *раціонально, разсудочно, утилитарно* построяемыхъ.

[3]) Отсюда уже тонъ и мысли самой „Легенды о Великомъ Инквизиторѣ“.

могли бы ожидать рѣшенія. Изъ нихъ одинъ избранъ природою и основанъ на вложеніи въ натуру устрояемыхъ существъ инстинкта не ошибающагося, безотчетнаго, постоянно дѣйствующаго и притомъ одинаково (*муравейникъ*); второй осуществляется въ исторіи; это—неудобная, несовершенная, измѣнчивая дѣйствительность (*кунятникъ*), съ которою человѣкъ вѣчно враждуетъ, ее не уважаетъ, къ ней не привязанъ, но ею пользуется—отъ „дождя“ (т. е. преступленій грубыхъ и частныхъ, отъ голода и нужды мелкой, отъ насилія и пр.) и, въ случаѣ—отъ „грозы“, хотя она обычно эту дѣйствительность сноситъ; отъ нея человѣкъ вѣчно силится перейти къ третьему модусу—*хрустальному дворцу*—формулѣ окончательной, всеудовлетворяющей, вѣчной,—и ея-то критика дана въ приведенной выдержкѣ.

Въ „Преступленіи и Наказаніи“ та же мысль выражена въ болѣзненныхъ грезахъ Раскольникова, въ Сибири, когда Соня занемогла и онъ остался совершенно одинъ; ими образно какъ бы *заключается* идейное развитіе главнаго лица романа, какъ бы высказывается *судъ* его надъ тревожными своими мыслями, *окончательная* на нихъ *точка зрѣнія*. Вотъ эти слова:

„Ему грезилось въ болѣзни, будто *весь міръ осужденъ въ жертву какой-то страшной, неслыханной и невиданной* моровой *язвѣ*, идущей изъ глубины Азіи на Европу. *Всѣ должны* были *погибнуть*, кромѣ нѣкоторыхъ, весьма немногихъ избранныхъ. Появились какія-то новыя трихины, существа микроскопическія, вселявшіяся въ тѣла людей. Но эти существа были *духи* [1]), *одаренные умомъ и волей. Люди,* принявшіе ихъ въ себя, *становились* тотчасъ же *безноватыми и сумасшедшими.* Но никогда, *никогда люди не считали себя такъ умными и непо-*

---

[1]) Первая идея романа „Бѣсы“, который, такимъ образомъ, черезъ это мѣсто связывается съ „Преступленіемъ и Наказаніемъ“, а черезъ смыслъ этого мѣста съ „Записками изъ подполья“ и, далѣе, съ „Легендою“. „Бѣсы“—только очень широко выполненная картина этого сна, она же и картина своего времени и общества, иносказательно выраженнаго здѣсь, въ этомъ снѣ.

колебимыми въ истинѣ, какъ считали *эти зараженные.* Никогда не считали непоколебимѣе своихъ *приговоровъ,* своихъ *научныхъ выводовъ,* своихъ *нравственныхъ убѣжденій и вѣрованій.* Цѣлыя селенія, цѣлые *города и народы заражались и сумасшедствовали. Всѣ* были *въ тревогѣ и не понимали другъ друга,* всякій думалъ, что *въ немъ одномъ заключается истина,* и *мучился, глядя на другихъ,* билъ себя въ грудь, плакалъ и ломалъ себѣ руки. Не знали, *кого* и *какъ судить, не могли согласиться, что считать зломъ, что добромъ* [1]). Не знали, *кого обвинять, кого оправдывать.* Люди *убивали* другъ друга *въ* какой-то *безсмысленной злобѣ.* Собирались *другъ на друга* цѣлыми *арміями,* но *арміи* уже *въ походѣ вдругъ начинали сами терзать себя,* ряды разстраивались, воины бросались другъ на друга, кололись и рѣзались, *кусали и ѣли другъ друга.* Въ городахъ цѣлый день *били въ набатъ: созывали* всѣхъ, но *кто и для чего зоветъ—никто не зналъ* того, а *всѣ были въ тревогѣ. Оставляли* [2]) *самыя обыкновенныя ремесла,* потому что всякій предлагалъ *свои мысли, свои поправки* и *не могли согласиться;* остановилось земледѣліе. Кое-гдѣ люди сбѣгались въ кучи, *соглашались вмѣстѣ на что-нибудь, клялись не разставаться,—но тотчасъ же начинали* что-нибудь совершенно *другое,* чѣмъ сейчасъ же сами *предполагали* [3]), начинали *обвинять другъ друга, дра-*

---

[1]) Это языкъ и мысли „Легенды о Великомъ Инквизиторѣ“. Нѣсколькими строками ниже, отъ смутности настоящаго—воображеніе продвигается впередъ, къ ужасу будущаго. Моментъ этого-то ужаса и взятъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ „Легенды“, въ словахъ „объ антропофагіи“ о „неумѣніи человѣка различать добро и зло“, и т. д.

[2]) Здѣсь, собственно, и выступаетъ неустроимость, несогласимость человѣческой мысли, которая къ *единству, всеобщности* признанія чего-либо истиннымъ и окончательнымъ—никогда не придетъ.

[3]) Мысль совершенно „Записокъ изъ подполья“.

лись и *рѣзались*. Начались пожары, начался голодъ. Всѣ и все погибало. Язва росла и подвигалась дальше и дальше. Спастись въ всемъ мірѣ [1]) могли только нѣсколько человѣкъ: это были чистые и избранные, предназначенные начать новый родъ людей [2]) и *новую жизнь, обновить и очистить землю,*—но никто и нигдѣ не видалъ этихъ людей, никто не слыхалъ ихъ слова и голоса“.

„Преступленіе и Нак.“, Эпилогъ, II.

Здѣсь мы имѣемъ, такимъ образомъ, какъ бы узелъ, въ которомъ связаны лучшія произведенія Достоевскаго: это—*заключеніе* „Преступленія и Наказанія“, въ тоже время—это *тема* „Бѣсовъ“; она входитъ, какъ *образующая* черта, въ „Легенду о Великомъ Инквизиторѣ“, которая и отвѣчаетъ на потребность умиротворить этотъ хаосъ, уничтожить это смятеніе, и, хотя одною стороною, косымъ намекомъ, указываетъ на „Сонъ смѣшного человѣка“ въ „Дневникѣ писателя“.

Къ стр. 130—148. „Идея пониженія психическаго уровня человѣка, съуженія его природы, какъ средство устроенія судьбы его наземлѣ, составляетъ вторую образующую черту „Легенды“, отвѣчающую только что выясненной первой“.—Первоначальное ея выраженіе, но безъ примѣси религіозно-мистическихъ основъ, было сдѣлано Достоевскимъ въ 1870—71 г. г., въ романѣ „Бѣсы“. Это—теорія, высказанная эпизодически вставленнымъ лицомъ, Шигалевымъ, и мы приведемъ изъ главы VII („У нашихъ“, отд. II) мѣста, въ которыхъ или онъ самъ, или за него другіе указываютъ коренные пункты этой теоріи:

„Длинноухій Шигалевъ съ мрачнымъ и угрюмымъ видомъ мед-

---

[1]) Это уже образы „Легенды“, ей „оправданныхъ и избранныхъ“, 144 тысячъ Апокалипсиса.

[2]) Черезъ эти слова данное мѣсто соединяется со „Сномъ смѣшного человѣка“ въ „Дневникѣ писателя“, съ полетомъ на *новую землю, къ новой породѣ людей,* еще *чистыхъ и неразвращенныхъ.*

ленно поднялся съ своего мѣста и меланхолически положилъ толстую и чрезвычайно мелко исписанную тетрадь на столъ. Онъ не садился и молчалъ. Многіе съ замѣшательствомъ смотрѣли на тетрадь, но Липутинъ, Виргинскій и хромой учитель были, казалось, чѣмъ-то довольны.

„—Посвятивъ мою энергію,—началъ онъ,—на изученіе вопроса о соціальномъ устройствѣ будущаго общества, которымъ замѣнится настоящее, я пришелъ къ убѣжденію, что всѣ созидатели соціальныхъ системъ, съ древнѣйшихъ временъ до нашего 187... года, были мечтатели, сказочники, глупцы, противорѣчившіе себѣ, ничего ровно не понимавшіе въ естественной наукѣ и въ томъ странномъ животномъ [1]), которое называется человѣкомъ. Платонъ, Руссо, Фурье, колоніи изъ аллюминія—все это годится развѣ для воробьевъ, а не для общества человѣческаго. Но такъ какъ будущая общественная форма необходима именно теперь, когда всѣ мы, наконецъ, собираемся дѣйствовать, чтобъ уже болѣе не задумываться, то я и предлагаю собственную мою систему устройства міра.

„Объявляю заранѣе, что система моя не окончена. Я запутался въ собственныхъ данныхъ, и мое заключеніе въ прямомъ противорѣчіи съ первоначальной идеей, изъ которой я выхожу. *Выходя изъ безграничной свободы, я заключаю безграничнымъ деспотизмомъ* [2]). Прибавлю, однако-жъ, что, *кромѣ моего разрѣшенія общественной формулы, не можетъ быть никакого.*

„— Если вы сами не съумѣли слѣпить свою систему и *пришли къ отчаянію*, то намъ-то тутъ чего дѣлать? осторожно замѣтилъ одинъ изъ слушающихъ.

„—*Вы правы*,—рѣзко оборотился къ нему Шигалевъ,—и всего болѣе *тѣмъ, что употребили слово „отчаяніе“*. Да, *я приходилъ къ отчаянію*; тѣмъ не менѣе все, *что изло-*

---

1) Языкъ и тонъ „Легенды“; подъ „естественною наукою“ разумѣется естественная наука о человѣкѣ, его психологія, какъ она выражается въ фактахъ исторіи и текущей дѣйствительности.

2) Тема и „Легенды о великомъ Инквизиторѣ“.

жено въ моей книгѣ,—*незамѣнимо, и другого выхода нѣтъ*; никто ничего не выдумаетъ. И потому спѣшу, не теряя времени, пригласить все общество, по выслушаніи моей книги, заявить свое мнѣніе. Если же члены не захотятъ меня слушать, то разойдемся въ самомъ началѣ,—мужчины—чтобы заняться государственною службой, женщины въ свои кухни, потому что, *отвергнувъ книгу мою, другого выхода* они не найдутъ. Ни-ка-кого! Упустивъ же время — повредятъ себѣ, такъ какъ потомъ *неминуемо къ тому же воротятся* [1]).

„Среди гостей началось движеніе:—„Что онъ, помѣшанный что-ли?“ раздались голоса...

„— Тутъ не то-съ,—ввязался, наконецъ, хромой. Вообще онъ говорилъ съ нѣкоторой какъ бы насмѣшливою улыбкой, такъ что, пожалуй, трудно было и разобрать, искренно онъ говоритъ или шутитъ.—„Тутъ, господа, не то-съ. Г. Шигалевъ слишкомъ серьезно преданъ своей задачѣ и притомъ слишкомъ скроменъ. Мнѣ книга его извѣстна. Онъ *предлагаетъ, въ видѣ конечнаго разрѣшенія вопроса—раздѣленіе человѣчества на двѣ неравныя части.* Одна *десятая доля получаетъ свободу личности и безграничное право надъ остальными девятью десятыми.* Тѣ же *должны потерять личность и обратиться вродѣ какъ въ стадо, и, при безграничномъ повиновеніи,* достигнуть—рядомъ перерожденій—первобытной невинности, вродѣ какъ бы *первобытнаго рая,* хотя, впрочемъ, и *будутъ работать.* Мѣры, предлагаемыя авторомъ для *отнятія у девяти десятыхъ человѣчества воли и передѣлки его въ стадо, посредствомъ перевоспитанія цѣлыхъ поколѣній,—весьма замѣчательны, основаны на естественныхъ данныхъ и очень логичны* [2]). Можно не согласиться съ

---

[1]) Слова объ отчаяніи и объ отсутствіи иного выхода проникаютъ и „Легенду“.

[2]) Это уже есть логическій компендіумъ „Легенды“; съ тѣмъ вмѣстѣ, изъ трехъ формулъ жизни человѣческой, указанныхъ въ

инымп выводами, но въ умѣ и знаніяхъ автора усомниться трудно. Жаль, что условіе десяти вечеровъ совершенно несовмѣстимо съ обстоятельствами, а то бы мы могли услышать много любопытнаго.

„—Неужели вы серьезно?— обратилась къ хромому m-me Вергинская, въ нѣкоторой даже тревогѣ.—Если *этотъ человѣкъ, не зная, куда дѣваться съ людьми, обращаетъ девять десятыхъ ихъ въ рабство*? Я давно подозрѣвала его.

„—То-есть, вы про вашего братца?—спросилъ хромой.

„—Родство? Вы смѣетесь надо мною или нѣтъ?

„—И, кромѣ того: *работать на аристократовъ и повиноваться имъ, какъ богамъ*— это подлость! яростно замѣтила студентка.

„—Я предлагаю не подлость, а *рай*, земной рай,—и *другого на землѣ быть не можетъ*, властно заключилъ Шигалевъ.

—„А я бы вмѣсто рая,—вскричалъ Лямшинъ,—взялъ бы этихъ девять десятыхъ человѣчества, если ужъ некуда съ ними дѣваться, и взорвалъ ихъ на воздухъ, а оставилъ бы только кучку людей образованныхъ, которые и начали бы жить-поживать по-ученому.

„—Такъ можетъ говорить только шутъ! —вспыхнула студентка.

„—Онъ шутъ, но полезенъ,—шепнула ей m-me Вергинская.

„—И, можетъ быть, *это было бы самымъ лучшимъ разрѣшеніемъ задачи*! горячо оборотился Шигалевъ къ Лямшину;— *вы*, конечно, *и не знаете, какую глубокую вещь* удалось сказать, господинъ веселый человѣкъ. Но *такъ какъ* ваша идея почти *невыполнима*, то и надо *ограничиться земнымъ раемъ*, если ужъ такъ это назвали.

„—Однако, порядочный вздоръ! какъ бы вырвалось у Верховенскаго. Впрочемъ, онъ совершенно равнодушно и не подымая глазъ продолжалъ обстригать свои ногти.

„Запискахъ изъ подполья“, мысль автора клонится къ идеѣ „*Муравейника*“, съ замѣной господствующаго тамъ *неогибающагося* инстинкта—*непрекословящимъ* повиновеніемъ.

—„Почему же вздоръ-съ?—тотчасъ же подхватилъ хромой, какъ будто такъ и ждалъ отъ него перваго слова, чтобы вцѣпиться. — Почему же именно вздоръ? Господинъ Шигалевъ отчасти *фанатикъ человѣколюбія*; но вспомните, что у Фурье, у Кабета особенно и даже у самого Прудона есть множество самыхъ деспотическихъ и самыхъ фантастическихъ предрѣшеній вопроса. Господинъ Шигалевъ даже, можетъ быть, гораздо *трезвѣе ихъ разрѣшаетъ* дѣло. Увѣряю васъ, что, *прочитавъ* книгу его, почти *невозможно не согласиться* съ иными вещами. Онъ, можетъ быть, *менѣе* всѣхъ *удалился отъ реализма*, и *его* земной *рай* есть почти настоящій—*тотъ самый*, *о потерѣ котораго вздыхаетъ человѣчество*, если только онъ когда-нибудь существовалъ“.

Дальнѣйшее изложеніе и оцѣнку мысли Шигалева мы находимъ въ разговорѣ между Ставрогинымъ и П. Верховенскимъ, когда они шли съ вечера:

„—Шигалевъ—*геніальный* человѣкъ! Знаете-ли, что это геній въ родѣ Фурье, но—смѣлѣе Фурье; я имъ займусь. Онъ *выдумалъ* „*равенство*“! проговорилъ Верховскій.

„—Съ нимъ лихорадка и онъ бредитъ; съ нимъ что-то случилось особенное“, подумалъ о немъ еще разъ Ставрогинъ. Оба шли не останавливаясь.

„—У него хорошо въ тетради,—продолжалъ Верховенскій,—у него шпіонство. У него каждый членъ общества смотритъ одинъ за другимъ и обязанъ доносомъ. Каждый принадлежитъ всѣмъ, а всѣ каждому. *Всѣ рабы и въ рабствѣ равны.* Въ крайнихъ случаяхъ—клевета и убійство, а, главное—равенство. *Первымъ дѣломъ понижается уровень образованія, наукъ и талантовъ.* Высокій уровень наукъ и талантовъ доступенъ только высшимъ способностямъ,—*не надо высшихъ способностей*! Высшія способности всегда *захватывали власть* и *были деспотами*. Высшія способности *не могутъ не быть деспотами* и *всегда развращали болѣе, чѣмъ приносили пользы; ихъ изгоня-*

юпъ или *казнять*. Цицерону отрѣзывается языкъ, Копернику выкалываютъ глаза, Шекспиръ побивается камнями, — вотъ Шигалевщина! Рабы должны быть равны: *безъ деспотизма* еще *не бывало ни свободы ни равенства*, но *въ стадѣ должно быть равенство*—и вотъ Шигалевщина! Ха-ха-ха, вамъ странно? Я за Шигалевщину!

„Ставрогинъ старался ускорить шагъ и добраться поскорѣе домой.—„Если этотъ человѣкъ пьянъ, то гдѣ же онъ успѣлъ напиться“, приходило ему на умъ.—„Неужели же коньякъ?“

„—Слушайте, Ставрогинъ: *горы сравнять*—*хорошая мысль, не смѣшная*. Я за Шигалева! *Не надо образованія, довольно науки! И безъ науки хватитъ матеріалу на тысячу лѣтъ*, но *надо устроиться послушанію. Въ мірѣ одного только не достаетъ* [1]) — *послушанія. Жажда образованія есть уже жажда аристократическая.* Чуть-чуть *семейство* или *любовь*—вотъ уже и *желаніе собственности*. Мы *улоримъ желаніе*: мы пустимъ пьянство, сплетни, доносъ; мы пустимъ неслыханный разврать; мы *всякаго генія потушимъ въ младенчествѣ*. Все къ одному знаменателю, полное равенство! „Мы научились ремеслу, и мы честные люди, намъ не надо ничего другого“—вотъ недавній отвѣтъ англійскихъ рабочихъ. *Необходимо лишь необходимое*! вотъ девизъ земного шара отселѣ. Но *нужна и судорога*; объ этомъ позаботимся *мы*, *правители*. У рабовъ *должны быть правители*. Полное *послушаніе*, полная *безличность*, но разъ въ тридцать лѣтъ Шигалевъ пускаетъ и судорогу и всѣ вдругъ *начинаютъ пожрать другъ друга, до извѣстной черты, единственно чтобы не было скучно*. Скука есть ощущеніе аристократическое; въ Шигалевщинѣ не будетъ *желаній. Желаніе и страданія—для насъ* [2]), а для рабовъ—Шигалевщина.

---

[1]) Съ этихъ словъ мы прямо входимъ въ оборотъ мысли, развиваемой въ „Легендѣ“.

[2]) Здѣсь опять встрѣчаемъ частную мысль „Легенды“—о томъ,

„—Себя вы исключаете? сорвалось опять у Ставрогина.

„—И васъ. Знаете-ли, *я думалъ отдать міръ папѣ.* Пусть онъ *выйдетъ пѣшій и босъ и покажется чернь.* „Вотъ“, дескать, „до чего меня довели!“—и все повалитъ за нимъ, даже войско. *Папа—вверху, мы—кругомъ, а подъ нами—Шигалевщина.* Надо только, чтобы *съ папой Intérnationale согласилась*: такъ и будетъ. А старикашка *согласится* мигомъ. Да *другого ему и выхода нѣтъ*, вотъ помяните мое слово“ [1]).

„Бѣсы“, гл. VII и VIII.

что свобода и познаніе добра и зла должна быть взята немногими, а остальному человѣчеству должно быть предоставлено повиновеніе и сытость.

[1]) Слишкомъ, слишкомъ приходится „помянуть“... Писано было это Достоевскимъ въ 1871 году, при Піѣ IX, консервативнѣйшемъ изъ папъ (во вторую половину своей жизни) и наиболѣе униженномъ въ своей власти. И вотъ—его преемникъ, Левъ XIII, изъ всего, что онъ тайно думалъ, что ему явно указывалось, на что онъ мнился, къ чему призывался, избираетъ, къ смущенію цѣлаго міра, какъ бы программою своею—слова, сказанныя еще при его предшественникѣ о папствѣ далекимъ и ему, вѣроятно, неизвѣстнымъ публицистомъ враждебной и мало знаемой страны. Между великимъ и смѣшнымъ часто одинъ шагъ; въ словахъ: „я думалъ отдать міръ папѣ“ какъ не увидѣть и тому дѣятельности публициста-богослова, Вл. Соловьева, съ его усиліями дать папѣ духовно Россію, дабы въ ней онъ получилъ физическое орудіе, матерьяльную силу для возстановленія своего владычества надъ расшатаннымъ, дезорганизованнымъ міромъ. Но мы должны помнить замѣчательныя слова „проэкта“: вокругъ него— *мы* (религіозно-политическіе мошенники, какъ ниже, въ не приведенныхъ строкахъ, опредѣляетъ себя П. Верховенскій), а внизу—Шигалевщина (рабское, тупое стадо). Конечно, исторія не можетъ, не должна такъ грустно кончиться: этого не допуститъ Богъ, живой нашъ Богъ, Царь Небесный истинный, а не Его нѣмое подобіе, мелькающее въ воображеніи экзальтированныхъ людей, глаза которыхъ слѣпы, слухъ утерянъ и потому разумъ такъ искаженъ и слово косноязычно.

Вотъ грубый и грязный, но уже полный очеркъ „Легенды“; мазокъ углемъ по полотну, который, однако, тамъ именно и такъ именно проводится художникомъ, какъ и гдѣ позднѣе онъ положитъ яркія и вѣчныя краски своею кистью.

Къ стр. 149—164. Идея римскаго католицизма, какъ противоположенія христіанству, впервые высказана была Достоевскимъ въ 1868 г., въ романѣ „Идіотъ“, въ слѣдующемъ разговорѣ:

„...Не съ этимъ-ли Павлищевымъ исторія вышла какая-то странная... съ аббатомъ... съ аббатомъ... Забылъ, съ какимъ аббатомъ, но только всѣ тогда что-то разсказывали,—произнесъ, какъ-бы припоминая, сановникъ.

„—Съ аббатомъ Гуро, іезуитомъ,—напомнилъ Иванъ Петровичъ, — да-съ, вотъ-съ превосходнѣйшіе-то люди наши—достойнѣйшіе-то. Потому что всетаки человѣкъ былъ родовой, съ состояніемъ, камергеръ, и, еслибы... продолжалъ служить... И вотъ, бросаетъ вдругъ службу и все, чтобы перейти въ католицизмъ и стать іезуитомъ, да еще чуть не открыто, съ восторгомъ какимъ-то. Право, кстати умеръ... Да, тогда всѣ говорили.

„—Павлищевъ былъ свѣтлый умъ и христіанинъ, истинный христіанинъ,—произнесъ вдругъ князь („идіотъ“),—какъ-же могъ онъ *подчиниться вѣрѣ... нехристіанской? Католичество—все равно, что вѣра нехристіанская* прибавилъ онъ вдругъ, засверкавъ глазами и смотря передъ собой, какъ-то вообще обводя глазами всѣхъ вмѣстѣ.

„—Ну, это слишкомъ,—пробормоталъ старичокъ, и съ удивленіемъ поглядѣлъ на Ивана Ѳедоровича.

„—Какъ такъ? это католичество—вѣра нехристіанская? повернулся на стулѣ Иванъ Петровичъ.—А какая же?

„—Нехристіанская вѣра, во-первыхъ! въ чрезвычайномъ волненіи и не въ мѣру рѣзко заговорилъ опять князь: — это во-первыхъ, а, во-вторыхъ, *католичество римское даже хуже са-*

мало атеизма, таково мое мнѣніе! Да, таково мое мнѣніе! Атеизмъ только проповѣдуетъ нуль, а католицизмъ идетъ дальше: онъ *искаженнаго Христа проповѣдуетъ*, имъ же оболганнаго и поруганнаго, *Христа противоположнаго*! Онъ Антихриста проповѣдуетъ, клянусь вамъ, увѣряю васъ! *Это* мое личное и давнишнее *убѣжденіе*, и оно *меня* самого *измучило*... Римскій католицизмъ вѣруетъ, что *безъ всемірной государственной власти Церковь не устоитъ на землѣ*, и кричитъ: Non possumus! По моему, римскій католицизмъ *даже и не вѣра, а* рѣшительно—*продолженія Западной Римской имперіи*, и въ немъ все подчинено этой мысли, начиная съ вѣры. *Папа захватилъ* землю, *земной престолъ, и взялъ мечъ*; съ тѣхъ поръ все такъ и идетъ, только *къ мечу прибавили ложь, пронырство, обманъ, фанатизмъ, суевѣріе, злодѣйство, играли* самыми *святыми, правдивыми, простодушными, пламенными чувствами народа*, все, все промѣняли за деньги, за низкую земную власть. И это не ученіе антихристово?! *Какъ же было* не выйти *отъ нихъ атеизму? Атеизмъ* отъ нихъ *вышелъ, изъ* самаго *римскаго католичества*! Атеизмъ, прежде всего, *съ нихъ* самихъ и *начался: могли-ли они вѣровать себѣ сами*? Онъ *укрылся изъ отвращенія къ нимъ*; онъ—*порожденіе* ихъ *лжи и безсилія духовнаго*! Атеизмъ! У насъ не вѣруютъ еще только сословія „исключительныя“, какъ великолѣпно выразился Евгеній Павловичъ, корень потерявшія; а тамъ, *въ Европѣ*, уже страшныя *массы самого народа начинаютъ не вѣровать*,—прежде отъ тьмы и отъ лжи, а теперь уже изъ фанатизма, *изъ ненависти къ Церкви и къ Христіанству*.

„Князь остановился перевести духъ. Онъ ужасно скоро говорилъ. Онъ былъ блѣденъ и задыхался. Всѣ переглядывались, но, наконецъ, старичокъ откровенно разсмѣялся. Князь N. вынулъ лорнетъ и, не отрываясь, разсматривалъ князя. Нѣмчикъ-поэтъ выползъ изъ угла и подвинулся поближе къ столу, улыбаясь зловѣщею улыбкой.

„—Вы очень пре-у-вели-чиваете, протянулъ Иванъ Петровичъ съ нѣкоторою скукой и даже какъ будто чего-то совѣстясь, — тамошней Церкви тоже есть представители, достойные всякаго уваженія и до-бро-дѣтельные...

„Я никогда и *не* говорилъ *объ отдѣльныхъ* представителяхъ Церкви. Я *о римскомъ католичествѣ въ его сущности* говорилъ, я о Римѣ говорю. Развѣ можетъ Церковь совершенно изчезнуть? Я никогда этого не говорилъ!

„Согласенъ, но все это—извѣстно, и даже— не нужно и... принадлежитъ богословію...

„—О, нѣтъ, о, нѣтъ! Не одному богословію, увѣряю васъ, что нѣтъ! Это гораздо ближе касается насъ, чѣмъ вы думаете. Въ этомъ-то вся и ошибка наша, что мы не можемъ еще видѣть, что это дѣло не исключительно одно только богословское! Вѣдь *и соціализмъ порожденіе католичества и католической сущности*! *Онъ* тоже, *какъ и* братъ его *атеизмъ, вышелъ изъ отчаянія*, въ противоположность католичеству въ смыслѣ нравственномъ, *чтобы замѣнить* собой *потерянную* нравственную *власть религіи*, чтобы утолить жажду духовную возжаждавшаго человѣчества и *спасти* [1]) его *не Христомъ, а также насиліемъ*! Это тоже *свобода черезъ насиліе*! Это тоже *объединеніе черезъ мечъ и кровь*! „Не смѣй вѣровать въ Бога, не смѣй имѣть собственности, не смѣй имѣть личности, fraternité ou la mort, два милліона головъ!“ „По дѣламъ ихъ вы узнаете ихъ“— это сказано! И не думайте, чтобъ это было все такъ невинно и безстрашно для насъ; о, намъ нуженъ отпоръ, и скорѣй, скорѣй! *Надо*, чтобы возсіялъ *въ отпоръ Западу нашъ Христосъ*, котораго мы сохранили и котораго они и не знали! Не рабски попадаясь на крючекъ іезуитамъ, а нашу русскую цивилизацію имъ неся, мы должны теперь стать передъ ними; и пусть не говорятъ у насъ, что проповѣдь ихъ изящна, какъ сейчасъ сказалъ кто-то...

[1]) Говорится сейчасъ „также“, т.-е. эти черты есть и въ католицизмѣ, какъ въ немъ указаны онѣ „Легендою“.

„—Но позвольте-же, позвольте же, забезпокоился ужасно Иванъ Петровичъ, озираясь кругомъ и даже начиная трусить,— всѣ ваши мысли, конечно, похвальны и полны патріотизма: но все это въ высшей степени преувеличено и... даже лучше объ этомъ оставить.

„—Нѣтъ, не преувеличено, скорѣй уменьшено; именно, уменьшено, потому что я не въ силахъ выразиться, но...

„— По-зволь-те-же!

„Князь замолчалъ. Онъ сидѣлъ, выпрямившись на стулѣ и неподвижно огненнымъ взглядомъ глядѣлъ на Ивана Петровича.

„— Мнѣ кажется, что васъ слишкомъ уже поразилъ случай съ вашимъ благодѣтелемъ, ласково и теряя спокойствія, замѣтилъ старичокъ:—вы воспламенены... можетъ быть, уединеніемъ. Если бы вы пожили больше съ людьми—а въ свѣтѣ, я надѣюсь, вамъ будутъ рады, какъ замѣчательному молодому человѣку—то, конечно, успокоите ваше одушевленіе и увидите, что все это гораздо проще... и къ тому же такіе рѣдкіе случаи... происходятъ, по моему взгляду, отчасти отъ нашего пресыщенія, а отчасти отъ... скуки...

„— Именно, именно такъ,—вскричалъ князь,—великолѣпнѣйшая мысль! Именно „отъ скуки, отъ нашей скуки“, не отъ пресыщенія, а, напротивъ, отъ жажды... не отъ пресыщенія, вы въ этомъ ошиблись! Не только отъ жажды... но даже отъ воспаленія, отъ жажды горячешной! И... и не думайте, что въ такомъ маленькомъ видѣ, что можно только смѣяться; извините меня, *надо умѣть предчувствовать*! Наши, какъ доберутся до берега, какъ увѣруютъ, что это—берегъ, то ужъ такъ обрадуются ему, что немедлено дохлятъ до послѣднихъ столповъ; отчего это? Вы вотъ дивитесь на Павлищева, вы все приписываете его сумасшествію, или добротѣ, но это не такъ! И не насъ однихъ, а всю Европу дивитъ въ такихъ случаяхъ русская страстность наша: у насъ коль въ католичество перейдетъ,—то ужъ непремѣнно іезуитомъ станетъ, да еще изъ самыхъ подземныхъ; коль скоро атеистомъ станетъ, то непремѣнно начнетъ требовать искорененія вѣры въ Бога насиліемъ, то-есть,

стало быть, и мечемъ! Отчего это, отчего разомъ такое изступленіе? Неужто не знаете? Отъ того, что онъ *отечество нашелъ, которое здѣсь просмотрѣлъ*, и обрадовался; *берегъ, землю нашелъ, и бросился ее цѣловать*! Не изъ одного вѣдь тщеславія, не все, вѣдь, отъ однихъ скверныхъ, тщеславныхъ чувствъ происходятъ русскіе атеисты и іезуиты, а и *изъ боли духовной, изъ жажды духовной, изъ тоски по высшему дѣлу, по крѣпкому берегу, по родинѣ, въ которую вѣровать перестали, потому что никогда ея и не знали*! Атеистомъ же такъ легко сдѣлаться русскому человѣку,—легче, чѣмъ всѣмъ остальнымъ во всемъ мірѣ! Но наши не просто становятся атеистами, а непремѣнно *увѣруютъ* въ атеизмъ, какъ бы въ новую вѣру, никакъ и не замѣчая, что увѣровали въ нуль. Такова наша жажда! „Кто почвы подъ собой не имѣетъ, тотъ и Бога не имѣетъ“. Это — не мое выраженіе. Это выраженіе одного купца изъ старообрядцевъ, съ которымъ я встрѣтился, когда ѣздилъ. Онъ, правда, онъ не такъ выразился, онъ сказалъ: „Кто отъ родной земли отказался, тотъ и отъ Бога своего отказался“. Вѣдь, подумать только, что у насъ образованнѣйшіе люди въ хлыстовщину даже пускались... Да и чѣмъ, впрочемъ, въ такомъ случаѣ хлыстовщина хуже, чѣмъ нигилизмъ, іезуитизмъ, атеизмъ? Даже, можетъ, и поглубже еще! Но вотъ до чего доходила тоска! Откройте жаждующимъ и воспаленнымъ Колумбовымъ спутникамъ берегъ Новаго Свѣта, откройте русскому человѣку Русскій Свѣтъ, дайте отыскать ему это золото, это сокровище, сокрытое отъ него въ землѣ! *Покажите ему въ будущемъ обновленіе всего человѣчества и воскресеніе его, можетъ быть, одною только русскою мыслью, русскимъ Богомъ и Христомъ* [1])—и увидите, какой исполинъ могучій и правдивый, мудрый и кроткій, выростетъ предъ изумленнымъ міромъ, изумленнымъ и испуганнымъ, потому что они ждутъ отъ насъ одного лишь меча, меча и насилія, потому что они представить себѣ насъ

[1]) Это совершенно мысли „Пушкинской рѣчи“.

не могутъ, судя по себѣ, безъ варварства. И это до сихъ поръ, и это чѣмъ дальше, тѣмъ больше“!

„Идіотъ“, часть четвертая, VII.

Въ „Дневникѣ писателя“ за 1877 годъ, въ номерахъ январьскомъ и іюльскомъ, Достоевскій вновь возвращается къ характеристикѣ стремленій Римско-Католической церкви, оттѣняя роль ихъ въ исторіи характеристикою германскаго протеста. Нельзя отрицать, что оба явленія имъ характеризованы немного не такъ, какъ они существовали и развивались въ исторіи,—и недостаточно, и нѣсколько косо. И, однако, по крайней мѣрѣ что касается до Римско-Католической Церкви въ исторіи, она схвачена и выражена исторически вѣрно. Недостаточность характеристики Достоевскаго заключается въ томъ, что онъ береть явленіе, какъ *усиліе*, и *почти сознательное*, *преднамѣренное*, что все онъ понимаетъ, какъ нѣкоторую *политическую дѣятельность*, тогда какъ мы имѣемъ дѣло съ *формою духа* и *строеніемъ культуры*, которое выражалось въ поэзіи, драмѣ, философіи такъ же отчетливо, какъ и въ дѣятельности великихъ политиковъ Франціи, въ римскихъ первосвященникахъ или, ранѣе, въ цезаряхъ. Мы приведемъ всѣ три отрывка, сюда относящіеся:

„Три идеи встаютъ передъ міромъ и, кажется, формулируются уже окончательно. Съ одной стороны,—съ краю Европы,—идея католическая, *осужденная, ждущая въ великихъ мукахъ и недоумѣніяхъ*, быть ей или не быть, *жить ей еще* или *пришелъ ей конецъ*. Я не про религію католическую одну говорю, а про всю *Идею Католическую*, про участь націй, сложившихся подъ этой идеей въ продолженіи тысячелѣтія, проникнутыхъ ею насквозь. Въ этомъ смыслѣ, Франція, напримѣръ, есть какъ-бы полнѣйшее воплощеніе Католической идеи въ продолженіи вѣковъ, глава этой *идеи, унаслѣдованной*, конечно, *еще отъ римлянъ и въ ихъ духѣ*. Эта *Франція*, даже и *потерявшая* теперь, *почти вся*, всякую *религію* (*іезуиты и атеисты*

тутъ все равно, все одно), закрывавшая не разъ свои церкви и даже подвергавшая однажды баллотировкѣ Собранія самого Бога, эта Франція, *развивавшая изъ идей 89-го года свой особенный французскій соціализмъ, т.-е. успокоеніе и устройство человѣческаго общества уже безъ Христа, и внѣ Христа*, какъ *хотѣло, да не сумѣло устроить его во Христѣ Католичество*—эта самая Франція и *въ революціонерахъ Конвента*, и *въ атеистахъ* своихъ, и въ соціалистахъ своихъ, и въ *теперешнихъ коммунарахъ* своихъ, — все еще въ высшей степени *есть и продолжаетъ быть нигилей католическою* [1]) *вполнѣ и всецѣло*, вся зараженная католическимъ духомъ и буквой его, провозглашающая устами самыхъ отъявленныхъ атеистовъ своихъ: Liberté, Egalité, Fraternité — *ou la morte* т.-е. *точь въ точь какъ бы провозгласилъ это самъ папа*, если бы только принужденъ былъ провозгласить и формулировать liberté, égaltè, fraternité католическую—*его слогомъ, его духомъ*, настоящимъ слогомъ и духомъ папы среднихъ вѣковъ. Самый теперешній соціализмъ французскій,— повидимому, горячій и роковой *протестъ противъ идеи Католической всѣхъ измученныхъ и задушенныхъ ею людей и націй, желающихъ* во что бы то ни стало *жить и продолжать жить уже безъ Католичества и безъ боговъ его*, — *самый этотъ протестъ, начавшійся фактически съ конца прошлаго столѣтія* (но *въ сущности гораздо раньше*) *есть* ничто иное, какъ лишь *вѣрнѣйшее и неуклонное продолженіе Католической идеи*, самое *полное и окончательное завершеніе ея, роковое ея послѣдствіе, вырабатывающееся вѣками!* Ибо соціализмъ французскій есть ничто иное, какъ *насильственное единеніе человѣчества—идея еще отъ древняго Рима идущая, и потомъ всецѣло въ Католиче-*

---

[1]) Т.-е.. нужно разумѣть—„романскою:“ здѣсь имя части замѣняетъ названіе цѣлаго.

сивъ сохранившаяся. Такимъ образомъ *идея освобожденія духа человѣческаго отъ Католичества облеклась тутъ, именно, въ самыя тѣсныя формы католическія, заимствованныя въ самомъ сердцѣ духа его, въ матеріализмъ его, въ деспотизмъ его, въ нравственности*“...

„Дневникъ Писателя“, 1877 г., Янв.

„*Я не останавливаюсь на временныхъ формулахъ* [1]) *идеи древне-римской*, равно какъ и вѣковѣчнаго германскаго [2]) противъ нея протеста. Я *беру* лишь *основную идею, начавшуюся еще двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ, и которая съ тѣхъ поръ не умерла, хотя постоянно перевоплощалась въ разные виды и формулы. Теперь* именно весь этотъ крайній *западно-европейскій міръ*, именно унаслѣдовавшій римское наслѣдство, *мучится родами новаго перевоплощенія этой унасльдованной древней идеи*, и это для тѣхъ, кто умѣетъ смотрѣть—до того наглядно, что и объясненій не проситъ.

„Древній Римъ первый родилъ идею *всемірнаго единенія людей*, и первый думалъ (и твердо вѣрилъ) практически ее выполнить *въ формѣ всемірной монархіи.* Но эта *формула пала передъ христіанствомъ*,—формула, *а не идея.* Ибо идея эта есть идея европейскаго человѣчества, изъ нея составилась его цивилизація, для нея одной лишь оно и живетъ. Пала лишь идея всемірной *римской* монархіи и *замѣнилась новымъ идеаломъ всемірнаго же единенія во Христѣ.* Этотъ новый идеалъ раздвоился на *восточный*, то-есть *идеалъ совершенно духовнаго единенія людей*, и на *западно-европейскій Римско-Като-*

---

[1]) Т.-е. *воплощеніяхъ*, пожалуй—на *средствахъ* осуществленія.

[2]) Опредѣленіе германскаго духа, какъ только *протестующаго*, сдѣлано узко и невѣрно; мы указали, разбирая „Легенду“, что сущность этого духа лежитъ въ индивидуализмѣ, и, добавимъ здѣсь, поэтому только онъ и въ исторіи сталъ „протестующимъ“ противъ объединяющаго романскаго генія.

лическій, папскій—совершенно обратный восточному. Это западное, *Римско-Католическое воплощеніе идеи* и *совершилось по своему,* но *утративъ свое христіанское, духовное начало, и подъливщись имъ съ древне-римскимъ наслѣдствомъ.* Римскимъ *папствомъ было провозглашено, что христіанство и идея его,* безъ всемірнаго владѣнія землями и народами,—не духовно, а государственно,—другими словами, *безъ осуществленія на землѣ новой всемірной римской монархіи, во главѣ которой будетъ уже не римскій императоръ, а папа,—осуществлено быть не можетъ.* И вотъ *началась опять попытка всемірной монархіи совершенно въ духѣ древне-римскаго міра, но уже въ другой формѣ.* Такимъ образомъ *въ восточномъ идеалѣ—сначала духовное единеніе человѣчества во Христѣ—а потомъ уже,* въ силу этого духовнаго соединенія всѣхъ во Христѣ—несомнѣнно *вытекающее изъ него правильное государственное и соціальное единеніе;* тогда какъ *по римскому толкованію—наоборотъ: сначала заручиться прочнымъ государственнымъ единеніемъ въ видѣ всемірной монархіи, а потомъ* уже, пожалуй—и *духовное единеніе* подъ началомъ папы, какъ владыки міра сего.

„Съ тѣхъ поръ эта попытка въ римскомъ мірѣ шла впередъ и измѣнялась безпрерывно. *Съ развитіемъ этой попытки самая существенная часть христіанскаго начала почти утратилась вовсе. Отвергнувъ,* наконецъ, *христіанство духовно, наслѣдники древне-римскаго міра отвергли и папство.* Прогремѣла страшная *французская революція,* которая въ сущности *была не болѣе, какъ послѣднимъ видоизмѣненіемъ и перевоплощеніемъ той же древне-римской формулы всемірнаго единенія. Но* новая формула оказалась недостаточною, новая *идея не завершилась.* Былъ даже моментъ, когда для всѣхъ націй, унаслѣдовавшихъ древне-римское призваніе, наступило почти отчаяніе. О, разумѣется, та часть общества, которая выиграла для себя съ 1789 года политическое главенство, т.-е. буржуазія— восторже-

ствовала и объявила, что далѣе и не надо идти. Но за то всѣ тѣ *умы*, которые по вѣковѣчнымъ законамъ природы обречены на вѣчное мірovое безпокойство, на исканіе новыхъ формулъ идеала и новаго слова, необходимыхъ для развитія человѣческаго организма,— всѣ тѣ *бросились ко всѣмъ униженнымъ и обойденнымъ, ко всѣмъ, не получившимъ доли въ новой формулѣ всечеловѣческаго единенія*, провозглашенной французскою революціей 1789 года. Они *провозгласили* свое уже новое слово, именно— *необходимость всеединенія людей уже не въ виду распредѣленія равенства правъ жизни для какой-нибудь одной четверти человѣчества, оставляя остальныхъ лишь сырымъ матеріаломъ и эксплуатируемымъ средствомъ для счастья этой четверти человѣчества, а, напротивъ—всеединенія людей на основаніяхъ всеобщаго уже равенства, при участіи всѣхъ и каждаго въ пользованіи благами міра сего, какіе бы они, тамъ, ни оказались. Осуществить же* это рѣшеніе положили *всякими средствами, т.-е. отнюдь уже не средствами христіанской цивилизаціи*, и *не останавливаясь ни передъ чѣмъ*“.

Тамъ же, май и іюнь.

„*Если папство когда-нибудь будетъ покинуто и отброшено правительствами міра сего, то весьма и весьма можетъ случиться, что оно бросится въ объятія соціализма и соединится съ нимъ во едино. Папа выйдетъ ко всѣмъ нищимъ пѣшимъ и босъ и скажетъ, что все, чему они учатъ и чего хотятъ, давно уже есть въ Евангеліи*, что до сихъ поръ лишь *время* не наступало имъ про *это узнать*, а *теперь наступило*—и что онъ, *папа, отдаетъ имъ Христа* и *вѣритъ въ муравейникъ. Римскому Католичеству* (слишкомъ ужъ ясно это) *нуженъ не Христосъ, а всемірное владычество*: „Вамъ-де *надо единенія* противъ врага—*соеди-*

нитесь подъ моею властью: ибо *я* одинъ *всемірен*ъ изъ всѣхъ властей и властителей міра, и—пойдемъ вмѣстѣ“.

Тамъ же, „И сердиты и сильны“.

P. S. Все это, какъ очеркъ положенія дѣлъ, пожалуй, и справедливо. Но вѣдь нельзя-же закрывать глаза на заключительное слово Христа, какъ оно записано въ послѣдней главѣ Евангелія отъ Іоанна.

„Изъ учениковъ-же никто не смѣлъ спросить Его: „кто Ты“? зная, что это Господь.—Іисусъ приходитъ, беретъ хлѣбъ и даетъ имъ, также и рыбу. Это уже въ третій разъ явился Іисусъ ученикамъ Своимъ по воскресеніи Своемъ изъ мертвыхъ. Когда-же они обѣдали, Іисусъ говоритъ Симону Петру: „Симонъ Іонинъ, любишь-ли ты Меня болѣе, нежели они“? Петръ говоритъ Ему: „такъ, Господи! Ты знаешь, что я люблю Тебя“. Іисусъ говоритъ ему: „*паси агницевъ Моихъ*“.— Еще говоритъ ему въ другой разъ: „Симонъ Іонинъ, любишь ли ты Меня“? Петръ говоритъ Ему: „такъ, Господи! Ты знаешь, что я люблю Тебя“. Іисусъ говоритъ ему: „*паси овецъ Моихъ*“. Говоритъ ему въ третій разъ: „Симонъ Іонинъ, любишь-ли ты Меня“? Петръ опечалился, что въ третій разъ спросилъ его: любишь-ли ты Меня? и сказалъ Ему: „Господи! Ты все знаешь, что я люблю Тебя“. Іисусъ говоритъ ему: „*паси овецъ Моихъ*. Истинно, истинно говорю тебѣ: когда ты былъ молодъ, то препоясывался самъ и ходилъ, куда хотѣлъ, а когда состаришься, то простретъ руки твои и другой препояшетъ тебя и поведетъ, куда не хочешь. И сказавъ сіе, говоритъ ему: *иди за Мною*“.

Вотъ начало авторитета („паси“), противъ кого напрасно волнуется Достоевскій,—авторитета единоличнаго, исключительнаго, а вовсе не „соборнаго“ (славянофилы), такъ-какъ не всѣмъ апостоламъ (въ кучѣ) были сказаны столь знаменательныя слова. Если на болѣе краткихъ и промежуточныхъ (по ходу рѣчи) словахъ о скопчествѣ (Матѳ., 19) основалось неудержимо столь универсальное явленіе въ христіанствѣ, какъ монашество и идеалъ безбрачія, то можно-ли представить границы, до которой развилось и еще разовьется это

послѣднее завѣщаніе Спасителя, столь выпуклое, рѣзкое, трижды повторенное и (самое главное) передъ самымъ вознесеніемъ на небо! По-истинѣ, слова эти—какъ милоть, брошенная Елисею Иліею. Критика Достоевскаго Католицизма поэтому ничтожна; не въ смыслѣ опредѣленія, въ чемъ его сущность, но борьбы противъ этой сущности. Церковь была, есть и останется злато-главна, верхо-главна, и никогда не станетъ „стадомъ“ Шигалева; она авторитетна, іерархична, пирамидальна: а пирамида имѣетъ *вершину*. Лепетъ Достоевскаго о какомъ-то имъ открываемомъ „подлинномъ христіанствѣ“, „чистомъ православіи“,—какъ будто въ тысячу лѣтъ оно не выразило и не опредѣлило себя!—есть въ сущности реакція къ старому и „славному“ славянству, немножечко распущенному, стихійному, доброму, съ распущенными губами, подрумяненнымъ лицомъ, заплетающимся языкомъ (вражда къ „логическому“ началу славянофиловъ); къ старому началу „Велеса“ и „Даль-бога“, на западѣ окончательно выметенному, а у насъ по нерадивости духовенства еще сохраняющему кой-гдѣ и кой въ чемъ силу. Все это „неприличіе“ стараго язычества и хочетъ вымести Шигалевъ-папа,—дабы „устроилось едино стадо и единъ пастырь“, царство „не отъ міра сего“, но однако потому и *царство*—что оно господствуетъ *надъ* „міромъ симъ“, слабымъ, грѣховнымъ, злымъ, „діавольскимъ“, „Велесовымъ“-Карамазовскимъ. Еще Достоевскій говоритъ, что „для вѣры въ Бога надо имѣть *почву* подъ собою, почву націи, семьи, отечества“. Для „вѣры“ въ какого это Бога? Въ „Велеса“—конечно! А для Христа? „Нынѣ уже ни эллинъ, ни іудей, ни мужескъ полъ, ни женскій, ни обрѣзаніе, ни необрѣзаніе, но все и всяческая и во всѣхъ Христосъ“. Христіанство *вне*-земно, *вне*-отечественно, *вне*-семейно. Какъ Д—кій не разобралъ всего этого! „Уморимъ желаніе“, „Шекспиру долой голову“; зачѣмъ такъ грубо. Мальчишка-Шигалевъ и не достигъ ничего грубостью. Но вѣдь идея, напримѣръ, „старчества“, кротко-руководящаго, и заключается въ совѣтѣ: „принеси мнѣ свою голову, а вмѣсто нея надѣнь на плечи мою“. Ничего этого не разобралъ Д—кій! Примѣчаніе 1901 года.

Къ стр. 96 и друг. „Мнѣ надо возмездіе, иначе вѣдь я истреблю себя“... „Свобода, свободный умъ и наука заведутъ ихъ въ такія дебри, что одни изъ нихъ, непокорные и свирѣпые, истреблятъ себя“... Теорія такого „самоистребленія“ изложена была Достоевскимъ въ 1876 году, въ Окт. нумерѣ „Дневника Писателя“:

„...Въ самомъ дѣлѣ: какое право имѣла эта природа производить меня на свѣтъ, вслѣдствіе какихъ-то тамъ своихъ вѣчныхъ законовъ? Я созданъ съ сознаніемъ и эту природу *сознала*: какое право она имѣла производить меня, безъ воли моей на то, сознающаго? Сознающаго—стало быть страдающаго: но я не хочу страдать—ибо *для чего бы я согласился страдать*? Природа чрезъ сознаніе мое возвѣщаетъ мнѣ о какой-то *гармоніи въ цѣломъ*. Человѣческое *сознаніе надѣлало изъ этого возвышенія* [1]) *религій*. Она говоритъ мнѣ, что я,—хоть и знаю вполнѣ, что въ „гармоніи цѣлаго“ участвовать не могу и никогда не буду, да и *не пойму ея вовсе, что она такое значитъ* [2]), — но что я все-таки долженъ *подчиниться* этому возвѣщенію, долженъ *смириться, принять страданіе* въ виду гармоніи въ цѣломъ, и согласиться жить. Но если выбирать сознательно, то ужъ, разумѣется, я скорѣе *пожелаю быть счастливымъ лишь въ то мгновеніе, пока я существую, а до цѣлаго и его гармоніи мнѣ ровно нѣтъ никакого дѣла послѣ того, какъ я уничтожусь* [3])—останется ли это цѣлое съ гармоніей на свѣтѣ,

---

[1]) Т. е., слѣдовательно, подъ „гармоніей“ здѣсь разумѣется воздаяніе за добрыя и злыя дѣла въ загробной жизни.

[2]) Оборотъ мысли и характеръ языка совершенно какъ у Ивана Карамазова, въ началѣ разговора съ братомъ Алешей.

[3]) Здѣсь, какъ и въ „Легендѣ“, замѣчательна одна черта: при тревогѣ мыслью за судьбы человѣчества, при величайшей идейной связанности съ цѣлымъ, страшная отъединенность отъ этого цѣлаго въ сердцѣ, совершенное одиночество души. Кажется, именно этого не выноситъ человѣкъ и убиваетъ себя или задумываетъ преступленіе.

послѣ меня, или уничтожится сейчасъ же вмѣстѣ со мною. *И для чего бы я долженъ былъ такъ заботиться о его сохраненіи послѣ меня* [1]),—вотъ вопросъ? Пусть ужъ лучше я былъ бы созданъ какъ всѣ животныя, т. е. живущимъ, но не сознающимъ себя разумно; *сознаніе мое* [2]) *есть* именно не гармонія, а напротивъ—*дисгармонія: потому что я съ нимъ несчастливъ.* Посмотрите, *кто счастливъ на свѣтѣ и какіе люди соглашаются жить?* [3]) Какъ разъ тѣ, которые похожи на животныхъ и ближе подходятъ подъ ихъ типъ по малому развитію ихъ сознанія. Они *соглашаются жить* охотно, но именно *подъ условіемъ* жить *какъ животныя*, то есть—*ѣсть, пить, спать,*

---

[1]) Если я весь, безъ остатка и окончательно, исчезаю по смерти, какъ могу я любить? Не болѣе способенъ къ этому, чѣмъ мое временное тѣло, которое, конечно, никого не любитъ, но лишь страдаетъ или наслаждается. Любовь, поэтому, есть жизнь; точнѣе, нами непонимаемое обнаруженіе безсмертной жизни, никогда не кончающейся связи нашей съ родомъ человѣческимъ. Потому—есть она, потому можетъ быть, что ни я, въ комъ эта любовь, ни предметъ ея—мы никогда не кончимся.

[2]) Т-е. и сознаніе мое есть дисгармонія, и я несчастливъ, потому, что *не люблю*; и не люблю потому, что *не вѣрую* — Богу моему и ближняго моего. Черезъ Бога только можно любить живою человѣческою любовью,—не уважать, не почитать, не признавать достоинства, но *любить*. И вотъ почему любить и вѣрить значитъ *радоваться*, и радоваться—*никогда не пожелать умереть* (т. е. насильственно).

[3]) Вопросъ исторически и психологически истиненъ, но показываетъ только: до какой степени центральный недостатокъ новой цивилизаціи заключается въ ослабленіи вѣры, безъ которой индивидуальнымъ лицамъ эта цивилизація также мало нужна, какъ мнѣ, когда на рукахъ моихъ лежитъ трупъ моего ребенка, мало нужна его рубашечка, простыньки, прочее. Отсюда историческое объясненіе самоубійствъ. Зачѣмъ человѣку „прочее“, когда у него нѣтъ главнаго? И не къ этому ли главному онъ уходитъ, и силится уйти, бросая съ отвращеніемъ „прочее“?

устраивать гнѣзда и выводить дѣтей. Ѣсть, пить и спать, по человѣческому—значитъ наживаться и грабить. *Возразятъ* мнѣ, пожалуй, *что можно устроиться и устроить гнѣздо на основаніяхъ разумныхъ, на научно вѣрныхъ соціальныхъ началахъ*, а не грабежомъ, какъ было донынѣ. *Пусть, а я спрошу: для чего? Для чего устраиваться и употреблять столько стараній устроиться въ обществѣ людей правильно, разумно, и нравственно-праведно? На это* ужъ, конечно, *никто не сможетъ* мнѣ *дать отвѣта.* Все, что онѣ могли бы отвѣтить, это: „*чтобъ получить наслажденіе*“. Да, *еслибъ я былъ цвѣтокъ или корова—я бы и получилъ наслажденіе.* Но, задавая, какъ геперь, себѣ безпрерывно вопросы, *я не могу быть счастливъ*, даже *и при самомъ высшемъ непосредственномъ счастьи любви къ ближнему и любви ко мнѣ человѣчества: ибо знаю, что завтра же все это будетъ уничтожено,—и я, и все счастье это, и вся любовь, и все человѣчество обратимся въ ничто, въ прежній хаосъ.* А подъ такимъ условіемъ я ни за что не могу принять никакого счастья,— не отъ нежеланія согласиться принять его, не отъ упрямства какого изъ-за принципа, а просто потому, что *не буду и не могу быть счастливъ подъ условіемъ грозящаго завтра нуля.* Это—чувство, *это непосредственное чувство, и я не могу побороть его.* Ну, пусть бы я умеръ, а только человѣчество оставалось бы вмѣсто меня вѣчно—тогда, можетъ быть, я все же былъ бы утѣшенъ. Но вѣдь *планета* наша *не вѣчна и человѣчеству срокъ* — такой же мигъ, какъ и мнѣ. И какъ бы *разумно, радостно, праведно и свято* ни устроилось на землѣ человѣчество, — все *это* тоже *прибавляется завтра* къ тому же *нулю.* И хотъ это почему-то тамъ и необходимо, по какимъ-то тамъ всесильнымъ, вѣчнымъ и мертвымъ законамъ природы, но повѣрьте, что въ этой мысли заключается какое-то глубочайшее неуваженіе къ человѣче-

ству, глубоко мнѣ оскорбительное, и тѣмъ болѣе невыносимое, что тутъ нѣтъ никого виноватаго [1]).

„И, наконецъ, *еслибъ даже* [2]) *предположить эту сказку объ устроенномъ, наконецъ-то, на земли человѣкѣ на разумныхъ и научныхъ основаніяхъ—возможною, и повѣрить ей, повѣрить грядущему, наконецъ-то, счастью людей,*—то ужъ, *одна мысль о томъ, что природѣ необходимо было, по какимъ-то тамъ косными законамъ ея, истязать человѣка тысячелѣтія, прежде чѣмъ довести его до этого счастья, одна мысль объ этомъ уже невыносимо возмутительна.* Теперь прибавьте къ тому, что той же природѣ, допустившей человѣка, наконецъ-то, до счастья, почему-то необходимо обратить все это завтра въ нуль, не смотря на все страданіе, которымъ заплатило человѣчество за это счастье, и, главное, нисколько не скрывая этого отъ меня и моего сознанья, какъ скрыла она отъ коровы, — то невольно приходитъ въ голову одна чрезвычайно забавная, но *невыносимо грустная мысль*: „*ну что, если человѣкъ былъ пущенъ на землю въ видѣ какой-то наглой пробы, чтобъ только посмотрѣть, ужившется ли подобное существо на земли, или—нѣтъ?* [3]) Грусть этой мысли, главное—въ томъ, что опять-таки *нѣтъ виноватаго, никто пробы не дѣлалъ, не кого проклясть, а просто все произошло по мертвымъ законамъ природы* [4]),

---

[1]) Послѣднія слова повторяютъ собою одно мѣсто въ „Запискахъ изъ подполья“, и изъ этого видно, до какой степени эта теорія самоубійства (она носитъ названіе „Приговоръ“) есть продуктъ самозаключенія, приговоръ надъ собою всего цикла нами разбираемыхъ идей, окончательнымъ выраженіемъ которыхъ служитъ „Легенда“.

[2]) Отсюда начинается ходъ мысли, вошедшей и въ „Легенду“.

[3]) Аналогіи этому см. въ „Бѣсахъ“ („дьяволивъ водевиль“ Кирилова) и также въ „Легендѣ“ и въ „Кошмарѣ Ив. Ѳедоровича“ (въ „Бр. Кар.“).

[4]) Это—слова „Записокъ изъ Подполья“. Такимъ образомъ,

мнѣ совсѣмъ непонятнымъ, съ которыми сознанію моему никакъ нельзя согласиться. Ergo:

„Такъ-какъ на вопросы мои о счастьѣ *я* черезъ мое же сознаніе получаю отъ природы лишь отвѣтъ, что *могу быть счастливъ не иначе, какъ въ гармоніи цѣлаго, которой я не понимаю и, очевидно для меня, и понять никогда не въ силахъ*—

„Такъ какъ *природа* не только *не признаетъ за мной права спрашивать у нея* отчета, но даже *и не отвѣчаетъ* мнѣ вовсе—*и не потому что не хочетъ, а потому что и не можетъ отвѣтить*—

„Такъ какъ я убѣдился, что *природа, чтобъ отвѣчать мнѣ* на мои вопросы, *предназначила* мнѣ (безсознательно) *меня же самого*, и отвѣчаетъ мнѣ моимъ же сознаніемъ (потому что я самъ это все говорю себѣ),—

„Такъ какъ, наконецъ, при такомъ порядкѣ, *я* принимаю на себя въ одно и то же время роль *истца и отвѣтчика, подсудимаго и судьи*, и нахожу эту комедію, со стороны природы, совершенно глупою, а переносить эту комедію, съ моей стороны, считаю даже унизительнымъ—

„То, въ моемъ несомнѣнномъ качествѣ истца и отвѣтчика, судьи и подсудимаго, я *присуждаю эту природу*, которая такъ безцеремонно и нагло произвела меня на страданіе — *вмѣстѣ со мною къ уничтоженію... А такъ какъ природу истребить я не могу, то истребляю себя одного*, единственно отъ скуки сносить тиранію, въ которой нѣтъ виноватаго“.

Тамъ же, 1876, октябрь. „Приговоръ“.

Достоевскому казалось, что въ переданномъ отрывкѣ имъ доказано безсмертіе души человѣческой („если убѣжденіе въ безсмертіи

этотъ приговоръ включаетъ въ себя мучительныя мысли самыхъ важныхъ произведеній Достоевскаго, и, конечно—его собственныя мысли.

такъ необходимо для бытія человѣческаго, то, стало быть, оно и есть нормальное состояніе человѣчества, а-коли такъ, то и самое безсмертіе души человѣческой *существуетъ несомнѣнно*“, тамъ, же, декабрь, курсивъ авт.). Къ счастью, идея безсмертія не относится къ числу доказуемыхъ, т.-е. для насъ внѣшнихъ, нами усматриваемыхъ идей; но благодатно она дается или не дается человѣку, какъ и вѣра, какъ и любовь. Нельзя доказать любовь къ ближнему, къ ребенку своему, или—основательность своей радости; еще менѣе можно, выслушавъ доказательство, дѣйствительно полюбить, начать радоваться. Доказуемо для человѣка лишь второстепенное, „прочее“, что *такъ* или *иначе* существуетъ — ему безразлично, истина ихъ существованія есть для него предметъ любопытства. Что *нужно* ему, чѣмъ *живъ* онъ—дано ему съ жизнью, какъ легкія съ дыханіемъ, сердце съ кровообращеніемъ. Есть люди, предназначенные къ жизни —они чувствуютъ безсмертіе души, знаютъ о немъ; есть обреченные, безъ Бога, безъ любви — они темны къ нему. И, кажется, между первыми и вторыми нѣтъ общенія, и доказательства, какъ средства такого общенія—исключены, ненужны. „Я живъ, безсмертенъ; ты этого не знаешь о себѣ? итакъ—умри, мнѣ остается только похоронить тебя!“

1894.

О ГОГОЛѢ

Пушкинъ и Гоголь [1])

Въ первыхъ главахъ статьи „*Легенда о Великомъ Инквизиторѣ*“ Ѳ. М. Достоевскаго мнѣ пришлось коснуться творчества Гоголя и, въ частности, его отношенія къ дѣйствительности, которое не повторялось у послѣдующихъ писателей нашихъ и вызвало ихъ противодѣйствіе. Мысль эта встрѣтила въ нашемъ уважаемомъ критикѣ, г. Николаевѣ [2]), нѣсколько возраженій, въ частности имѣющихъ въ виду точнѣе опредѣлить значеніе личности Гоголя, и также—его творчества. Такъ какъ, за всѣмъ высказаннымъ съ той и другой стороны, многое еще остается неяснымъ и оспоримымъ въ самомъ предметѣ, то мнѣ показалось удобнымъ и небезъинтереснымъ остановить на немъ еще разъ вниманіе читателей.

Прежде всего считаю долгомъ оговориться, что я не имѣлъ въ виду Пушкина, говоря, что „въ литературѣ позднѣйшей (у Тургенева, графа Толстого и др.) *впервые*

---

[1]) По поводу статьи Говорухи-Отрока (подъ псевдонимомъ Ю. Николаева): „Нѣчто о Гоголѣ и Достоевскомъ“.

[2]) Позднѣе, по поводу высказаннаго мною взгляда на Гоголя, появилось еще нѣсколько статей въ нашихъ періодическихъ изданіяхъ, частью цѣнныхъ. Ихъ общій, однако, недостатокъ состоитъ въ томъ, что онѣ вовсе не разбираютъ какъ характеръ гоголевскаго творчества, такъ и моихъ о немъ замѣчаній.

появляются живыя лица": я сказалъ это только въ отношеніи къ самому Гоголю, а не къ тому, что лежало еще позади его. Но о Пушкинѣ—ниже, теперь же вернемся къ главной сущности вопроса.

I

Гоголь есть родоначальникъ ироническаго настроенія въ нашемъ обществѣ и литературѣ; онъ создалъ ту форму, тотъ типъ, впадая въ который и забывая свое первоначальное и естественное направленіе — вотъ уже нѣсколько десятилѣтій текутъ всѣ наши мысли и наши чувства. Идеи, которыхъ онъ вовсе не высказывалъ, ощущенія, которыхъ совсѣмъ не возбуждалъ, возникнувъ много времени спустя послѣ его смерти—всѣ, однако, формируются по одному опредѣленному типу, источникъ котораго находится въ его твореніяхъ. Съ тѣхъ поръ, какъ эти творенія лежатъ предъ нами, все что̀ не въ духѣ Гоголя—не имѣетъ силы, и, напротивъ, все, что̀ согласуется съ нимъ, какъ бы ни было слабо само по себѣ—растетъ и укрѣпляется. Душевная жизнь исторически развивающагося общества получила въ его личности изгибъ,—послѣ котораго пошла непреодолимо по одному уклону, разбивая одни понятія, формируя другія,—но всѣ и постоянно въ одномъ родѣ. Каковъ смыслъ этого изгиба? Вопросъ этотъ разрѣшается, въ частности, отношеніемъ Гоголя къ Пушкину.

Мой критикъ сравниваетъ ихъ и находитъ „равноцѣнными"; но прежде всего—они разнородны. Ихъ даже невозможно сравнивать, и, обобщая въ одномъ понятіи „красоты", „искусства", мы совершенно упускаемъ изъ виду ихъ внутреннее отношеніе, которое позднѣе развивалось и въ жизни и въ литературѣ, разъ они при-

взошли въ нее, какъ фактъ. Разнообразный, всесторонній Пушкинъ составляетъ антитезу къ Гоголю, который движется только въ двухъ направленіяхъ: напряженной и безпредметной лирики, уходящей въ высь, и ироніи, обращенной ко всему, что лежитъ внизу. Но сверхъ этой противоположности въ формѣ, во внѣшнихъ очертаніяхъ, ихъ творчество имѣетъ противоположность и въ самомъ существѣ своемъ.

Пушкинъ есть какъ бы символъ жизни: онъ — весь въ движеніи, и отъ этого-то такъ разнообразно его творчество. Все, что живетъ — влечетъ его, и подходя ко всему—онъ любитъ его и воплощаетъ. Слова его никогда не остаются безъ отношенія къ дѣйствительности, они покрываютъ ее и чрезъ нее становятся образами, очертаніями. Это онъ есть истинный основатель *натуральной школы*, всегда вѣрный природѣ человѣка, вѣрный и судьбѣ его. Ничего напряженнаго въ немъ нѣтъ, никакого болѣзненнаго воображенія или неправильнаго чувства.

Отсюда — индивидуализмъ въ его лицахъ, вовсе не сводимыхъ къ общимъ типамъ. Типъ въ литературѣ— это уже недостатокъ, это обобщеніе; то-есть нѣкоторая передѣлка дѣйствительности, хотя и очень тонкая. Лица не слагаются въ типы, они просто живутъ въ дѣйствительности, каждое своею особенною жизнью, неся въ самомъ себѣ свою цѣль и значеніе. Этимъ именно, несливаемостью своего лица ни съ какимъ другимъ, и отличается человѣкъ ото всего другого въ природѣ, гдѣ все обобщается въ роды и виды, и недѣлимое есть только ихъ мѣстное повтореніе. Этой-то главной драгоцѣнности въ человѣкѣ искусство и не должно бы касаться, — и оно не касается его у Пушкина. Изъ новыхъ только графъ Левъ Толстой, и то въ несовершенной степени,

сумѣлъ достигнуть того же: и зато онъ считается высшимъ представителемъ натурализма въ нашей литературѣ. Но мы не должны забывать, что это уже было у Пушкина, и только почему-то осталось незамѣченнымъ.

Во всякомъ случаѣ это есть величайшій признакъ того, что въ произведеніяхъ сохранена жизнь, перенесенная изъ дѣйствительности. Но и не только какъ воплотитель Пушкинъ даетъ норму для правильнаго отношенія къ дѣйствительности: въ его поэзіи содержится указаніе, какъ само искусство, уже воплотивъ жизнь, должно обратно на нее дѣйствовать. Въ этомъ дѣйствіи не должно быть ничего утороплющаго или формирующаго: поэзія лишь просвѣтляетъ дѣйствительность и согрѣваетъ ее, но не переиначиваетъ, не искажаетъ, не отклоняетъ отъ того направленія, которое уже заложено въ живой природѣ самого человѣка. Она *не мѣшаетъ* жизни,—и это также вслѣдствіе того, что въ ней отсутствуетъ болѣзненное воображеніе, которое часто творитъ второй міръ поверхъ дѣйствительнаго и къ этому второму міру силится приспособить первый. Пушкинъ научаетъ насъ чище и благороднѣе чувствовать, отгоняетъ въ сторону всякій нагаръ душевный, но онъ не налагаетъ на насъ никакой удушливой формы. И, любя его поэзію, каждый остается *самимъ собою*.

Все это и дѣлаетъ его поэзію идеаломъ нормальнаго, здороваго развитія. Въ ней заложены уже направленія, слѣдуя которымъ, сколько бы ни усложнялась жизнь—она не отклонится въ сторону; станетъ полнѣе, разнообразнѣе, наконецъ—глубже: но отъ этого не потеряетъ ни прежняго единства и цѣльности, ни спокойствія и ясности. Иное поймется въ ней, иное совершится, нежели что могло быть понято и совершено въ эпоху Пушкина; но все понятое также правильно ляжетъ на

душу, и, совершаясь, ничто не приметъ уродливости въ движеніяхъ.

II

Но вотъ появился Гоголь. Не различая типовъ въ психическомъ развитіи людей, мы все геніальное въ творчествѣ группируемъ въ одно цѣлое; и, вообще, думаемъ, что оно не разъединено, внутренно согласно, что оно усиливаетъ другъ друга. Но это не такъ: только геній же можетъ быть губителенъ для генія, и именно—геній другого, противоположнаго типа. Извѣстно, какъ затосковалъ Гоголь, когда безвременно погибъ Пушкинъ. Въ это время „Мертвыя Души“ уже выростали въ немъ, но онѣ еще не появились, а того, кто послѣдующими своими созданіями могъ бы уравновѣсить ихъ—уже не стало. Безъ сомнѣнія, вся тайна генія неизвѣстна и ему самому; но что онъ мощь свою ощущаетъ и знаетъ границы ея — это ясно. Если уже мы, открывъ случайно „Мертвыя Души“, къ какому бы нужному дѣлу не спѣшили, перевернемъ еще и еще страницу, то самъ-то дивный творецъ ихъ уже, конечно, зналъ, какая сила грядетъ съ нимъ въ міръ. И онъ, носитель этой силы, былъ теперь одинъ. Онъ зналъ, онъ не могъ не знать, что онъ погаситъ Пушкина въ сознаніи людей, и съ нимъ—все то, что несла его поэзія. Вотъ откуда вытекаетъ тревога его по мѣрѣ того, какъ стали выходить главы „Мертвыхъ Душъ“. Въ письмахъ къ друзьямъ онъ выискиваетъ ихъ впечатлѣніе, спрашиваетъ о качествѣ его и самъ упорно молчитъ о смыслѣ поэмы. Слава, несущаяся о немъ, его не занимаетъ; онъ глубже и глубже уходитъ въ себя, тонъ писемъ становится все безпокойнѣе и страннѣе. Болѣе, чѣмъ о комъ нибудь, можно сказать о геніѣ, что центръ и направленіе его лежитъ

въ „мірахъ иныхъ“; но онъ-то, личный носитель его, все-таки видитъ и знаетъ это направленіе, хотя и безсиленъ помѣшать ему. Послѣднія главы „Мертвыхъ Душъ“ Гоголь сжегъ; но и тѣ, которыя успѣли выйти, исказили совершенно иначе духовный ликъ нашего общества, нежели какъ началъ уже его выводить Пушкинъ.

Гдѣ причина, что одинъ равнозначущій геній былъ, однако, вытѣсненъ [1]) другимъ? Объясненіе этого лежитъ въ самой сущности ихъ разнороднаго творчества и въ особомъ дѣйствіи каждаго на душу. Если, открывъ параллельно страницу изъ „Мертвыхъ Душъ“ и страницу же изъ „Капитанской Дочки“ или изъ „Пиковой Дамы“, мы начнемъ ихъ сравнивать и изучать получаемое впечатлѣніе, то тотчасъ замѣтимъ, что впечатлѣніе отъ Пушкина не такъ устойчиво. Его слово, его сцена, какъ волна входитъ въ душу и, какъ волна же, освѣживъ и всколыхавъ ее — отходитъ назадъ, обратно: черта, проведенная ею въ душѣ нашей, закрывается и заростаетъ; напротивъ, черта, проведенная Гоголемъ, остается неподвижною: она не увеличивается, не уменьшается, но какъ выдавилась однажды—такъ и остается навсегда. Какъ преднамѣренно ошибся Собакевичъ, составляя списокъ мертвыхъ душъ, или какъ Коробочка не понимала Чичикова—это всѣ мы помнимъ въ подробностяхъ, прочитавъ только одинъ разъ и очень давно; но что̀ именно случилось съ Германомъ во время карточной игры,—для того, чтобы вспомнить это, нужно еще разъ открыть „Пиковую Даму“. И это еще болѣе удивительно, если при-

---

[1]) Совершенно несправедлива и унизительна для памяти Пушкина мысль, что онъ былъ вытѣсненъ изъ живого сознанія нашего общества критикою 60-хъ годовъ: онъ уже *не читался*, когда эта критика появилась, и потому именно она для всѣхъ была внятна; съ какого же времени онъ *пересталъ* читаться?

нять во вниманіе непрерывное однообразіе „Мертвыхъ Душъ“ на всемъ ихъ протяженіи и, напротивъ, своеобразіе и романтичность сценъ Пушкина. Гдѣ же тайна этой особенной силы Гоголевскаго творчества и, вмѣстѣ, конечно его сущность? Откроемъ первую страницу „Мертвыхъ Душъ“:

„Въѣздъ его не произвелъ въ городѣ совершенно никакого шума и не былъ сопровожденъ ничѣмъ особеннымъ; только два русскіе мужика, стоявшіе у дверей кабака, противъ гостиницы, сдѣлали кое-какія замѣчанія, относившіяся, впрочемъ, болѣе къ экипажу, чѣмъ къ сидѣвшему въ немъ. „Вишь ты“, сказалъ одинъ другому—„вонъ какое колесо! Что ты думаешь, доѣдетъ то колесо, если-бъ случилось, въ Москву, или не доѣдетъ“?—„Доѣдетъ“, отвѣчалъ другой. — „А въ Казань-то, я думаю, не доѣдетъ“?—„Въ Казань не доѣдетъ“, отвѣчалъ другой. Этимъ разговоръ и кончился. Да еще, когда бричка подъѣхала къ гостиницѣ, встрѣтился молодой человѣкъ въ бѣлыхъ канифасовыхъ панталонахъ, весьма узкихъ и короткихъ, во фракѣ съ покушеньями на моду, изъ-подъ котораго видна была манишка, застегнутая тульскою булавкою съ бронзовымъ пистолетомъ. Молодой человѣкъ оборотился назадъ, посмотрѣлъ экипажъ, придержалъ рукою картузъ, чуть не слетѣвшій отъ вѣтра, и пошелъ своею дорогой“.

Всмотримся въ теченіе этой рѣчи—и мы увидимъ, что оно безжизненно. Это восковой языкъ, въ которомъ ничего не шевелится, ни одно слово не выдвигается впередъ и не хочетъ сказать больше, чѣмъ сказано во всѣхъ другихъ. И гдѣ бы мы ни открыли книгу, на какую бы смѣшную сцену ни попали, мы увидимъ всюду эту же мертвую ткань языка, въ которую обернуты всѣ выведенныя фигуры, какъ въ свой общій саванъ. Уже отсюда,

какъ обусловленное и вторичное, вытекаетъ то, что у всѣхъ этихъ фигуръ мысли не продолжаются, впечатлѣнія не связываются, но всѣ онѣ стоятъ неподвижно, съ чертами, докуда довелъ ихъ авторъ, и не растутъ далѣе ни внутри себя, ни въ душѣ читателя, на котораго ложится впечатлѣніе. Отсюда—неизгладимость этого впечатлѣнія: оно не закрывается, не заростаетъ, потому что тутъ нечему зарости. Это—мертвая ткань, которая каковою введена была въ душу читателя, таковою въ ней и останется навсегда.

Ничего этого не было понято у Гоголя, и онъ сочтенъ былъ основателемъ „натуральной школы“, то-есть какъ будто бы *передающей* дѣйствительность въ своихъ произведеніяхъ. Только къ этому наивному утвержденію и относятся мои отрицанія, и подтвержденіе ихъ можно было бы найти во всѣхъ воспоминаніяхъ о немъ близкихъ людей:

„Въ январѣ 1850 года“,—пишетъ С. Т. Аксаковъ (Соч., т. III, стр. 358),—„Гоголь прочелъ намъ въ другой разъ первую главу *Мертвыхъ Душъ*. Мы были поражены удивленіемъ: глава показалась намъ еще лучше и какъ будто написана вновь. Гоголь былъ очень доволенъ такимъ впечатлѣніемъ и сказалъ:—„Вотъ что значитъ, когда живописецъ далъ послѣдній тушъ своей картинѣ. Поправки, повидимому, самыя ничтожныя: тамъ *одно словцо убавлено, здѣсь прибавлено, а тутъ переставлено* (мой курс.)—и все выходитъ другое. Тогда надо напечатать, когда всѣ главы будутъ такъ отдѣланы“... Слово „картина“, то-есть *срисованное*, здѣсь, очевидно, поставлено ошибочно: это не кисть живописца, не краски, исполненныя разнообразія и жизни, которыя воспроизводятъ разнообразіе другой дѣйствительности; это скорѣе какая-то *мозаика словъ*, приставляемыхъ одно къ другому, которой тайна была

извѣстна одному Гоголю. Не въ нашей только, но и во всемірной литературѣ онъ стоитъ одинокимъ геніемъ, и міръ его не похожъ ни на какой міръ. Онъ одинъ жилъ въ немъ; но и намъ входить въ этотъ міръ, связывать его со своею жизнью и даже судить о ней по громадной восковой картинѣ, выкованной чуднымъ мастеромъ— это значило бы убійственно поднимать на себя руку.

На этой картинѣ совершенно нѣтъ живыхъ лицъ: это крошечныя восковыя фигурки, но всѣ онѣ дѣлаютъ такъ искусно свои гримасы, что мы долго подозрѣвали, ужъ не шевелятся-ли онѣ. Но онѣ неподвижны; всмотритесь еще разъ въ приведенный выше отрывокъ: картузъ есть единственное живое лицо тамъ, которое хочетъ жить, но и оно придерживается во-время. Всѣ остальныя передвигаютъ руками и ногами, но вовсе не потому, чтобы хотѣли это дѣлать; это за нихъ авторъ переступаетъ ногами, поворачивается, спрашиваетъ и отвѣчаетъ: онѣ сами неспособны къ этому. И это не потому вовсе, что они безсмысленны: безсмысленность—второе здѣсь, что уже само собою вытекаетъ изъ безжизненности. Вспомните Плюшкина: это въ самомъ дѣлѣ удивительный образъ, но вовсе не потому, какъ оригинально онъ задуманъ, а лишь потому, какъ оригинально онъ выполненъ. Вотъ рядомъ съ нимъ стоитъ Скупой рыцарь, человѣкъ съ головы до ногъ, который понимаетъ и что такое искусство, и что такое преступленіе, и только надо всѣмъ этимъ господствуетъ своею страстью. Его можно бояться, можно ненавидѣть, но нельзя не уважать: онъ человѣкъ. Но развѣ человѣкъ Плюшкинъ? Развѣ это имя можно примѣнить къ кому-нибудь изъ тѣхъ, съ кѣмъ велъ свои бесѣды и дѣла Чичиковъ? Они всѣ, какъ и Плюшкинъ, произошли какимъ-то особымъ способомъ, ничего общаго не имѣющимъ съ есте-

ственнымъ рожденіемъ: они сдѣланы изъ какой-то восковой массы словъ, и тайну этого художественнаго дѣланія зналъ одинъ Гоголь. Мы надъ ними смѣемся: но замѣчательно, что это не есть живой смѣхъ, которымъ мы отвѣчаемъ на то, что̀, встрѣтивъ въ жизни—отрицаемъ, съ чѣмъ боремся. Міръ Гоголя—чудно отошедшій отъ насъ вдаль міръ, который мы разсматриваемъ какъ бы въ увеличительное стекло; многому въ немъ удивляемся, всему смѣемся, видѣннаго не забываемъ; но никогда ни съ кѣмъ изъ видѣннаго не имѣемъ ничего общаго, связующаго, и—не въ одномъ только положительномъ смыслѣ, но также—въ отрицательномъ.

Мой критикъ указываетъ на высокую нравственную сторону въ Гоголѣ. Ее, дѣйствительно, нельзя достаточно оцѣнить: то, на что̀ онъ рѣшился, не сдѣлалъ еще никто въ исторіи. Мы ужѐ сказали ранѣе, что направленіе и источникъ генія всего менѣе лежитъ въ волѣ его личнаго обладателя. Но *сознать* этотъ геній, но *оцѣнить* его для людей и для будущаго — это онъ можетъ. Гоголь *погасилъ свой геній.* Неужели и это недостаточное свидѣтельство того, чѣмъ онъ былъ?

III

Благодаря образамъ Пушкина и благодаря новой литературѣ, которая вся силится возстановить его, побо-рая Гоголя, и въ нашей жизни раньше или позже этотъ геній погаснетъ. И въ самомъ дѣлѣ, его иронія къ всему живому уже неоднократно заставляла свертываться самый высокій энтузіазмъ. Вспомнимъ рѣчь Достоевскаго на Пушкинскомъ праздникѣ: въ минуту такого порыва, такого обаянія для всѣхъ, онъ упалъ, какъ скошенный, когда къ его ногамъ были брошены Гоголевскіе мертвецы. Отсюда—мучительное раздраженіе, съ которымъ

онъ отвѣчалъ профессору Градовскому. Онъ понялъ, что сколько бы ни говорилъ онъ далѣе, къ какой бы діалектикѣ ни прибѣгалъ — все это не будетъ ясно, и ясны для всѣхъ эти вѣковѣчные мертвецы, и съ ними— истина, что человѣкъ можетъ только презирать человѣка. И дѣйствительно, все въ его полемикѣ забыто, никто не помнитъ подробностей спора, но вѣрно всякій помнитъ мысль, что въ прежнее время людямъ высшей души некуда было и дѣваться, какъ только уходить въ цыганскіе таборы отъ ходячихъ мертвецовъ, населявшихъ города. Но то же можно сказать и о всякомъ времени: непреодолимою преградой незабываемыя фигуры Гоголя разъединили людей, заставляя ихъ не стремиться другъ къ другу, но бѣжать другъ отъ друга, не ютиться каждому около всѣхъ, но отъ всѣхъ и всякому удаляться. Его восторженная лирика, плодъ изнуреннаго воображенія [1]), сдѣлала то, что всякій сталъ любить и уважать

---

[1]) Въ раннихъ произведеніяхъ полную аналогію къ этой лирикѣ представляютъ описанія природы („какъ упоителенъ, какъ роскошенъ лѣтній день въ Малороссіи“, и пр.), всегда напряженныя, всегда абстрактныя, представляющія только общую панораму, а не собраніе частностей, изъ которыхъ каждая дорога и привлекательна. Если сравнивать ихъ съ описаніями природы, напримѣръ, у Тургенева, то тотчасъ можно замѣтить, что Тургеневъ видѣлъ, зналъ и любилъ природу: множество подробностей у него, очевидно, *запало въ душу*, и онъ ихъ *воспроизвелъ*, хотя, можетъ быть, и безсознательно. Въ описаніяхъ Гоголя чувствуешь человѣка, который никогда *и не взглянулъ даже съ любопытствомъ на природу* (см. также и воспоминанія о немъ разныхъ лицъ). Вообще замѣчательна въ Гоголѣ эта особенность, что онъ всѣ явленія и предметы разсматриваетъ не въ ихъ дѣйствительности, но *въ ихъ предѣлѣ*: отсюда поэзія его украинскихъ разсказовъ, вовсе не похожая на простую дѣйствительность Малороссіи; отсюда его петербургскія повѣсти, „Мертвыя души“ и „Ревизоръ“, возводящія обыкновенную сѣренькую жизнь до предѣла пошлости. Съ Гоголя именно

только свои мечты, въ то же время чувствуя отвращеніе ко всему дѣйствительному, частному, индивидуальному. Все живое не притягиваетъ насъ болѣе, и отъ этого-то вся жизнь наша, наши характеры и замыслы, стали такъ полны фантастическаго. Прочтите „Невскій проспектъ“, это удивительное сплетеніе самаго грубаго реализма и самаго болѣзненнаго идеализма,—и вы поймете, что онъ былъ прологомъ, открывшимъ нить событій, сложившихъ очень грустную исторію. Великіе люди своимъ психическимъ складомъ живутъ, разлагаясь въ психическій складъ милліоновъ людей, изъ котораго родятся потомъ съ необходимостью и осязаемые факты.

Успокоеніе—вотъ то, въ чемъ мы всего болѣе нуждаемся. Нѣтъ ясности въ нашемъ сознаніи, нѣтъ естественности въ движеніи нашего чувства, нѣтъ простоты въ нашемъ отношеніи къ дѣйствительности. Мы возбуждены, встревожены,—и это возбужденіе, эта тревога сказывается конвульсивностью нашихъ дѣйствій и безпорядочностью мыслей. Развитіе дальнѣйшее, при такомъ состояніи, можетъ подняться на очень большую высоту; но оно никогда не будетъ при этомъ развитіемъ нормальнымъ, здоровымъ.

На пути къ этому естественному развитію, не столь ускоренному, но непремѣнно имѣющему подняться на большую высоту, дѣйствительно стоитъ Гоголь. Онъ стоитъ на пути къ нему не столько своею ироніей, отсутствіемъ довѣрія и уваженія къ человѣку, сколько всѣмъ складомъ своего генія, который сталъ складомъ нашей души и нашей исторіи. Его воображеніе, не такъ относящееся къ дѣйствительности, не такъ относящееся и къ мечтѣ, *растлило* наши души и разорвало жизнь,

---

начинается въ нашемъ обществѣ *потеря чувства дѣйствительности*, равно какъ отъ него же идетъ *начало* и *отвращенія къ ней*.

исполнивъ то и другое глубочайшаго страданія. Неужели мы не должны сознать это, неужели мы настолько уже испорчены, что живую жизнь начинаемъ любить менѣе, чѣмъ... игру тѣней въ зеркалѣ.

Къ счастью, въ самомъ творчествѣ Гоголя есть черты, по которымъ мы можемъ, наконецъ, опредѣлить его сущность. Мы возвратимся къ частному факту, чтобъ уяснить все сказанное и укрѣпить его, какъ кажется, непреодолимо. По какой-то обратной иронiи, которая смѣется надъ самыми мудрыми, въ искусно выполненную поэму Гоголя замѣшались двѣ дѣтскія фигурки. Это знаменитые Ѳемистоклюсъ и Алкидъ, не похожіе ни на что въ дѣтскомъ мірѣ—ни дѣйствительномъ, ни опоэтизированномъ. Вѣдь о *нихъ*-то уже мы можемъ думать, что они были чисты и прекрасны, и что никакого „оплотненія“ души, о коемъ говоритъ г. Николаевъ, въ нихъ еще не было. И все-таки они—куклы, жалкія и смѣшныя, какъ и всѣ прочія фигуры „Мертвыхъ Душъ“. Не вскрываетъ-ли это съ очевидностью предъ нами, каковъ составъ и остального содержанія поэмы? „Не мѣшайте этимъ приходить ко Мнѣ“, сказалъ Спаситель о дѣтяхъ; даже Онъ не смотрѣлъ на нихъ съ высоты и осуждающимъ взоромъ, но протягивалъ къ нимъ руки и привлекалъ ихъ къ Себѣ; какъ равно и „оплотненныхъ“ душой Онъ укорялъ и училъ, но никогда не осмѣивалъ. Какъ же мы можемъ говорить о какой-то „религіозной высотѣ“, въ свѣтѣ которой знаменитый сатирикъ судилъ людей? Если это—высота, то она не имѣетъ ничего общаго съ тою, съ которой смотрѣлъ на людей Христосъ, гдѣ лежитъ Его Евангеліе и крестъ, и куда, конечно, должны направляться народы, убѣгая отъ всего, что обманчиво блистаетъ для нихъ съ противоположной стороны, къ счастью—всегда въ очень различныхъ точкахъ.

Какъ произошелъ типъ Акакія Акакіевича

Просматривая сочиненія Гоголя въ классическомъ изданіи ихъ, сдѣланномъ недавно умершимъ ученымъ нашимъ Н. С. Тихонравовымъ, я случайно ознакомился изъ него, какъ и въ какомъ точномъ отношеніи къ дѣйствительности произошелъ типъ Акакія Акакіевича (въ повѣсти „Шинель“), столь характерный для всего творчества Гоголя и, до извѣстной степени, объединяющій въ чертахъ своихъ если и не всѣ, то главные имъ созданные типы. Къ удивленію, это сообщеніе неожиданно и ярко подтвердило, и уже фактически, все, что̀ смутно ища и, быть можетъ, впадая въ побочныя ошибки, я пытался высказать ранѣе. Почти не нуждающійся въ комментаріяхъ, вотъ этотъ фактъ:

„Сообщая о небольшомъ кружкѣ писателей“, говоритъ Н. С. Тихонравовъ, „собиравшихся къ Гоголю толковать преимущественно о явленіяхъ искусства, П. В. Анненковъ [1]) замѣчаетъ, что „никогда, однако-жъ, даже среди одушевленныхъ и жаркихъ преній, не покидала его лица постоянная, какъ бы приросшая къ нему, наблюдательность. Для Гоголя какъ здѣсь, такъ и въ дру-

---

[1]) Онъ лично зналъ Гоголя много лѣтъ, былъ съ нимъ въ дружескихъ отношеніяхъ, и, между прочимъ, иногда переписывалъ для него съ черновиковъ нѣкоторыя сочиненія (напр. „Мертвыя души“).

гихъ сферахъ жизни, ничего не пропадало даромъ. Онъ прислушивался къ замѣчаніямъ, описаніямъ, анекдотамъ, наблюденіямъ своего круга—и, случалось, пользовался ими. Въ этомъ, да и въ свободномъ изложеніи своихъ мыслей и мнѣній, кружокъ работалъ на него. Однажды при Гоголѣ разсказанъ былъ канцелярскій анекдотъ о какомъ-то *бѣдномъ чиновникѣ, страстномъ охотникѣ* за птицей, который необычайною *экономіей* и *неутомимыми, усиленными трудами свѣрхъ должности накопилъ сумму, достаточную на покупку хорошаго ленажевскаго ружья рублей въ 200* (асс.). *Въ первый разъ, какъ на маленькой своей лодочкѣ онъ пустился по Финскому заливу—за добычей*, положивъ драгоцѣнное ружье передъ собою на носъ, *онъ находился*, по его собственному увѣренію, *въ какомъ-то самозабвеніи и пришелъ въ себя только тогда, какъ, взглянувъ на носъ, не увидалъ своей обновки.* Ружье было стянуто въ воду густымъ тростникомъ, черезъ который онъ гдѣ-то проѣзжалъ, и всѣ усилія отыскать его были тщетны. Чиновникъ возвратился домой, легъ въ постель и уже не всталъ: онъ схватилъ горячку. Только *общею подпиской его товарищей, узнавшихъ о происшествіи и купившихъ ему новое ружье, возвращенъ онъ былъ къ жизни*, но о страшномъ событіи онъ уже не могъ никогда вспомнить безъ смертельной блѣдности въ лицѣ“ (т. II, стр. 610—611).

Мы почти видимъ этого чиновничка, конечно получающаго крохотное содержаніе, корпящаго надъ бумагами, людямъ несравненно бѣднѣйшимъ его духовно нужными, но который въ этой глупой дѣйствительности, для него созданной, сумѣлъ, какъ бы хоронясь изъ нея, создать себѣ новую, осмысленную, до извѣстной степени поэтическую: вѣдь страсть къ охотѣ—это прежде всего страсть къ природѣ, т. е. уже нѣкоторое чуткое къ ней

вниманіе, ея живое ощущеніе. И въ этой *ненужной* своей привязанности, безъ сомнѣнія по чуткому вниманію уже къ нему, къ его желанію уйти изъ города въ природу, онъ никѣмъ изъ окружающихъ товарищей не осуждается: они не критикуютъ его раздраженно, не смѣются надъ нимъ, какъ посмѣялись бы надъ неумѣстною затѣей и не вознаградили бы утрату ненужной вещи. Изъ столь же крохотныхъ своихъ сбереженій и, конечно, отказывая черезъ это себѣ въ необходимомъ, они покупаютъ ему опять ружье! Здѣсь, въ этой „складчинѣ“, намъ слышится ихъ общее сожалѣніе къ себѣ, сознаніе о положеніи, созданномъ для нихъ и для тысячъ подобныхъ описаннымъ, разсказаннымъ, увѣнчаннымъ исторіей геніемъ Сперанскаго, который, какъ исполинскій костякъ, безъ мускуловъ и безъ нервовъ, налегъ на живую Россію съ начала вѣка и до сихъ поръ все въ ней давитъ собою.

Во всякомъ случаѣ, въ смыслѣ разсказаннаго въ кругу пріятелей факта не было и тѣни указанія на *безжизненность*, глухую *инертность среды*, въ которой онъ совершился; и также ничего не говорило о *духовной скученности* главнаго, въ немъ упомянутаго, лица.

„Всѣ смѣялись анекдоту“, продолжаетъ Анненковъ, „*имѣвшему въ основаніи истинное происшествіе*, исключая Гоголя, который выслушалъ его задумчиво и опустилъ голову. Анекдотъ былъ первою мыслью чудной повѣсти его *Шинель*, и она заронилась въ душу его *въ тотъ же самый вечеръ*“. Нисколько не чувствуя важности факта, передъ нимъ ложащагося и бросающаго свѣтъ на все творчество Гоголя, ученый издатель его трудовъ заключаетъ: „собранія кружка, о которыхъ разсказываетъ Анненковъ, происходили въ квартирѣ Гоголя на Малой Морской, въ домѣ Лепена; а на этой

квартирѣ Гоголь жилъ въ 1834 году. Итакъ, первая мысль о повѣсти *Шинель* заронилась въ душу Гоголя въ 1834 году“ (тамъ-же, стр. 611).

Разбирая въ мельчайшихъ деталяхъ рукописи Гоголя, проф. Тихонравовъ открылъ въ Московскомъ Публичномъ Музеѣ всѣ послѣдовательные наброски знаменитой повѣсти, и между ними—начальный, переписанный рукою Погодина, который онъ приводитъ въ примѣчаніяхъ къ окончательному тексту повѣсти, со всѣми въ немъ поправками, недописанными и, наконецъ, зачеркнутыми словами, изъ буквы въ букву. По этому-то черновику, съ его поправками, который такъ мало обширенъ, что въ немъ можно видѣть работу одного-двухъ вечеровъ, мы, какъ бы присутствуя въ кабинетѣ самого Гоголя, можемъ слѣдить за работою его воображенія надъ даннымъ дѣйствительностью фактомъ, и черезъ это опредѣлить весь внутренній ея смыслъ. Замѣтивъ, что въ первой этой рукописи (на трехъ страничкахъ почтоваго листка въ 8°) еще не появляется и самое имя Акакія Акакіевича, а только содержится какъ бы художественный очеркъ безыменнаго лица, позднѣе, въ другихъ приведенныхъ наброскахъ (въ извѣстномъ эпизодѣ о его крещеніи) уже получающаго себѣ и имя, мы приведемъ его безъ пропусковъ, отмѣчая въ скобкахъ выставленныя рукою самого Гоголя (надъ Погодинскимъ текстомъ) слова:

„*Повѣсть о чиновникѣ, крадущемъ шинели* [1]). Въ департаментѣ податей и сборовъ,—который, впрочемъ,

---

[1]) Любопытно, какъ уже въ самомъ заглавіи, т. е. *въ темѣ* разсказа, мелькнувшей у „задумавшагося и опустившаго голову“, Гоголя, безъ сомнѣнія, въ самый моментъ разсказа или очень скоро послѣ него, сказалось быстрое, *принижающее и извращающее дѣйствительность*, движеніе творческаго воображенія.

иногда называютъ департаментомъ подлостей и вздоровъ, не потому, чтобы въ самомъ дѣлѣ были тамъ подлости, но потому, что господа чиновники любятъ такъ же, какъ и военные офицеры, немножко поострить,—итакъ въ этомъ департаментѣ служилъ чиновникъ, собой не очень взрачный—*низенькій, плѣшивый, рябоватъ, красноватъ*, даже на видъ нѣсколько *подслѣповатъ*. [Служилъ онъ очень безпорочно]. Въ то время еще не выходилъ указъ о томъ, чтобы застегнуть чиновниковъ въ вицъ-мундиры. Онъ ходилъ во фракѣ цвѣту коровьей коврижки. Онъ былъ [очень] доволенъ службою и чиномъ титулярнаго совѣтника. Никакихъ замысловъ на коллежскаго ассесора, ни надеждъ на прибавку жалованья. [Былъ онъ то, что называютъ вѣчный титулярный совѣтникъ,—чинъ, надъ которымъ, какъ извѣстно, наострились не мало разные писатели, которыхъ сочиненія еще смѣшатъ разныхъ невинныхъ читателей, любящихъ почитать отъ скуки и для препровожденія времени]. *Въ существѣ своемъ это было очень доброе животное, и то, что называютъ благонамѣренный человѣкъ,—ибо въ самомъ дѣлѣ отъ него почти не слыхали ни дурного, ни добраго слова. Онъ совершенно жилъ и наслаждался своимъ должностнымъ занятіемъ*, и потому на себя почти никогда не глядѣлъ, даже *брился безъ зеркала. На фракъ у него вѣчно были перья*, и онъ имѣлъ особенное искусство, ходя по улицѣ, *поспѣвать подъ окно въ то самое время, когда изъ него* выбрасывали *какую-нибудь дрянь*, и потому онъ *вѣчно уносилъ на своей шляпѣ арбузныя и дынныя корки и тому подобный вздоръ*. Зато нужно было поглядѣть на него, *когда онъ сидѣлъ въ присутствіи* за столомъ и *переписывалъ, нужно было видѣть наслажденіе*, выражавшееся *на лицѣ его. Нѣкоторыя буквы* у него были

фавориты, до которыхъ если онъ добирался, то *на лицѣ* у него просто былъ *восторгъ* [то чувствовалъ такой восторгъ, что описать нельзя: и *подсмѣивался*, и *подмигивалъ*, и *голову совсѣмъ на бокъ*, такъ что иногда для охотника можно въ лицѣ читать было всякую букву: живѣте, мыслѣте, слово, твердо. *Губы* его невольно и *сжимались*, и *послаблялись*, и какъ будто отчасти даже помогали. Тогда онъ не глядѣлъ ни на что и не слушалъ ничего: разсказывалъ-ли одинъ чиновникъ другому, что онъ заказалъ новый фракъ, и почемъ сукно, или споры о томъ, кто лучше шьетъ, о Петергофѣ, о театрѣ, или хоть даже анекдотъ весьма интересный, потому что довольно старый и знакомый, о томъ, какъ одному коменданту сказали, что у статуи Петра отрубленъ хвостъ]. Онъ всегда *приходилъ раньше всѣхъ*. Если не было переписывать, *подшивалъ* бумаги, *перечинивалъ* перья. [Конечно, это было немного, но большаго даже трудно было и дать ему, потому что, *когда одинъ разъ попробовали употребить на дѣло немаловажное, именно* [*дали*] *поручено* было ему *изъ готоваго дѣла составить отношеніе въ какое-то присутственное мѣсто,—все дѣло состояло въ томъ, чтобы перемѣнить только заглавіе и поставить въ третьемъ лицѣ все то, что находилось въ первомъ,—это задало ему такую головоломку, что онъ вспотѣлъ совершенно: теръ лобъ и сказалъ, чтобы дали ему переписать что-нибудь*]. Словомъ, служилъ очень ревностно на пользу отечества, но выслужилъ [кажется, что-то очень немного,—только] пряжку въ петлицу да геморрой въ поясницу [—вотъ и всего]. Не смотря на то, уваженія къ нему было очень немного: *чиновники надъ нимъ подсмѣивались и сыпали на голову ему бумажки, что называли снѣгомъ*, старые *вывѣряли ему бумаги, говоря: на, перепиши*. Сторожа даже

не приподнимались съ мѣстъ своихъ, когда онъ проходилъ. Жалованья ему было четыреста рублей въ годъ. На это жалованье онъ ѣлъ [доставлялъ себѣ множество наслажденій] что-то въ родѣ [щей или супа, Богъ его знаетъ, впрочемъ] и какое-то блюдо изъ говядины [пахнувшее страшно], прошпигованное немилосердно лукомъ; *отлеживался во всю волю на кровати* [валялся въ узенькой комнаткѣ] въ комнатѣ, надъ сараями, въ Свѣчномъ переулкѣ, и платилъ за помѣщеніе заплатокъ на свои панталоны, почти [вѣчно] на одномъ и томъ же мѣстѣ— и все это за тѣ же 400 рублей, и даже ему оставалось на поставку пары подметокъ въ годъ на сапоги [подметокъ на сапоги, которые онъ очень *берегъ*, и потому дома, *по праздникамъ, на квартиръ всегда сидѣлъ въ чулкахъ*]. Право, не помню его фамиліи. Дѣло въ томъ, что это былъ бы первый на свѣтѣ человѣкъ, довольный своимъ состояніемъ, если бы не одно маленькое, очень затруднительное впрочемъ, обстоятельство. Въ то время, когда Петербургъ дрожитъ отъ холода и двадцати-градусный морозъ даетъ свои колючіе щелчки по носамъ даже дѣйствительныхъ тайныхъ совѣтниковъ перваго и второго класса, бѣдные титулярные совѣтники остаются рѣшительно безъ всякой защиты. Чиновникъ, о которомъ идетъ дѣло, укрывалъ кое-какъ, какъ зналъ, свой *носъ*, впрочемъ очень незамѣчательный, *туной* и нѣсколько *похожій на то пирожнов*, которое дѣлаютъ [нѣкоторымъ чиновникамъ] кухарки въ Петербургѣ, называемое пышками. Онъ его упрятывалъ во что-то больше похожее на капотъ, чѣмъ на шинель, что-то очень неопредѣленное и очень поношенное. Онъ уже издавна сталъ замѣчать, что шинель становится, чѣмъ далѣе, какъ будто бы немного холодноватѣе. Разсмотрѣвши ее всю насквозь,—къ свѣту и такъ,—онъ рѣшился снести

ее къ портному [которому эта шинель была рѣшительно такъ же знакома, какъ собственная, и онъ зналъ совершенно мѣстоположенья всѣхъ худыхъ и дырявыхъ мѣстъ], который, не смотря на свой *кривой* глазъ [*рябизну* по всему тѣлу], занимался довольно удачно починкой чиновничьихъ и всякихъ другихъ панталонъ и фраковъ“ (стр. 613—614).

Здѣсь и оканчивается первоначальный набросокъ. Всматриваясь въ него, а также въ послѣдующія передѣлки и въ окончательную редакцію повѣсти, мы замѣтимъ, что сущность художественной рисовки у Гоголя заключалась въ подборѣ къ одной избранной, какъ бы *тематической*, чертѣ создаваемаго образа другихъ *все подобныхъ* же, *ее только* продолжающихъ и усиливающихъ чертъ, съ строгимъ наблюденіемъ, чтобы среди ихъ *не замѣшалась хотъ одна, дисгармонирующая имъ*, или просто съ ними не связанная черта (въ лицѣ и фигурѣ Акакія Акакіевича нѣтъ ничего не безобразнаго, въ характерѣ—ничего не забитаго). Совокупность этихъ подобранныхъ чертъ, какъ хорошо собранный вогнутымъ зеркаломъ пукъ однородно направленныхъ лучей, и бьетъ ярко, незабываемо въ память читателя; но, конечно—это не свѣтъ естественный, разсѣянный, какой мы знаемъ въ природѣ, а искусственно полученный въ лабораторіи. И видѣть какую-нибудь фигуру, точнѣе—одну въ ней черту подъ лучомъ этого свѣта, когда всѣ прочія ея черты оставлены въ совершенной темнотѣ—значитъ узнать о ней менѣе, какъ если бы въ обыкновенномъ свѣтѣ (позднѣйшее наше художество) мы видѣли полную фигуру въ соединеніи всѣхъ ея чертъ. Извѣстно, что послѣдующіе томы „Мертвыхъ душъ“ имѣли задачею своей вывести положительные образы; но при томъ способѣ рисовки, какой былъ присущъ

Гоголю—и они все равно бы были суженіемъ дѣйствительности, ея упрощеніемъ, обѣднѣніемъ (вѣдь, таковы и есть *начатые* образы „Улиньки, Костанджогло). Но мы знаемъ, что въ первомъ томѣ этого труда онъ выполнилъ лишь отрицательную половину занимавшей его задачи; не ясно-ли, что уже не суженіе, но *искалѣченіе* человѣка противъ того, что̀ и каковъ онъ въ дѣйствительности есть, мы здѣсь находимъ.

Судя по передѣлкамъ, мы въ этомъ процессѣ его рисовки можемъ отмѣтить одну общую тенденцію: первымъ движеніемъ воображенія онъ стремится захватить въ картину возможно большее число предметовъ; позднѣе ненужные изъ нихъ отбрасываются, дѣйствіе вогнутаго зеркала какъ бы сосредоточивается, но и то̀, что̀ оно дѣлаетъ съ предметомъ, передъ нимъ стоящимъ—усиливается. Отчасти это можно видѣть изъ приведенныхъ выше въ скобкахъ *добавленій*, сдѣланныхъ рукою самого Гоголя къ первому, начальному тексту повѣсти; но еще болѣе это замѣтно при сравненіи его съ окончательною редакціею. Такъ, въ послѣдней начало повѣсти *упрощено*:

„Въ департаментѣ... но лучше не называть, въ какомъ департаментѣ“...

т. е. отброшены ненужныя „подлости и вздоры“, и также „господа чиновники и военные офицеры“. Зато на жалкую фигуру Акакія Акакіевича въ этихъ же первыхъ строкахъ накинуты одна-двѣ еще увеличивающія его безобразіе черты.

„... Итакъ, въ одномъ департаментѣ служилъ одинъ чиновникъ,—чиновникъ, нельзя сказать, чтобы очень замѣчательный: низенькаго роста, нѣсколько рябоватъ, нѣсколько рыжеватъ, нѣсколько даже на видъ подслѣповатъ, съ небольшою лысиною на лбу, *съ морщинами*

по обѣимъ сторонамъ щекъ и цвѣтомъ лица, что называется, геморроидальнымъ".

Далѣе, ниже нѣсколькими строками, краски рисующія какъ его внѣшность, такъ и внутреннее содержаніе, сгущены противъ первоначальнаго наброска и доведены до непереступаемой степени яркости:

„... Вицъ-мундиръ у него былъ не зеленый, а какого-то рыжевато-мучнаго цвѣта. *Воротничекъ* на немъ былъ *узенькій, низенькій*, такъ-что *шея* его, несмотря на то что не была длинна, выходя изъ воротника, *казалась* необыкновенно длинною, *какъ у* тѣхъ *гипсовыхъ котенковъ*, болтающихъ головами, которыхъ носятъ на головахъ цѣлыми десятками русскіе иностранцы. И *всегда что-нибудь* да *прилипало къ его вицъ-мундиру*: или *сѣнца кусочекъ*, или какая-нибудь *ниточка*"... „Онъ если и *глядѣлъ на что*, то *видѣлъ на всемъ свои чистыя, ровнымъ почеркомъ выписанныя строки*,—и только развѣ, если, неизвѣстно откуда взявшись, лошадиная морда помѣщалась ему на плечо и напускала ноздрями цѣлый вѣтеръ ему въ щеку, тогда только замѣчалъ онъ, что онъ не на срединѣ строки, а скорѣе на срединѣ улицы"... „Приходя домой, хлѣбалъ на скоро щи... *не замѣчая ихъ вкуса, ѣлъ все это съ мухами*. Замѣтивши, что желудокъ начиналъ пучиться, вставалъ изъ-за стола, *вынималъ баночку съ чернилами и переписывалъ бумаги, принесенныя на домъ*. Если-же такихъ не случалось, онъ *снималъ нарочно, для собственнаго удовольствія, копію для себя*,—особенно, если бумага была замѣчательна, не по красотѣ слога, но *по адресу къ* какому-нибудь новому или *важному лицу*"... „Написавшись *сласть*, онъ *ложился спать*, *улыбаясь заранѣе при мысли о завтрашнемъ днѣ*,—*что-то Богъ пошлетъ переписывать завтра*. Такъ протекла мирная жизнь человѣка, который

съ четырьмя стами жалованья умѣлъ быть довольнымъ своимъ жребіемъ", и т. д.; слѣдуетъ переходъ къ „сильному врагу всѣхъ" такихъ чиновниковъ, сѣверному морозу,—что̀ уже содержится въ концѣ первой редакціи повѣсти, и, слѣдовательно, всѣ вставки эти сдѣланы именно на приведенномъ первомъ наброскѣ начала повѣсти.

Обратимся отъ пріемовъ этой рисовки къ самому рисующему художнику. Слова *перваго же* наброска, *выпущенныя* въ позднѣйшихъ переработкахъ: „*въ существѣ своемъ это было доброе животное*", ставятъ насъ на точку зрѣнія, съ которой рисовался портретъ: и взглянувъ на него, мы уже объясняемъ себѣ, почему именно принижающая черта избрана въ рисуемомъ портретѣ: животное, безъидейное, неощущающее—такова была его тема; и, между тѣмъ, мелькнула она въ умѣ художника при разсказѣ, именно показывающимъ человѣка одухотвореннымъ, полнымъ мысли, чувства радости о Божіемъ мірѣ. Достаточно вспомнить о *самозабвеніи* охотника, выѣхавшаго послѣ долгаго, быть можетъ, ожиданія на гладь Финскаго залива, съ *безчувственностью* канцеляриста, который, переходя улицу, тогда только замѣчаетъ, что онъ „не на серединѣ строки", когда лошадь тычетъ его изъ-за плеча мордой, чтобы понять, чѣмъ было творчество Гоголя *въ отношеніи къ дѣйствительности*, какою *ея рисовкой*. Гоголь не только не передавалъ ее въ своихъ созданіяхъ; и какъ человѣкъ, встрѣчаясь съ ея явленіями или слыша о нихъ—онъ чудился ея, съеживался, уходилъ отъ нея, какъ уходили отъ холода его чиновники „въ свои поношенные капоты", въ странный міръ болѣзненнаго воображенія, гдѣ рядомъ съ образами блистающихъ „Аннунціатъ" (см. „Римъ") жили оскопленные, съ облѣз-

лыми на головѣ волосами, съ морщинистыми щеками образы Акакіевъ Акакіевичей и подобныхъ; но какъ эти, такъ и тѣ, „блистающіе“—равно безъ жизни [1]), безъ естественнаго на себѣ свѣта, безъ движеній, безъ способности въ себѣ продолжающейся мысли, развивающагося чувства [2]). Съ этими странными образами од-

---

[1]) И въ самомъ дѣлѣ, почти невозможно понять образъ Акакія Акакіевича, не оттѣняя его въ мысли своей образомъ этой Аннунціаты: „Попробуй взглянуть на молнію, когда, раскроивши черныя какъ уголь тучи, нестерпимо затрепещетъ она цѣлымъ потокомъ блеска. Таковы *очи* у албанки Аннунціаты. Все напоминаетъ въ ней тѣ античныя времена, когда оживлялся мраморъ и блистали скульптурные рѣзцы. Густая смола *волосъ* тяжеловѣсною косою вознеслась въ два кольца надъ головой и четырьмя длинными кудрями разсыпалась по шеѣ. Какъ ни поворотитъ она сіяющій *снѣгъ* своего *лица*—образъ ея весь отпечатлѣлся въ сердцѣ. Станетъ-ли *профилемъ*—дивнымъ благородствомъ дышитъ профиль, и мечется красота линій, какихъ не создавала кисть. Обратится-ли *затылкомъ* съ подобранными кверху чудесными волосами, показавъ сверкающую *шею* и красоту невиданныхъ землею *плечъ*—и тамъ она чудо. Но чудеснѣе всего, когда *глянетъ* она прямо очами въ очи, водрузивши хладъ и замиранье въ сердце. Полный *голосъ* ея звенитъ какъ мѣдь. Никакой гибкій паитеръ не сравнится съ ней въ быстротѣ, силѣ и гордости *движеній*. Все въ ней вѣнецъ созданія, *отъ плечъ до* античной дышащей *ноги и до* послѣдняго *пальчика на ея ногѣ*. Куда ни пойдетъ она—уже несетъ съ собой картину: спѣшитъ-ли ввечеру къ фонтану съ кованой мѣдной вазой на головѣ“—и т. д. Это, съ анатомическою послѣдовательностью движущееся описаніе, и, вмѣстѣ, усиливающееся стать пламеннымъ, есть строгая и лишь обратно направленная параллель съ образомъ Акакія Акакіевича: черты одного уходятъ безконечно въ высь, другого—внизъ, оба *удаляясь отъ дѣйствительности*, равно *лишенныя* движенія, *жизни*, одухотворенности.

[2]) Замѣчательно, что ни въ одномъ произведеніи Гоголя нѣтъ *развитія* въ человѣкѣ страсти, характера, и пр.; мы знаемъ у него лишь *портреты*, человѣка in statu, не движущагося, не измѣняющагося, не растущаго или умаляющагося. И, кажется, такъ же

ними онъ жилъ, ими тяготился, ихъ выразилъ; и дѣлая это—и самъ вѣрилъ, и заставилъ силою своего мастерства нѣсколько поколѣній людей думать, что не причудливый и одинокій міръ своей души онъ изображалъ, а яркую, передъ нимъ игравшую, но имъ *не увидѣнную, не услышанную, не ощущенную* жизнь.

И, однако, еслибы только „Мертвыя души“ и „Ревизора“ оставилъ намъ Гоголь, то, оставаясь изумителенъ для насъ какъ художникъ, онъ не былъ бы еще великъ, какъ человѣкъ. Есть, сверхъ отмѣченной главной въ немъ черты, *сужденія* и *приниженія* человѣка, другая, которою онъ сталъ такъ непонятенъ, таинственъ для всѣхъ, и которою влечетъ къ себѣ наше сердце, зоветъ къ себѣ будущее,—какъ первою чертою очаровываетъ нашъ умъ, отталкиваетъ прошлое. Эта черта—и она также сейчасъ объяснится изъ его черновыхъ бумагъ—есть его безконечный *лиризмъ*, оторванный какъ и прочее отъ связи съ дѣйствительностью. Къ чему онъ относится? Только къ этой иронiи, съ нею связанъ, безъ нея не появлялся. Лиризмъ Гоголя всегда есть только жалость, скорбь, „незримыя слезы сквозь видимый смѣхъ“, какъ-то мѣшающiяся съ этимъ смѣхомъ: но, замѣчательно, не предшествуя ему, но всегда за нимъ *слѣдуя*. Это — великая жалость къ человѣку, такъ изображенному, скорбь художника о законѣ его творчества, плачъ его надъ изумительною картиною, которую онъ не умѣетъ нарисовать иначе (вспомнимъ *попытки* создать 2-й т. „Мертвыхъ душъ“) и, нарисовавъ такъ, хоть ею и любуется, но ее презираетъ, не-

---

относился онъ къ природѣ: *бури, вѣтра*, даже *шелестящихъ* листьевъ или травы онъ не описалъ; на всей огромной панорамѣ его живописи ничто не движется,—и это, конечно, не безъ связи съ характеромъ его генiя.

навидитъ. Ранній проблескъ этого лиризма мы находимъ въ разбираемой теперь повѣсти, и изъ содержанія черновыхъ бумагъ убѣждаемся, что его вовсе не было въ первоначальныхъ текстахъ, онъ только появился *вставкою* въ окончательный текстъ, т.-е. когда собственно *рисующая* работа была уже окончена. Мы приведемъ его въ контекстѣ съ этою послѣднею, дабы видно было отсутствіе всякой между ними связи:

„Молодые чиновники подсмѣивались и острили надъ нимъ, во сколько хватало канцелярскаго остроумія; разсказывали тутъ же, передъ нимъ, разныя составленныя противъ него исторіи; про его хозяйку, семидесяти-лѣтнюю старуху, говорили, что она бьетъ его; спрашивали, когда будетъ ихъ свадьба; сыпали на голову его бумажки, называя это снѣгомъ“...

И вотъ, какъ бы прерывая этотъ потокъ издѣвательствъ, ударяя рисующую неудержимо ихъ руку,—какою-то припискою сбоку, позднѣе прилѣпленною наклейкой, слѣдуетъ:

„... но ни одного слова не отвѣчалъ Акакій Акакіевичъ, какъ будто бы никого и не было передъ нимъ. Это не имѣло даже вліянія на занятія его: среди всѣхъ этихъ докукъ, онъ не дѣлалъ ни одной ошибки въ письмѣ. Только если ужъ слишкомъ была невыносима шутка, когда толкали его подъ руку, мѣшая заниматься своимъ дѣломъ, онъ произносилъ: „Оставьте меня! Зачѣмъ вы меня обижаете?“ *И что-то странное заключалось въ словахъ и въ голосѣ, съ какимъ они были произнесены. Въ немъ слышалось* что-то такое преклоняющее на жалость, что *одинъ молодой человѣкъ, недавно опредѣлившійся*, который, *по примѣру другихъ, позволилъ было себѣ посмѣяться надъ нимъ—вдругъ остановился, какъ будто все перемѣнилось передъ нимъ и по-*

казалось въ другомъ видѣ; какая-то неестественная сила оттолкнула его отъ товарищей, съ которыми онъ познакомился, принявъ ихъ за приличныхъ, свѣтскихъ людей. *И долго потомъ, среди самыхъ веселыхъ минутъ, представлялся ему низенькій чиновникъ, съ лысиной на лбу, со своими проникающими словами: „Оставьте меня! Зачѣмъ вы меня обижаете?“. И въ этихъ проникающихъ словахъ звенѣли другія слова: „я братъ твой“. И закрывалъ себя рукою* бѣдный молодой человѣкъ, *много разъ содрогался онъ* потомъ на вѣку своемъ, *видя, какъ много въ человѣкѣ безчеловѣчья, какъ много свирѣпой грубости* въ утонченной, образованной свѣтскости, и, Боже! даже *въ томъ человѣкѣ, котораго свѣтъ признаетъ благороднымъ и честнымъ*“.

И далѣе опять:

„... Врядъ-ли гдѣ можно было найти человѣка, который такъ жилъ бы въ своей должности. Мало сказать—онъ служилъ ревностно; нѣтъ, онъ служилъ съ любовью. Тамъ, въ этомъ переписываньи, ему видѣлся какой-то свой разнообразный и пріятный міръ. Наслажденіе выражалось на лицѣ его; нѣкоторыя буквы у него были фавориты, до которыхъ если онъ добирался, то былъ самъ не свой: и подсмѣивался, и подмигивалъ, и помогалъ губами, такъ-что въ лицѣ его, казалось, можно было прочесть всякую букву, которую выводило перо его. Если бы соразмѣрно его рвенью, давали ему награды“; и т. д. (таже 92 стр.) сыплются и сыплются тѣ же „бумажки“ на голову „въ существѣ своемъ добраго животнаго“, какъ раньше. Внѣ всякаго сомнѣнія, приведенный лирическій отрывокъ есть вспышка глубокой скорби въ творцѣ при видѣ сотвореннаго; это онъ „содрогается“, окончивъ созданіе „свирѣпой грубости“, и „закрываетъ себя рукою“, и повторяетъ зве-

нящія въ ушахъ слова: „я братъ твой“, которыя чѣмъ далѣе, тѣмъ громче будутъ звучать въ его душѣ, по мѣрѣ того, какъ творческій его геній будетъ восходить къ высшимъ и высшимъ въ зрѣлости своей созданіямъ. Мы ихъ услышимъ, этотъ плачъ художника надъ своею душой, въ лирическихъ отступленіяхъ „Мертвыхъ душъ“, въ рѣчи перваго комическаго актера „Развязки къ Ревизору“, въ заключительной строкѣ „Повѣсти о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ“ [1]); онъ намъ звучитъ изъ множества частныхъ его писемъ глубочайшей значительности, и, наконецъ, все собою заглушаетъ, сгоняетъ остатки всякаго „смѣха“ въ „Авторской исповѣди“, въ „Завѣщаніи“, въ „Выбранныхъ мѣстахъ изъ переписки съ друзьями“. И—вотъ онъ, весь Гоголь, въ полнотѣ образа своего, безъ исключенія изъ него какой-нибудь черты: великій человѣкъ, въ которомъ геніальный умъ разошелся съ простымъ сердцемъ, и надолго побѣдилъ его, заглушилъ естественный противъ себя ропотъ, но въ концѣ—былъ имъ побѣжденъ, скованъ, отброшенъ послѣ борьбы, которая, однако, человѣку стоила жизни.

И если все это въ немъ было непонятно, мы не должны этому удивляться: вѣдь, бороться съ собою—

---

[1]) Любопытно, что всюду, гдѣ онъ умѣетъ создавать не отрицательные образы (въ „Вечерахъ на хуторѣ близъ Диканьки“, въ „Миргородѣ“), у него эти лирическія отступленія отсутствуютъ; хотя, по теченію рѣчи, тамъ преимущественно и слѣдовало бы ожидать, что онъ къ нимъ подымется. И рисуя отрицательное—лишь тамъ, гдѣ живопись достигаетъ самой яркой выпуклости, самой высокой напряженности (какъ и въ примѣрѣ Акакія Акакіевича)—скорбь охватываетъ душу творца и изливается въ лирическомъ отступленіи, по закону художественной объективаціи обращаемомъ къ изображаемому человѣку, но въ истинѣ своей—о самомъ *изображеніи* и о *себѣ*, изобразившемъ.

это такъ чуждо намъ, такъ не понятно въ себѣ; могли-ли понять и оцѣнить мы это въ другомъ? Намъ все казалось, что, какъ и мы, онъ „боролся съ печальною дѣйствительностью“; цѣлая половина его дѣятельности становилась, при такомъ взглядѣ, необъяснима въ немъ; необъяснимъ онъ весь, какъ человѣкъ, съ его мучительнымъ скитальчествомъ изъ страны въ страну, съ жаждой бѣжать изъ родной земли, молитвой, аскетизмомъ, поѣздкой въ Іерусалимъ, сожженіемъ 2-го тома „Мертвыхъ душъ“. Что за дѣло до *него*; вѣдь, за то, онъ становился помощникомъ *намъ*. Но великій человѣкъ достоинъ того, чтобы его разсматривали въ самомъ себѣ. Въ исторіи души своей, хотя бы единичной, онъ, быть можетъ, значительнѣе, чѣмъ цѣлое общество въ исторіи своихъ мелкихъ заботъ, треволненій, ожиданій, злобы. И если вѣнчавшее его могилу камнемъ, похвалой и готовое увѣнчать бронзою непониманіе и тщеславіе при этомъ измѣнившемся на него взглядѣ возьмемъ *свое* назадъ,—съ его образа сбѣгутъ только ему навязанныя черты, и онъ останется для насъ въ томъ именно особомъ величіи, какое было въ немъ и какое онъ въ себѣ указалъ намъ; но мы къ словамъ его не прислушались.

КОНЕЦЪ

ОГЛАВЛЕНІЕ

СТРАН.

О легендѣ „Великій Инквизиторъ“ Ѳ. М. Достоевскаго 1

Приложенія: I. Идея неустроимости природы человѣческой раціонально. 204

II. Идея пониженія психическаго уровня человѣка 225

III. Идея Римскаго Католицизма, какъ противоположенія Христіанству . . 232

IV. Власть въ Христіанствѣ 242

V. Оправданіе самоубійства, и идея безсмертія души человѣческой, изъ хода этой мысли вытекающаго 244

О Гоголѣ

Пушкинъ и Гоголь 253

Какъ произошелъ типъ Акакія Акакіевича 266

Цѣна 1 р. 50 к.

Во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ продаются слѣдующ

сочиненія В. В. РОЗАНОВА:

О пониманіи. Опытъ изслѣдованія природы, границъ и внутре
няго строенія науки, какъ цѣльнаго знанія. Москв
1886 г. Цѣна **5** р.

Сумерки просвѣщенія. Сборникъ статей по вопросамъ образ
ванія. Изданіе П. Перцова. С.-Петербургъ, 1899
Цѣна **1** р.

Литературные очерки. Изданіе П. Перцова. С.-Петербург
1899 г. Цѣна **1** р.

Природа и исторія. Изданіе 2-ое, П. Перцова. С.-Петербург
1902 г. Цѣна **1** р.

Религія и культура. Изданіе 2-ое, П. Перцова. С.-Петербург
1902 г. Цѣна **1** р. **20** к.

Въ мірѣ неяснаго и не рѣшеннаго. Съ рисунками въ текст
Изданіе 2-ое. С.-Петербургъ, 1904 г. Ц. **1** р. **50**

Семейный вопросъ въ Россіи.—Дѣти и родители.—Мужья
жены.—Разводъ и понятіе незаконнорожденности.
Холостой бытъ и проституція.—Женскій трудъ.
Законъ и религія.—Съ рисунками въ текстѣ. Д
тома. С.-Петербургъ, 1903 г. Цѣна за оба то
4 р. **50** к.

Мѣсто христіанства въ исторіи. Изданіе 2-ое. С.-Петербур
1904 г. Цѣна **15** коп. (выпускъ 1-й „Религіоз
философской библіотеки“).

Около церковныхъ стѣнъ. С.-Петербургъ, 1906 г. 2 то
По **2** руб. за томъ.

Ослабнувшій фетишъ. Психологическія основы русской ре
люціи. Изданіе М. В. Пирожкова. С.-Петербур

15) РЕНАНЪ, ЭРНЕСТЪ. Жизнь Іисуса. Переводъ *Е. В. Свѣтловскаго* безъ всякихъ сокращеній съ 19-го пересм. и дополн. изд. Съ портретомъ Ренана, исполненнымъ геліогравюрою. 1 р. 50 к. Отдѣльно портретъ Ренана 20 к., съ перес. 35 к.

16) РОЗАНОВЪ, В. Около церковныхъ стѣнъ. Въ двухъ томахъ. Ц. каждому тому 2 р.

17) „ Ослабнувшій фетишъ. Психологическія основы русской революціи. 20 к.

18) РОЙТМАНЪ, ДМ. Значеніе математики, какъ науки и какъ общеобразовательнаго предмета. Что должно составлять содержаніе элементовъ математики? (включая и высшую математику). 50 к.

19) СЕРРЕ, (J.-A.). Дополненіе къ „Теоріи круговыхъ функцій". 50 к.

20) ТРАЧЕВСКІЙ, А. С. Учебникъ новой исторіи (было истреблено цензурою до выхода въ свѣтъ). 1 р. 75 к.

21) ЩАПОВЪ, А. П. Сочиненія. Въ трехъ томахъ. Томъ I, съ портретомъ Щапова, исполненнымъ фототипіей, 800 стран. 3 руб.— Томъ II, 2 р. 50 к.—Томъ III (печатается) **(№ 20 Ист. Отд.).**

Печатаются и вскорѣ поступятъ въ продажу:

1) БЕРДЯЕВЪ, Н. А. Sub specie aeternitatis. Опыты философскіе, соціальные и литературные.

2) БЕРТРАНЪ, Ж. Дифференціальное исчисленіе. 2-ой выпускъ.

3) БОРОЗДИНЪ, А. К. Литературныя характеристики. Девятнадцатый вѣкъ. Томъ II, вып. II. Съ портретами.

4) ГИППІУСЪ, З. Н. (Мережковская). Новые люди. Первая книга разсказовъ. 2-ое изданіе.

5) Общественныя движенія въ Россіи въ XIX в. Томъ II.

6) ПОССЕ, К. Дифференціальное и интегральное исчисленія 2-ое исправл. и дополн. изданіе.

7) Р. Смерть Павла I. Переводъ съ нѣм. *М. Чепинской*, съ предисловіемъ *В. И. Семевскаго.*

8) РЕНАНЪ, ЭРНЕСТЪ. Антихристъ (по подпискѣ 1 р. 25 к.).

9) „ „ Апостолы („ 1 р. 25 к.).

10) СОМОВЪ, І. Аналитическая геометрія 2 и 3 измѣреній. 2-ое пересмотрѣнное изданіе.

11) ТВЕРИТИНОВЪ. Объ объявленіи приговора Н. Г. Чернышевскому.

12) ТРАЧЕВСКІЙ, А. С. проф. Новая исторія (было истреблено